

***Проблема соотношения  
естественного и позитивного права:  
от естества человека к прайду хищника***

Панищев А.Л.

УДК 1  
ББК 60.0  
П 16

Автор: Панищев А.Л. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии КИСО (филиал) РГСУ.

Научный редактор –  
д-р философских наук, профессор, проректор по научной работе Смоленского государственного университета **Егоров А.Г.** (Россия, Смоленск).

Рецензенты:

д-р психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Смоленского государственного университета **Сонин В.А.** (Россия, Смоленск);

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета и доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского филиала Международного института экономики и права **Хворостов А.Ю.** (Россия, Новокузнецк);

кандидат политических наук, доцент философского факультета Одесского национального университета имени И.И.Мечникова **Добродум О.В.** (Украина, Одесса).

**Панищев А.Л.**

П 16 Проблема соотношения естественного права и позитивного: от естества человека к прайду хищника : монография / А.Л. Панищев. – Курск.: Издательство «Курская типография», 2008. – 135 с.

ISBN 978-5-8386-0072-1

Настоящая монография представляет собой исследование проблемы соотношения естественного права и позитивного. Отмечается, что в результате нарушения данного соотношения, утраты связи между государственностью и культурой происходит дезинтеграция государства и формирование прайдового права. Само государство рассматривается как естественная для человеческой природы форма бытия человека и общества.

Книга адресована преподавателям философско-гуманитарных дисциплин, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется философией права и беспокоится о судьбе России и народов, за которые мы несём духовную ответственность.

УДК 1  
ББК 60.0  
П 16

ISBN 978-5-8386-0072-1

Панищев А.Л., 2008

## Введение

Проблема соотношения естественного и позитивного права весьма сложна, и динамика изменения этого соотношения достаточно рельефно отражает характер цивилизационного развития человечества, свидетельствует о его достижениях и во многом является предупреждением, предохраняющим от социальных кризисов. Сейчас в XXI столетии мы воспринимаем многие явления и общественные институты как привычные, как нечто само собой разумеющееся. Кажется вполне закономерным то, что существуют службы, обеспечивающие работу общественного транспорта, выработку и подачу электроэнергии, работу отопительной и канализационной систем. Однако стоит только представить себе кратковременный сбой в работе одной из подобных служб, как сразу же всплывает ряд проблем, указывающих на уязвимость системы жизнеобеспечения города, государства и, соответственно, жизнеспособности нашей цивилизации. Одним из условий для обеспечения сохранения жизни, для нормальной работы всех государственных и социальных институтов является эффективное действие права – узаконенного установления, признанным обязательным в отношении как органов власти, так и отдельно взятого гражданина. Вместе с тем всецелое упование на силу законодательства, принятие на веру безграничной власти государственного права (что, кстати сказать, особенно характерно для западноевропейской цивилизации) представляет собой крайне опасное явление. Право может эффективно функционировать лишь в том случае, когда человеческий рассудок полностью подчинён разуму. Рассудок сам по себе в непрерывно меняющемся мире не является фундаментальной основой для выработки экзистенциальных констант, ибо он, способный логическими спекуляциями обосновать почти всё, что необходимо принять в конкретной ситуации, прельщает человека возможностями подменить нормы, в системе которых, как правило, допускается проведение ценностной рекомбинации. Между тем такое состояние, касающееся умственной работы человека, таит в себе довольно-таки много опасностей и чревато серьёзными последствиями, которые нередко приводят последнего к тому, что тактично принято называть конформизмом. К сожалению, это нелицеприятное качество ныне подчас рядится во внешне привлекательную маску способности вжиться в коллектив, в притворную видимость покладистости, сговорчивости и т.п. Поэтому-то человеку так важно не останавливаться в своём интеллектуальном росте на уровне рассудка, а стремиться к разумности, что позволит ясно видеть духовные составляющие человеческого бытия и соотносить внутренние принципы с объективной реальностью мира сего. Исключительно благодатной почвой для развития институтов в человеческом обществе является культура, в частности правовая.

Правовая культура является стимулом для развития государства лишь в том случае, если функционирует на основе духовных ценностей, которые в

общественном мировоззрении занимают господствующие места. А. Швейцер точно подметил, что катастрофа культуры является катастрофой мировоззрения. Культура – это духовный и материальный прогресс во всех областях, которому сопутствует нравственное развитие человека и человечества. Поколение, уверовавшее в некий закономерно совершающийся прогресс, происходящий как бы сам по себе и не требующий от людей волевых усилий, решившее, что по причине этого оно уже не нуждается в нравственных идеалах, в результате оказывается в мировоззренческой пустоте, где не заполнены те ниши, которые отличают человека от остальных земных существ. Наступает кризис мировоззрения, который влечёт за собой упадок культуры. Думаю, что данное суждение вполне справедливое и соответствует истине. Чтобы не допустить таких негативных социальных явлений, следует осознать то, что право и государство не могут и не должны превращаться в автономные силы, занимающие некое обособленное положение, действующие в отрыве, в независимости от человека и, стало быть, от культуры. Конечно, государство есть производное от человеческой деятельности. Здесь уместно вспомнить учение Аристотеля, считавшего, что государство есть естественная для человека форма бытия, вне которой возможна жизнь либо богов, либо животных. Русский философ, правовед Н.Б. Чичерин пишет: «Государство и законодательство – это необходимые формы выражения объективной природы человека как существа социального»<sup>1</sup>. Однако последняя, итоговая цель всякой формы общественного бытия – это отнюдь не сама эта форма, а исключительно человек с его неповторимым духовным миром. Безусловно, речь не идёт о том, что человек есть цель человека, он не может мыслиться сам по себе, независимо от каких-либо трансцендентных ориентиров, ценностных убеждений. Единственная цель человека состоит в духовном совершенствовании, а если обратиться к догматике Православной Церкви, то – в обожении. В светском ключе можно просто сказать: в духовном и интеллектуальном развитии ради сохранения человеческого достоинства. Поэтому-то сила любого государства определяется лишь тем, насколько оно способствует сохранению чистоты души, духовному становлению человека, росту его нравственного сознания. Ошибочно измерять значимость государства исключительно с позиций экономических критериев, тем более что экономический рост или спад отнюдь не является главной основой для выживаемости нации. Как известно, в СССР после Великой победы 1945 года половина страны была разрушена, не хватало продовольствия, много было пережито горя и нищеты, тысячи детей остались без родителей. Тем не менее в столь трудные для всей страны годы такие негативные социальные явления, как сквернословие, пьянство, носили редкий, локальный характер. Это поколение, пережившее трагедию Второй мировой войны, выросшее в невероятно тяжёлых условиях, смогло своими силами создать сильное, мощное государство, в котором граждане не имели понятия о массовой

---

<sup>1</sup> Русская философия права: Антология. – СПб, 1999, с. 69.

проблеме наркомании, торговле людьми... Это послевоенное поколение построило и мощное здание фундаментальной науки, позволявшей стране достигать значительных успехов в области военной и аэрокосмической промышленности. Советское государство добилось бесплатного медицинского обслуживания граждан, успешно противостояло ряду сложных заболеваний (например, туберкулёз был почти полностью побеждён). Что же касалось советского образования, то оно котирировалось как одно из самых лучших в мире. Словом, на первый взгляд всё выглядело как нельзя лучше, вполне благополучно, но, по-видимому, как образно сказал шекспировский герой, «подгнило что-то в Датском королевстве». В данном случае будет уместно эти «крылатые слова» отнести к СССР. Действительно, несмотря на большие достижения во многих областях, несмотря на высокую нравственность, отличавшую советских людей, государству не суждено было остаться нерушимым, единым, тем «Союзом нерушимым республик свободных», который с такой гордостью воспевался в государственном гимне. А ведь на страже государственных границ СССР стояла лучшая в мире, самая современная для того времени военная техника. Всё это указывает на то, что и экономическое благополучие, и научное развитие государства важны лишь в том случае, если обеспечивают благоприятные условия для достижения одной цели – духовное развитие нации.

## Глава I

### **Становление государственно-правового мировоззрения в культуре человека и общества**

Государство. Что это такое? Дать определение понятию *государство* крайне сложно. «Предмет всегда больше понятия... Последнее всегда только жалкая схема, лесенка, с помощью которой мы стремимся достичь реальности...»<sup>1</sup>. Всё же постараюсь найти наиболее точное, с моей точки зрения, определение, раскрывающее смысл слова *государство*. Государство – эта та форма общественного бытия человека, в которой происходит выкристаллизация и объективация априорных знаний человека, обеспечивающих базу для его духовно-человеческого развития. Однако до сих пор в малоисследованных уголках нашей планеты живут народы, которые даже не представляют, что такое государство и право, университет и наука, детский садик и школа, милиция и прокуратура и т.п. Тем не менее и эти народы знают, что такое общинное воспитание ребёнка, власть и суд вождя, религиозное верование. Такое знание о первичных формах общественной организации является своего рода базой для зарождения цивилизации и её дальнейшего развития. Здесь нам следует подробно остановиться на понятии *цивилизация*. Именно в цивилизации стало возможно говорить о позитивном праве. Чтобы более чётко выкристаллизовать эту мысль, следует обратиться к самому феномену права и началу его объективного, целенаправленного исследования.

#### *Право и человек в единстве и противоречии (постановка проблемы)*

По существу правовая наука является одной из самых первых наук в истории цивилизации. Мною не берутся такие области, как медицина, поскольку она длительное время носила сугубо эмпирический и прикладной характер. Так, медики античного мира нередко обладали знаниями о действии того или иного вещества, но точно, определённо объяснить это действие, как правило, не могли. Многие постулаты врачебного искусства устно передавались от одних людей к другим, но длительное время не получали письменного оформления. Науку же, как известно, характеризует, прежде всего, теория. «Те, кто влюбляется в практику без науки, подобны кормчим, выходящим в плавание без руля и компаса», – писал Леонардо да Винчи<sup>2</sup>. Научное изучение того или иного явления показывает на то, что последнее не только оформилось в своей основе, но и нашло своё осмысление обществом и

---

<sup>1</sup> Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002, с. 250.

<sup>2</sup> Леонардо да Винчи Книга о живописи // Эстетика Ренессанса: Антология в 2 т. Т. 2, М.: 1981, с. 367.

используется им уже целенаправленно, с определённым расчётом. Последний является объективно проверенным, порой математически выверенным, доказанным на предмет его целесообразности. Безусловно, здесь вполне уместно сделать следующее замечание: доказуемость, объективность отнюдь не являются синонимами истинности. Н.А. Бердяев справедливо вопрошает: «Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательней истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины»<sup>1</sup>. Тем не менее, если мы говорим об общественном бытии человека, то, соответственно, в целом его поступки надобно соотносить с очевидными мотивами, объективными обоснованиями.

Однако прежде чем сложиться праву, как объективной основе для определения характера поведения индивида в обществе, прежде чем появиться какой-либо науке, в том числе и правовой, необходимо было преодоление родоплеменных отношений и первоначальный этап становления цивилизации. Только в среде цивилизации могла появиться правовая наука и само право как одна из сторон человеческого бытия. Рассмотрим эту мысль более подробно.

Естественно, что право само по себе возникло раньше, чем правоведение. Тем не менее наличие науки, изучающей результаты цивилизационного развития, свидетельствуют о высоком развитии цивилизации, сохранении в ней культурных основ и о росте рефлексивной активности в культуре.

Остановимся на мысли о том, что зарождение науки следует рассматривать не в контексте культурного развития, а в контексте становления *цивилизации*. Во-первых, для науки характерны инновации, что подразумевает наличие в обществе представлений о прогрессе и линейном времени. Во-вторых, существенной чертой научного знания является объективность. Однако понятие *объективности* в культурной жизни весьма условно. В культуре духовный опыт уникален, индивидуален и субъективен, хотя и предполагает доминирование родовых традиций, влияющих на каждого члена общества. В культуре традиционно господствующую роль играют религиозные верования, культы, обычаи, смысл которых для иноплеменников, как правило, не ясен. В восприятии культурных традиций, обычаев, норм большое значение имеют установки, ценности, религиозные убеждения конкретного рода. Цивилизация же обращена к объективности, что предполагает соответствие феноменов цивилизации таким чертам научного знания, как объективность и доказуемость. Поэтому-то вполне закономерно то, что наука, в частности правовая, возникла в условиях цивилизации.

Основные принципы науки сложились в греко-римском мире. Конечно, я ни в коем случае не хочу умалить достоинство культур Древнего Востока, в частности египетской, шумерской, индийской, иранской. Бесспорно, сила

---

<sup>1</sup> Бердяев Н. Философия свободы. М., 2002, с. 97.

восточной культуры могла стимулировать развитие многих знаний о мире. Однако в среде восточных государств эти знания не носили научного характера, ибо трактовались в соответствии с укоренёнными родовыми стереотипами, требованиями царствующей фамилии, а субстанциональной основой для этих знаний, прежде всего, была религия. Основой для развития права часто выступало Священное Писание: к примеру, в Индии – Веды, в Иране – Авеста. Наконец, доступ к знаниям имел очень ограниченный круг людей, как правило, священнослужители и, реже, государственные чиновники. Возможность получения научного знания рассматривалась скорее как привилегия, отличительная черта того или иного сословия. Так, в Индии человек, представлявший варну вайшьи, не имел права знать то, что могли знать кшатрии или брахманы, ибо каждый должен обладать сведениями лишь о том, что позволено ему знать согласно его дхарме. В культуре же Греции и Рима идея доказательности и объективности стали вживаться не только в повседневность узкого круга людей, посвящённых в политическую жизнь, но и в массовую культуру, которая не могла быть оторванной от политической элиты городов в силу особенностей греческого и римского законодательства. Так, согласно законодательству Солона, гражданин полиса обязан поддерживать одну из политических партий своего города. Политический нейтралитет гражданина карался лишением гражданства и мог привести к потере свободы, то есть к рабству. Это-то во многом и предопределило популярность софистов, которые искусством подмены понятий, логическими манипуляциями стремились доказать правильность того суждения, в отношении которого софисты имели собственный интерес. Такое положение дел стало важнейшей предпосылкой для чёткого осознания и принятия в культуре, в качестве парадигмальных, принципов объективности и доказуемости, характерных для всякого научного знания.

Таким образом, государство, утвердив законодательство в качестве принципа, организующего жизнь социального организма, обеспечило становление науки и её органичное вживание в государственную систему.

Вместе с тем наука, став неотъемлемой частью цивилизации, зародившись на её основе, отнюдь не обрела положения независимой исследовательской области, развивающейся по собственным имманентным законам. Более того, наука стала орудием для укрепления цивилизации и в ряде случаев способом изживания тех культурных ценностей, традиций, сущность которых осмысливается в ходе накопления уникального духовного опыта человека. Подобный путь цивилизационного развития ведёт, с одной стороны, к упрощению общественных отношений, удешевлению производства, но, с другой стороны, последствия его подчас губительны для человека, ибо последний оказывается подчинённым общепризнанным стандартам. Непреходящие культурные ценности: честь, свобода, духовность – вытесняются из жизни людей такими общими нормами, стереотипами, которые не всегда конструктивны.



Более того, наука, во многом превратившись в «служанку» цивилизации, стала руководствоваться принципами выживания последней, среди которых принцип прогресса занимает первостепенное место. Действительно, цивилизация, стремясь к новообразованиям, в услужение себе поставила науку, которая обеспечивает общество инновациями, открытиями. Собственно говоря, цивилизация – это лишь одна из форм общественной организации, но она сама по себе не исследует мир и не открывает его законы. Однако она совершает эти открытия посредством приращения к себе науки, которая, позволяя цивилизации выживать, находит в лоне последней благоприятные, так сказать, «привилегированные» условия для развития. Пока цивилизация способна к научным изобретениям, она развивается наиболее успешно. В ходе сращивания науки и цивилизации первая, обращённая по своей сути к исследованию физического мира, выполняя требования цивилизации, подчас начинает его хищнически эксплуатировать. Посему и неудивительно то, что идея властвования человека над природой посредством науки стала характерной чертой индустриального общества<sup>1</sup>. В итоге научный прогресс и непомерный, перманентный рост требований цивилизованного общества приводят к тому, что развитое индустриальное общество стало являться «прежде всего политическим универсумом, последней стадией реализации специфического исторического проекта – а именно переживания, преобразования и организации природы как материала для господства»<sup>2</sup>.

В результате стремления цивилизованного общества к господству над природой последняя превращается во враждебную для человека среду. Эксплуатируемая наукой, она сама превращается в силу разрушающую, подавляющую психику людей. Однако это явление цивилизация поставила себе на службу и, обратившись к науке, предложила общественности видеть в научном прогрессе источник для решения проблем техногенного, экологического характера. «Развитое индустриальное общество растёт и совершенствуется лишь постольку, поскольку оно поддерживает опасность»<sup>3</sup>. Наконец, сама система цивилизации и характер научного знания приводят к тому, что в государстве вырабатывается идея того, что «наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является насаждение материальных и интеллектуальных потребностей, закреплявших устаревшие формы борьбы за существование»<sup>4</sup>. Ценности цивилизованного общества, инкорпорированные в сознание людей, сами по себе способствуют человеческому развитию в определённом русле, но вместе с тем они же формируют психическую зависимость индивида от науки, его неспособность представлять государственную жизнь вне научного знания. В результате наука, найдя себе благоприятную среду в условиях цивилизации, во многом

---

<sup>1</sup> Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002, с. 176.

<sup>2</sup> Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. М., 2002, с. 262.

<sup>3</sup> Там же, с. 255.

<sup>4</sup> Там же, с. 267.

превратилась в своеобразного «паразита», без которого немислима жизнь государства. Тем не менее от последнего наука по-прежнему зависит, ибо материальные ресурсы для наращивания научного знания обеспечиваются лишь потребностями и силой государства.

Подчинённость науки цивилизации свидетельствует о том, что наука, хотя и может рассматриваться, выражаясь словами К. Поппера, «третьим миром», но всё же органично включена в цивилизацию, обеспечивает её выживание и определяет характер отношений в обществе. В конечном же итоге её прогресс подавляет человеческое существо, которое, как правило, не в силах отразить в сознании бесчисленное множество законов, комбинаций материй, открытых наукой. Информационная волна научного знания настолько поглощает человека, что тот не в состоянии в нужной мере осмыслить её содержание. Так, в современном мире человечество получает 45 000 страниц новых инструкций, за анализом которых совсем не остаётся времени для рефлексивной деятельности.

Такое стремительное накопление научной информации ставит перед человеком сложные задачи, связанные с освоением знаний. Инновации в науке настолько слились с принципами цивилизации, что от скорости приобретения и освоения знаний подчас зависит выживаемость цивилизации, степень развития государства. Наконец, наука в системе цивилизации становится той областью деятельности, которая качественным образом влияет на социальную и техническую среду, а столь стремительно накапливаемые инновации приводят к быстрому изменению условий жизни человека. В результате он оказывается перед проблемой перманентной адаптации к условиям жизни. Ритм времени, задаваемый наукой и цивилизацией, приводит к тому, что абсолютное большинство людей по физическим и психическим причинам не в состоянии адаптироваться к новым условиям. Соответственно, наука, найдя в цивилизации благодатную почву для своего развития, превращается в ту силу, которая, будучи порождённой человеком, выходит из-под его контроля и подчас становится для него враждебной. Через свою враждебность к культуре и духовному миру людей наука отчуждает от человека и те грани бытия, которые она исследует, среди коих, прежде всего, выделяется правовая. Чуждость последней человеческой природе особенно опасна, поскольку право не просто организует межсоциальные взаимодействия, но и влияет на поступки людей как в повседневной, так и в профессиональной жизни. Более того, право органичным образом проистекает из природы человека, а поэтому дезинтеграция правовой системы создаёт серьёзную предпосылку для вырождения в людях человеческой природы. Поэтому-то онтологически право является органичной производной от природы человека, и государство человек создаёт в силу естественной необходимости для сохранения и более полного проявления, раскрытия своей природы. Однако в действительности мы видим явное отчуждение государства и права от народа и самой человеческой природы.

*Цивилизация и право: путь от рода  
к человеку и от человека – к государству*

Генезис права является весьма непростым процессом, органично проистекающим из тонких и длительных изменений в структуре культуры. Для становления права мало таких элементов культуры, которые принято считать универсальными. Само собой разумеется, всякую культуру характеризует язык, определённые религиозные верования, традиции, правила и нормы общения. Однако все эти феномены культуры, хотя и являются предпосылкой для складывания государства и выработки права, но сами по себе не обеспечивают правового развития общества. И ныне существуют множество народов, которые обладают своеобразной культурой, ревностно оберегают свои традиции, свой язык, но при этом они совершенно чужды всякой государственной жизни, более того, они даже не знают, что такое государство. Для образования государства нужно нечто большее, чем культура, хотя без неё всякое государство немислимо и, как будет показано далее, при определённых обстоятельствах оно может трансформироваться в чудовищный механизм, уничтожающий духовность нации.

Для формирования государства и права нужна цивилизация. Соответственно, уместно утверждать то, что для общества, находящегося на уровне цивилизации, характерно государственное устройство, предполагающее наличие позитивного права, то есть законодательных сборников. Постараемся обосновать эту мысль, для чего, прежде всего, рассмотрим понятие *цивилизация* и выделим её основные черты.

Само слово *цивилизация* происходит от латинского слова *civilis* – *гражданственность*, что уже подчёркивает государственность народа, ставшего цивилизованным. Главное отличие цивилизации от культуры состоит в том, что в среде первой функционирует право и государство. Здесь нам важно обратиться к дефинициям естественного и позитивного (положительного) права. В цивилизованных государствах всякая легитимная власть опирается на *позитивное право*, фиксирующееся в правовых документах и гарантирующееся государством. В то же время в философии права наряду с позитивным правом выделяется *естественное право*, которое основывается на *априорных* формах мирозерцания, то есть на чувстве нравственного, справедливого; в определённом смысле – это право человеческое, ибо в нём проявляется и утверждается человеческая природа. Степень развитости позитивного права определяется мерой его соответствия естественному праву. В принципе естественное право присуще любому человеку и обществу, следовательно, во всякой культуре естественное право функционирует и фиксируется в форме традиций, неписаных норм и правил. Однако последние характерны только для конкретной культуры и имеют локальное значение, так как в иной культуре приобретают иные смыслы, толкования и новые формы проявления. Более того, естественное право, хотя

и указывает на природу человека, свидетельствует о таких её чертах, которые свойственны человеку, но всё же не гарантируют общество от трансформаций и искажения естественного права. Поэтому-то для становления цивилизации и утверждения человеческой природы нужно позитивное право, где ясно, объективно прописываются нормы естественного, в котором представления о должном приобретают понятийную форму. Становление и развитие позитивного права возможно только в цивилизации.

Традиционно исследователи выделяют три основные черты цивилизации: *оседлость, грамотность населения, наличие города*. Все эти черты сами по себе не свидетельствуют о государственном становлении народа, но служат необходимыми предпосылками для этого процесса. Так, именно оседлость стала основой для восприятия территории как значимой ценности. Сейчас в конституции любого государства прописан принцип территориальной целостности страны. Само собой разумеется, что земля всегда имела очень большое значение для выживания людей и их культурного развития. С развитием производящего хозяйства становилась очевидной социальная, административная значимость земли для жизнеобеспечения людей. Кстати, многие первичные формы религиозного опыта (например, культ богини-матери) брали своё начало от почитания своей земли. Однако понятие *земли* в смысле сельскохозяйственного развития не может заменить собой понятия *территории*, осмысливаемой с точки зрения государственного развития, государственной собственности. Территория – это, прежде всего, пространство расположения государственных объектов, среди которых могут быть как аграрные, так и любые другие, например, административные, военные. В аксиологическом ряду понятия *земля* и *территория* отнюдь не равнозначны, и не следует однозначно, всецело связывать оседлость с развитием аграрных культур, хотя, бесспорно, такая связь существует. Никакая земля не может из поколения в поколение приносить обильный урожай, поскольку в ходе непрерывной многолетней эксплуатации она истощается. Даже самые плодородные долины приносят хороший урожай лишь некоторое время, после чего почва скудеет, теряет значение, и данная земля покидается людьми. При родоплеменных, догосударственных отношениях конфликты происходят из-за скота, материального имущества, нередко из-за женщин. С государственным становлением народов начинаются территориальные войны. Территория государства всегда значима, даже если это пески, скалистые острова – всё равно они неизменно ревностно оберегаются нацией и свидетельствуют о её жизнеспособности; потеря же земли, даже лишённой полезных ископаемых, непригодной для возделывания, является унижением для национального достоинства, признанием в своей слабости, в неспособности защитить свои интересы.

Следующая черта цивилизации – *грамотность населения*, следовательно, наличие *письменности* есть неперемнное условие для становления развития права как такового. Чтобы прописать закон, нужна

система письма, а чтобы закон был прочитан значительной частью населения, необходима грамотность последнего. Именно грамотность, с одной стороны, обеспечивает возможность написания законодательства, как главной черты государства, а, с другой стороны, позволяет людям понять прописанное право и объединиться вокруг него, независимо от своих этнокультурных особенностей. Безусловно, существуют примеры функционирования государств, в которых подавляющее большинство людей не имели начального образования. Например, в Непале до 1951 года лишь 2 % населения могли читать и писать. В России до 1917 года также большинство людей были неграмотными. Однако отсутствие должного уровня образования в данных случаях компенсируется глубоким проникновением культурных традиций в быт общества, высокой силой господствующей религии. Как только религиозные ценности теряют свою силу, такие общества, если своевременно не предпринять необходимых мер, либо быстро деградируют и разрушаются, либо подвергаются социальным потрясениям, переживают революции, в ходе которых зачастую происходит ярко выраженное становление институтов центральной государственной власти, утверждение тотального государственного контроля граждан.

*Наличие города* свидетельствует о складывании административного и экономического центра, вокруг которого происходит объединение культур. Здесь мы подходим к ещё одной, весьма значимой черте цивилизации – способности объединять в своих границах множество культур.

Все вышеназванные признаки цивилизации свидетельствуют, в основном, лишь о том, что уровень развития человеческого сознания позволяет людям выработать систему письма, построить город и т.д. Построение города – это не просто механический процесс. Если мы обратимся к истории древних цивилизаций, то увидим, насколько сложно понимание города в древнем мире. По существу в древних культурах город рассматривался как место, в котором люди должны жить, как боги, как некое пространство, устроенное по образу пространства мира богов. Поэтому-то требования к поведению, к духовному облику горожан были несравненно выше, чем к образу жизни селян. Следует подчеркнуть то, что закладка города являлась сложным процессом. В Древнем Шумере центром города (в том числе и административным) всегда был зиккурат, место, на котором он возводился, первоначально символично оплодотворялось богом. Шумеры строили города по образцу Небесного Града, града богов, поэтому город считался священным местом, где люди должны жить, как боги. Даже использование оружия в шумерских городах было под запретом. Преступление в городах рассматривалось не просто как акт против своего ближнего, но как святотатство. Горожанин имел возможность постичь мудрость, обрести глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт, то есть в данных условиях человек становился образованным. В городах люди стремились изучать движение небесных тел, пытались понять основы мироздания, что, вполне естественно, всё более и более возвышало человека над остальным физическим бытием. Если же взглянуть на Запад, то и там

город имел важное сакральное значение, и перед его основанием обязательно проводился ряд священнодействий. Так, в «Жизнеописаниях» Плутарха подробно описывается основание города Рима. Действительно, Ромул, прежде чем закладывать город, провёл ряд обрядов, предположительно этрусского происхождения.

Следующей важной особенностью человеческого сознания, позволяющей жить индивиду в городе, является развитость самого сознания человека, его самодостаточность, относительная независимость от рода. Город – это место, где о человеке, о его прошлом могут не иметь никаких сведений. Если же говорить о сельских жителях, живущих продолжительное время по соседству, то они достаточно хорошо знают друг друга, имеют о своих односельчанах то или иное представление, что, естественно, является для них неплохим стимулом для соблюдения норм поведения, соответствующим приличиям. Общинно-родовые отношения, характерные для жизни селян, характер труда, тесно связанный с работой на земле, преодоление последствий нередких природных стихий – всё это, несомненно, накладывало свой отпечаток на быт и миропонимание крестьянина. Что же касается жизни горожанина, то, безусловно, она имела свои отличительные особенности, поскольку ему приходилось организовывать свою жизнь не столько согласно общественному мнению, а сколько в соответствии с собственным мнением, приобретённым опытом, накопленными знаниями, достаточно развитым мировоззрением. Всё это вносило определённые коррективы в характер, определяющийся совокупностью всех психических и духовных свойств человека. Далее отметим то, что религиозные обряды, практикуемые при закладке города, которые как раз и были призваны обратить внимание на духовные опыты человека – всегда уникальный, субъективный, индивидуальный. Именно накопление духовного опыта, внутренних переживаний себя и своей связи с Богом, пусть даже с мифическими богами, являлись основой для индивидуального развития. Поэтому не удивляет тот исторический факт, что первоначально христианство развивалось преимущественно в городах. Если мы возьмём Новый Завет, то увидим, что послания апостолов были направлены в города: в Ефес, в Коринф, в Рим, в Фессалоник. Однако здесь следует отметить немаловажное обстоятельство: если в городе значительная часть населения не обладала должным уровнем развития индивидуального сознания, то из этого непременно следовал закономерный результат – криминальное, развращённое общество, безразличное, а то и циничное, хищническое по отношению к культуре, к тому, что составляет бесценное народное сокровище.

Вследствие этого негативного социального явления, для стимулирования роста индивидуального сознания, были необходимы нравственные неписанные законы, глубоко укоренённые в ментальном мире народов, иначе говоря, наблюдалась яркая потребность в развитом естественном праве. Тем не менее априорное содержание человека, хотя и всеобщее, но постигается субъективно, что обращает нас к самой сложной

человеческой деятельности – к самопознанию. Такая деятельность требует внутренней честности, личного благочестия, подчас духовного подвига. В противном же случае сила собственных пороков в среде спекулятивного рассудка подавит человека и окончательно разрушит его психику. Поэтому горожанину так жизненно важно было вести духовную жизнь, соблюдать принципы нравственности. Безусловно, и селянин не мог отрицать необходимости соблюдения моральных законов, но тем не менее в жизни, в быту крестьянина большую роль играли общинно-родовые установки. Так, житель села, совершивший неблагоприятный поступок, осуждался обществом, которое могло применить различные меры воздействия в отношении провинившегося односельчанина. В городе же индивид чаще всего представлял со своими внутренними проблемами в одиночестве, они, в общем-то, почти никого не задевали за живое, а его просьбы о помощи вполне могли оказаться «гласом вопиющего в пустыне».

Необходимо заметить, что первые правители, администрирующие древние города, выполняли и религиозные функции, то есть были жрецами. Однако по мере размывания нравственных законов, стирания априорных представлений о должном поведении, естественное право теряло своё влияние, традиции частично забывались, частично искажались, что обратило общество к идее необходимости написания законов, первые из которых появились в Древнем Шумере. Примечательно, что в шумерских городах и произошло ясное разделение религиозной власти шангу – верховного жреца – и светской власти – лугаля – царя, правителя, главы города.

Тем не менее из всего этого не следует делать вывод, что всякий государственный сборник законов и любые города являются прямыми производными от цивилизации. В истории есть примеры, свидетельствующие о таких государственных сборниках законов, которые основались на культурных традициях. Так, несмотря на то, что первые сборники законов появились в среде шумерской культуры, их крайне сложно рассматривать в качестве настоящих правовых законов, поскольку они основывались на родовых традициях. Наиболее ярким тому примером служат законы царя города Ура Ур-Намму (XXII в. до. н.э.) или ещё более известный свод законов вавилонского царя Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.). Невзирая на то, что меру наказания в законах Хаммурапи определяло государство, а не частное лицо, всё же этот законодательный сборник с трудом можно назвать правовым, ибо сама власть Хаммурапи не была свободной от родовых предубеждений. Подобная правовая ситуация наблюдается и в последующих государствах Междуречья. Восточное законодательство основывалось не столько на логике свободного, самодостаточного человека, сколько на принципах господствующего рода, что делало законы, издаваемые центральной властью, неприемлемыми для иных родов и, наконец, культур. Поэтому государства Междуречья, хотя и имели периоды кратковременного могущества и расцвета, оказались весьма дробными, уязвимыми.

Подавление индивида родом, религией в странах Востока, греческим полисом, Римским государством в греко-римском мире было настолько

очевидным, что приходится констатировать существенную роль некоего родового механизма, в котором блокировалось главное назначение позитивного права – утверждение достоинства человека и актуализация его личных духовных качеств.

Надо отметить, что, несмотря на то, что естественное право служит субстанциональной основой для позитивного, представление о приоритете первого над последним сложилось лишь в первых веках нашей эры. Здесь следует учесть то, что идея естественного права органично связана с представлением о самоценности внутреннего мира человека. Предпосылки к появлению таких представлений сложились в классической античной философии, ранее же чётко осмысленной идеи самоценности отдельно взятого человека не имелось. В принципе в период родовых отношений таких понятий не могло быть по ряду причин. Во-первых, в данном случае уместно привести следующую цитату из научного исследования К.Г. Юнга: «Всемогущая коллективная установка создала, так сказать, невозможность всякой объективной психологической оценки индивидуальных различий, равно как и вообще научного объективирования индивидуальных психологических процессов»<sup>1</sup>. Этот факт означает то, что всякая индивидуальность как источник права должна была подчиняться требованиям рода. Во-вторых, род, не зная позитивного права, организовывал свой житейский уклад на основе естественного права, или чувства законного. Это чувство находило своё выражение в форме традиций, норм, обычаев, главным представителем которых являлся вождь или царь. В этом смысле слова, «царь, согласно общим представлениям, высшая фигура... он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного»<sup>2</sup>. В значительной мере на этой установке, утверждающей то, что именно царь представляет свой народ перед людьми и перед богами, основывалось авторитарное правление первого. Кроме того, естественное право есть органичная часть коллективного бессознательного, поэтому исключались противоречия между властью вождя и чувством законного, справедливого.

Первые попытки оформить чувство справедливого в виде юридических законов, придать этому чувству характер объективности предпринимались ещё в Шумеро-Аккадском государстве. Однако государства Междуречья никогда не отличались сильным политическим единством. С одной стороны, существовало множество факторов, которые должны были бы объединить общество Междуречья, например: общий язык (арамейский язык и его диалекты), общая система письма (клинопись), общая весьма развитая религия (например, с середины I тыс. до н.э. в культурах Междуречья утвердился зороастризм). Вместе с тем, в действительности, восточным царям приходилось тратить значительные силы на подавление сепаратизма в своих странах. К примеру, одно из первых государственных объединений –

---

<sup>1</sup> Юнг К. Г. Психологические типы. С-П.: Ювента, М., 1995. с. 37.

<sup>2</sup> Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск, 2003, с. 252.



Шумеро-Аккадское царство – просуществовало, как целостное государственное образование, примерно одно столетие, и даже в период своего расцвета при царе Саргоне (2236-2200 гг. до н.э.) лишь силой, а подчас и жестокостью, сохраняло свою политическую и экономическую целостность. Собственно говоря, и последующие страны Междуречья также не отличались единством. Примечательно то, что когда Александр Македонский начал свой поход, то империя Ахеменидов уже распадалась, а царский род был в сложном окружении клановых интриг своих придворных. Государство Селевкидов, образовавшееся на обломках империи Александра Великого, просуществовало весьма непродолжительное время. Те проблемы, с которыми сталкивались династии Ахеменидов или Селевкидов, сопровождали правление как предшествующих им династий, так и последующих. В принципе иначе и быть не могло. Восточное законодательство основывалось преимущественно на принципах господствующего рода, что делало законы, издаваемые центральной властью, неприемлемыми для иных родов. Родовой закон не мог учесть всего разнообразия культур, которые входили в поле его власти. Конечно, в Сасанидском Иране была попытка кодифицировать Священное Писание – Авесту, что позволило бы наиболее ясно определить те законы, которые выше интересов конкретного рода и желаний царя. Однако этому воспрепятствовала зурванизская ересь, а жестокое вторжение арабов поставило точку в самостоятельном развитии персидского государства.

В лоне древнегреческой культуры характер соотношения позитивного и естественного права принципиально не отличался от того, который наблюдался в родоплеменном укладе восточных культур. Разумеется, законодательство греческих полисов основывалось на единых культурно-религиозных принципах, которые были прописаны и объективированы для понимания. Однако представления о личности по-прежнему отсутствовали, а индивидуальность подчинялась законам полиса. Фактически принципы рода были вытеснены принципами полиса, что по существу не повлияло на представление о месте человека в аксиологическом ряду. Данное положение дел нашло своё выражение в законодательстве Солона, в котором человек законодательно обязывался к участию в политической жизни полиса. Если же индивид проявлял безразличие к политической борьбе партий за власть в полисе, то он лишался гражданства и, следовательно, мог стать рабом. С точки зрения грека, истинный человек по своей природе не мог быть политически нейтральным, поэтому система законов была призвана сохранить природу человека как вида бытия. Без сомнения, греки фактически отвергали право человека быть свободным в политическом смысле слова. Такая косная система законов, подавляющая индивидуальность и не признающая самоценность внутреннего мира человека, достаточно ярко проявилась в софистике, которая, хотя и, по словам Протагора, была призвана утвердить субъективное мировоззрение человека в качестве меры истинного, но в действительности была поставлена на службу логике позитивного права. К 399 г. до н.э., когда граждане Афин переживали

поражение в Пелопонесской войне со Спартой, был казнён Сократ, что придало большую очевидность кризиса культуры античной Греции. Сам Сократ, отказавшись бежать, спасти свою жизнь, лишь подчеркнул приоритет буквы закона над человеческим чувством нравственного, справедливого.

### *Римское государство и право. Его роль в становлении цивилизации*

Первым культурно и этнически нейтральным сводом законов вполне возможно считать римское право (*ratio scripta* – *писанный разум*). Оно выдвигало объективные, единые требования к гражданам, невзирая на их религиозные убеждения, национальную принадлежность. Каждый человек, независимо от своего материального или социального положения, мог ознакомиться с римскими законами и трактовать их однозначно. Именно такая особенность цивилизации послужила значимой предпосылкой для зарождения правовой науки, ибо объективность является одной из черт научного знания. Конечно, при таком подходе одной из первых научных дисциплин суждено было стать юриспруденции. Право, как самостоятельная область знаний практического и теоретического характера, начало складываться в античной культуре, а в средние века стало важнейшей специальностью, которую осваивали в средневековых университетах наравне с теологией, философией и медициной.

Процесс развития римского законодательства был весьма длительным, берущим начало от законов XII таблиц. Чтобы более подробно рассмотреть влияние права на культуру и цивилизацию Рима, обратимся к истории данного государства.

Именно с Римом связывают латинскую античность – целую эпоху в истории мировой цивилизации. Древнеримское государство сформировалось на фоне весьма богатой этнической мозаики Древней Италии. Наряду с автохтонами (народами, изначально присутствовавшими в данном регионе, коренными жителями) в Италию прибыли греки, этруски, финикийцы, родосцы, мегаряне. Эти народы, в основном, заселяли юг Италии.

Большинство автохтонов вели пастушеский образ жизни, и лишь некоторые занимались земледелием. Так, по преданию, италики перешли к земледелию при царе Итале. Колонизация Апеннинского полуострова неизбежно вносила новые виды занятий в среду коренных жителей Италии и приводила к складыванию новых форм отношений как между этническими общностями, так и внутри самого социума, что способствовало появлению государства.

Отметим, следы крупных вооруженных конфликтов в период ранней колонизации Италии отсутствуют. Судя по всему, между племенами первоначально имела место конкуренция с преимущественно мирным характером. Особенно она была заметна между колонистами и автохтонами,

занимавшимися одним видом деятельности. Как и коренные народы Италии, этруски являлись преимущественно земледельцами. Отсутствие значимых вооружённых конфликтов указывает на то, что общности в то время не чувствовали нехватки сельскохозяйственной земли, а государств на территории Италии ещё не сложилось. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что всё-таки письменность, оседлость и наличие города отнюдь, хотя и являются необходимыми условиями для проявления государства, но не носят абсолютного характера. Как известно, у этрусков были и города, и письменность (до сих пор не дешифрованная), и жили они из поколения в поколение на одном месте, то есть оседло. Тем не менее приходится признать то, что мы мало знаем об этрусках и их Двенадцатиградье (союз 12 этрусских городов). Вполне возможно, что этруски были близки к созданию единого государства, хотя очевидный факт тот, что Римское государство их поглотило.

Важным следствием взаимодействий между народами стал выход продукции на рынок, что предопределило успех торговых городов, среди которых числился и Рим. Значительную роль в генезисе Рима сыграл тот факт, что в торговой конкуренции этруски на юге проигрывали грекам. Поэтому этрусское Двенадцатиградье обратило внимание на север, где жили не столь развитые в техническом и экономическом смыслах народы. В условиях, когда этрускам не нужно было прикладывать много усилий для выживания, их самосознание все более и более таяло среди массы народностей Древней Италии, и этрусская культура постепенно входила в стагнацию. «Торговля между этрусками и греческими колонистами, начало которой восходит к VIII в. до н. э., не имела серьезных перспектив. Что могли предложить жители Кум или Неаполя в обмен на металл и изделия из него?»<sup>1</sup>. В таких условиях прежде немногочисленные нации, слабые в военном отношении, вырабатывали механизмы, обеспечивавшие им выживание в тяжелейших условиях. Немецкий историк и правовед Теодор Моммзен замечает: «Следует помнить, что народ, стоящий на низкой ступени культуры, вообще более чуток к требованиям природы, более способен применяться к этим требованиям и, быть может, эластичней физической организации, которая даёт ему возможность уживаться с местными условиями»<sup>2</sup>. Некоторые народы консолидировались перед лицом внешней угрозы со стороны этрусков. Например, именно этрусские нападения на г. Равенну вынудили греков принять в число граждан некоторое количество умбров.

Вместе с тем именно этруски наиболее существенно повлияли на становление римской культуры. Многие обычаи римляне заимствовали у этрусков. Особенно важным в жизни Рима было представление этрусков о сущности города, который, как полагали этруски, являлся земным подобием мира богов, поэтому-то человек, живущий в городе, находится под

---

<sup>1</sup> Немировский А. И. Этруски. Воронеж, 1969, с. 82.

<sup>2</sup> Моммзен Т. История Рима, т.1. СПб, 1994, с.45.

божественной защитой. На таком убеждении основывалась и церемония закладки города, проведенной, например, при основании Ромулом Рима, описанная древнегреческим историком Плутархом. Таким образом, наличие города как одного из условий для формирования государства и цивилизации изначально имело религиозные обоснования. Со временем римляне привнесли в планировку города принцип полезности и целесообразности, которые, однако, не нарушали религиозного наследия этрусков.

Судя по всему, автохтоны Италии в VIII в. до н. э. жили отдельными родами, ничем не связанными друг с другом. Так, исследователь народов Древней Италии Франчиши полагает, что «население жило родами, имевшими полную автономию». Поселение рода составляло сельскую общину, в которой Франчиши видит первоначальную политическую форму<sup>1</sup>. В этом случае хотелось бы сразу определиться с понятием и сущностью *рода* (применительно к Италии) исследуемого нами периода. В этом вопросе можно согласиться с А.И. Немировским, который видит в роде агрегат фамилий с общим именем, культом, обычаями, занимавшим определённую территорию в паге. Род имел собственное хозяйство, самостоятельно устанавливал свои внешние взаимоотношения, о чем свидетельствует неудачный поход трехсот Фабиев против города Вей. Однако большая самостоятельность рода делала его замкнутой организацией, где взаимоотношения ограничивались общением между отдельными семьями, входящими в род. Традиции, обычаи рода функционировали лишь в нём, никак не касаясь внутреннего устройства других родов. По существу первичное право было родовым, не столько в том смысле, что оно не прописано, сколько в смысле своей ограниченности рамками конкретного рода. Ему для интенсивного развития, для становления государственного права необходимо было прорвать свою локальность и дать тем самым импульс к развитию межродовых, а впоследствии международных отношений.

Сам род оказался очень живучей организацией, органичной частью которой стали сакральные представления её членов. Естественно, род долгое время при наличии экзогамии не мог оставаться замкнутой системой, локальным образованием, поэтому родовые союзы имели место по всей Древней Италии. Здесь вполне уместно вспомнить мнение замечательного русского историка В.О. Ключевского о русских родах, удачно соотносящееся с особенностями римских родов: «Родовой союз держался на двух опорах: на власти родового старейшины и неразделенности родового имущества. Родовой культ, почитание предков освящало и скрепляло обе эти опоры». Однако семьи юридически и экономически все более и более становились независимыми от рода, чему способствовали религиозная самостоятельность семей и технический прогресс, значительно повышавший производительность труда. К VIII в. до н. э. сложились новые условия, связанные с появлением иных черт в международных отношениях после

---

<sup>1</sup> Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. М. 1962, с. 132.

колонизации Апеннинского полуострова. *Если прежние объединения родов были призваны обеспечить внутренние потребности коллектива, то во второй половине VIII в. до н. э. местные народы вынуждены были решать задачи, связанные преимущественно с внешними отношениями, искать новые формы своей организации.*

Соседствуя с более развитыми (в техническом и культурологическом отношении народами), автохтоны вынуждены были искать новые точки опоры для собственной идентификации в социокультурном пространстве Древней Италии. Одним из аспектов новой структуры родоплеменных отношений стало стремление родов к объединению и формированию тенденций к более чёткому определению власти внутри них. В последующем внутри родов наблюдалась централизация власти и складывание основ для создания государства. Естественно, интересы наиболее сильных родов часто противоречили внешнеполитическим стремлениям этрусков, претендовавшим на гегемонию в Италии. Однако поиск центра, вокруг которого могло бы произойти объединение местных племён, также сопровождался острой борьбой между коренными племенами Италии за роль лидера среди них. В результате этой борьбы выявление ярко выраженного лидера среди автохтонов было отсрочено. Этим обстоятельством постарались воспользоваться этруски, вмешиваясь в политику отдельных племён. Причём это вмешательство не всегда означало вооружённый конфликт. Так, Франчиши вполне обоснованно полагает, что этруски не столько завоёвывали, сколько проникали в римскую общину. Этому достаточно мирному проникновению в местные общины способствовала и всё возрастающая открытость рода, о чём в работе пойдет речь ниже.

### *Открытость рода как одна из основ Римского государства*

Для формирования целостного социального организма, способного выживать в сложившихся условиях, необходимо было сделать род открытой организацией, свободной от устаревших представлений. К последним, например, относилось восприятие женщины как почти единственной основы для продолжения жизни рода и сохранения его этногенетической индивидуальности. Этот фактор во многом помогает объяснить причину того, что во многих традиционных и вообще древних обществах длительное время оставался матриархат. Если обратиться к историческим источникам, станет вполне очевидным существовавшее немаловажное социальное явление, суть которого обнаруживается в том, что в социуме на протяжении столетий вырабатывались механизмы, определявшие психологическую привязанность девушек к роду. Один из способов воздействия на девушек укоренялся в религиозных воззрениях, связанных, прежде всего, с культом предков, имевшим место почти во всех регионах мира. Так, если в древнем Риме культ предков назывался «терм», то в Древней Руси его называли

«чуром», главная функция которого заключалась в охранительстве, защите. *Культ предков призван был защищать не только психическое здоровье отдельных членов рода, но и сам род, его генетическую чистоту, поэтому для девушек имела место психологическая привязанность к роду, к которому они принадлежали.* Не приходится удивляться тому, что обмен невестами между родами был отнюдь не прост, часто трудноосуществим. Чем обычаи, традиции рода больше влияли на имманентные представления людей, тем род являлся более устойчивым, локальным, а его верования, культы могли долгое время сохраняться в исконном виде. Род, имевший упрощённую религиозную систему, не способную организовать значительную часть жизни людей, мог просто раствориться в социокультурном пространстве, так как более сильные, сложные религии втянули бы в себя представителей рода с более простой религией, вытеснили бы его обычаи, лишив тем самым общество механизмов собственной идентификации. Степень удержания девушек в роду могла быть в этом случае критерием могущества родовых термов, традиций. К слову, не случайным выглядит весьма смелый поступок основателя Рима Ромула, которому пришлось прибегнуть к похищению сабинянок, девушек инородного происхождения. «В первичном, нетронutom своем составе род представлял замкнутый союз, недоступный для чужаков: невеста из чужого рода порывала родственную связь со своими родичами, но, став женой, не роднила их с родней своего мужа»<sup>1</sup>, – пишет В.О. Ключевский. Тем не менее ещё на протяжении многих лет после объединения римлян с сабинянами сохранялись обычаи, характерные исключительно для римлянок и регламентирующие их поведение в обществе. Так, Е.М. Штайерман замечает, что женский культ *Vona dea*, одноименный с Купрой, запрещал женщинам пить вино<sup>2</sup>. Через призму подобных культов женщины могли чувствовать свою принадлежность к определённому народу. Таким образом, сам образ жизни рода, определяемый родовыми традициями, являлся одним из существенных механизмов, призванным сохранить носителя этногенетической чистоты – женщину – в рамках ее рода. Одновременно эти культы могли развивать чувство этнического самосознания.

Тем не менее такой взгляд на социальную роль девушки определил ее восприятие как на одну из ценностных доминант в роду, что минимизировало вероятность безнравственного поведения в отношении девушек. Кстати, подтверждением этому может послужить тот факт, что похищенные римлянами сабинянки встретили в Риме самый тёплый прием. Ромул же взял себе в жены замужнюю женщину Герсилию, тем самым превратив жестокий обычай суицида женщины, узнавшей иного мужчину – не её мужа, – в пережиток, а главное – разорвал прежние представления, ограничивавшие взаимоотношения родов. Надо заметить, что такой решительный поступок римлян в отношении сабинянок поставил последних

<sup>1</sup> Ключевский В. О. О русской истории, М., 1904, лекция VIII.

<sup>2</sup> Штайерман Е. М. Социальные основы Древнего Рима, М., 1987г., с. 39.

в затруднительное положение, поскольку, став жёнами римлян против мнения своего рода, им было небезопасно возвращаться домой. Барбара Картленд пишет: «Племенной моральный кодекс был суровым. Оставшиеся мужчины не смели тронуть жену солдата, а если решались на это, женщина добровольно лишала себя жизни»<sup>1</sup>. Эта установка сохранялась длительное время. Например, на закате периода царей в Риме самоубийство Лукреции, после описанной Титом Ливием трагедии, выглядит в этом случае не только обидой и стыдом порядочной женщины, но и родовым пережитком, инкорпорированным в её сознание и определившим её поступок.

После же объединения римлян с сабинцами приток населения в Рим увеличился, а Ромул всячески способствовал этому. Данный факт крайне важен, поскольку создаёт предпосылки к синтезу культур и образованию цивилизации. Множество же культур способны сосуществовать лишь тогда, когда выработаны единые правила поведения, одинаковые для всех культур, иными словами – государственное законодательство. Интеграция культур на основе позитивного права и есть путь к построению цивилизации. Этруски, несмотря на формальное соответствие основным признакам цивилизации, таковую не создали, поскольку их интересы в основном не выходили за пределы собственных национальных, и их господство в данном регионе в течение некоторого времени объяснялось преимущественно военной мощью и длительным отсутствием сильного противника, который впоследствии появился в лице Рима. Хотя этруская письменность и просуществовала до последних веков нашей эры, но она не была привита неэтруским народам, а некоторые римляне ею пользовались в силу родственных связей с этрусками и собственной образованности. Складывается впечатление, что этруская культура оказалась ещё «при жизни законсервированной», или даже «забальзамированной», самими же этрусками. Их культура стала для них средством для поддержания национальной гордыни и возвышения над другими этносами, что по существу означало изоляцию этрусской культуры.

Римляне же, напротив, стремились привлечь в свой город представителей самых разных народов, заключить союзы с наиболее значимыми в регионе родами. Поэтому Римское государство стало формироваться как центр, вокруг которого консолидировались народы. Этой консолидации и интеграции способствовал ряд причин, например, угроза нападения со стороны этрусков. В связи с такими сложившимися реалиями становится понятным то обстоятельство, что римское общество уже в первых десятилетиях своего существования представляло собой союз нескольких родов. Однако, несмотря на стремление к союзу с разными народами, римляне старались закрепить за собой властные функции. Естественно, эти функции не могли носить религиозного или национального характера (хотя исключения были). Чтобы объединить под своей властью множество народов, без ущерба для их культурного самосознания и, следовательно, без провокаций на войны внутри союза, римляне обратились к выработке

---

<sup>1</sup> Картленд Б. Таинство любви сквозь призму истории. М., 2001, с. 50.

совершенно иных принципов сосуществования культур – к *правовым*. Впрочем, эти принципы сложились далеко не сразу. Длительное время шла борьба родов за властные полномочия в союзе. По существу вся история Рима периода царей была наполнена борьбой за первенство в союзе и, в первую очередь, - за титул царя. Для закрепления своего лидерства в союзе и сохранения некоторой этнической идентичности римляне обращались к ряду приёмов. Например, в армии Рима могли служить только римляне. Однако были и такие явления, которые существовали независимо от Рима, но могли им использоваться в своих целях. Здесь необходимо рассмотреть пути наследования власти царя как главы союза родов в Риме.

*Методы наследования царской власти вобрала в себя целый ряд пережитков родового строя, в том числе и элементы матриархата, что коррелирует с уже освещённым положением о роли девушек в роду.* Наиболее полно принципы перехода царской власти в Древнем Риме при большой роли женщин изложены в работе А.В. Коптева «Механизмы передачи царской власти в архаическом Риме». В данном случае вполне уместно будет привести отдельные примеры, изложенные в этом исследовании. Например, автор книги подчёркивает то важное обстоятельство, что женитьба на дочери царя – обязательное условие для получения царской власти. Это не случайное явление по отношению к роду: значения роли девушек здесь нельзя недооценивать. *Рим как государство, складываясь в ходе трансформации и эволюции рода, сохранил в себе, в качестве органичных элементов некоторых государственных институтов, ряд особенностей, свойственных роду.* При развивающихся брачных отношениях между родами стал вопрос: какая фамилия будет продолжать свой род и, следовательно, в какой фамилии дочери будут хранительницами этногенетической чистоты рода. Определёнными способами (какими конкретно, сказать весьма сложно, а в каждом роде могли быть свои механизмы, обусловленные родовыми традициями и обрядами) выбиралась фамилия-носитель родовых признаков, в которой дочери имели ограниченный выбор женихов, поскольку девушка в этом случае становилась непосредственным хранителем генетических особенностей рода. Судя по всему, старшая сестра такой фамилии могла стать женой представителя другой фамилии, но равнозначной по социальному статусу её фамилии, по роли, которую она выполняла в своем роду. Её же сёстры получали статус «социальных сестёр». Впоследствии такой статус принял религиозно – сакральную форму, и социальные сёстры стали весталками – хранительницами родового очага, обязанности и права которых в этом случае более чётко регламентировались. Складывание этого статуса также предполагало очень жёсткий контроль за жизнью социальных сестёр *не только со стороны отдельной семьи, в качестве традиции, но и всего общества в виде священного, следовательно, основывающегося на традиции, закона.* Бесспорно, в социуме весталки пользовались большим почётом, но это было равнозначно и той ответственности, которую они несли за свои действия. Так, за нарушение обета безбрачия (девства) весталке полагалась



смертная казнь. Естественно, фамилия-хранительница «чистоты» рода на генетическом уровне в ходе стохастического (спонтанного и длительного в процессе) восприятия её другими членами рода возвышалась и постепенно становилась царствующей, хотя формально, юридически она могла быть равной любой другой фамилии своего рода. В процессе трансформации фамилии-хранительницы родовых черт в царствующую, определяющую роль играло восприятие самобытности рода как основы для его сохранения и выживания. Для периода родовых отношений, когда в ценностной иерархии первое место занимала безопасность отдельного рода, это явление вполне закономерно. Значение этих процессов нельзя недооценивать, так как линейное родство, начавшееся с одной выбранной фамилии, в общественной жизни усиливало свое значение, определяла впоследствии характер важнейших политических институтов, влияла на сознание других членов рода, что связано с особенно сильным воздействием примера старшей в социальной иерархии фамилии. Вероятно, поэтому «в эпоху Ромула на смену господству группового родства приходят отношения линейного кровного родства»<sup>1</sup>.

В то же время и внешняя, и демографическая политика Рима также соответствовала открытости древнеримской культуры. Так, Ромул привлекал в Рим людей разных классов, специальностей и даже просто нищих. Плутарх пишет о населении Древнего Рима: «Большая часть из них состояла из бедняков – простолюдинов, презираемых и не дававших повода рассчитывать, что они станут жить оседло»<sup>2</sup>. Такая открытость Рима не могла не войти в противоречие с локальной общиной. Однако, если учесть, что иноземец мог быть в нее принятым по решению общины, то политика Ромула в области демографии вполне учитывала интересы общины. Это и предопределило принятие обществом демографической политики Ромула, который одновременно посредством такой политики подводил граждан к социальным противоречиям с общиной. И.Л. Маяк в книге «Рим первых царей» замечает: «Именно после притока новых поселенцев Ромул начал "строительство" государства. Пришельцы, которых Ливий презрительно именуется *ex finitimis populis turba*, толпой, стремившейся к перемене своего положения, принадлежавшей соседним народам, не были, конечно, родичами Ромуловых товарищей. Значит, и рассказ об *asylum* содержит указание на то, что Рим в эпоху Ромула не был уже родовым посёлком, что в римском синойкизме (слиянии родовых поселений в один город) участвовали, по-видимому, и общины соседского типа»<sup>3</sup>. Уже сам факт слияния посёлков в единый город существенно подрывал роль родовых старейшин и способствовал усилению центральной власти царя. Необходимость в разумной организации жизни в городе, в нормальном обеспечении функционирования социальных институтов, поддержание правопорядка в

<sup>1</sup> Коптев А.В. Механизмы передачи царской власти в архаическом Риме.

<sup>2</sup> Жизнеописание Ромула, XIV.

<sup>3</sup> Маяк И.Л. Рим первых царей. М., 1983г., с. 209.

поселении и соблюдение элементарной чистоты требовали подчинения единому мнению, выразителем которого мог бы стать не старейшина, представляющий отдельно взятый род, а царь, выступающий от имени всех горожан.

Тем не менее, какой бы ни была значимой власть римского царя, отдельные роды пользовались большой самостоятельностью. Советский учёный А.И. Немировский пишет: «Роду принадлежало исключительное право решать вопросы, касающихся его членов, конечно, если это решение не наносило вреда общине»<sup>1</sup>. Естественно, что для раннего государства как раз характерно воспроизводство родовых форм, поскольку, как замечает современный исследователь А.В. Коптев, «главное классовое деление (мелкие и крупные собственники) еще не оформились, а государственный аппарат еще не освободился от форм патестарской организации»<sup>2</sup>. Поэтому в период раннего государства наблюдалась половинчатость эволюции государственных признаков. Например, в сфере экономики имела место двухукладность, или, по выражению Ю.И. Семенович, «двухэтажность», когда доминирующая форма производства «являлась своего рода надстройкой над крестьянско-общинным укладом». Само собой разумеется, римские цари стремились снизить автономность общин. Такая тенденция распространялась на все роды, входившие в союз, в том числе и римские. Так, отмена должности пожизненного главы общины коррелирует со стремлениями к централизации власти в Риме, а так как инициатива этого закона исходила от римского царя, то одновременно значимость римлян, по сравнению, например, с сабинцами, заметно усилилась. Теодор Моммзен замечает: «Из организации древних греческих и итальянских государств, как бы сама собой, возникла необходимость ограничить власть общинного правителя более коротким сроком, большей частью одним годом»<sup>3</sup>. Таким образом, римляне, уже укрепившись у власти, снизили роль старейшин, которые собственно и выбирали царя.

Необходимость в ограничении и даже сведении к минимуму власти родовых старейшин была объективно необходима не только для построения империи, но и вообще для организации правовой государственной системы, в которой могло бы функционировать позитивное право. Здесь надо учитывать то, что родоплеменная система по существу приближает человека к животному состоянию, когда индивид живёт интересами своей узкой группы, своего клана, является на суд готовым защищать своего родича, даже если он и преступник. Конечно, мне могут возразить, отметив, что и в современном мире есть явления, именуемые «кумовством» и «укрывательством» (или же в просторечии – «покрывательством»). Однако ныне за подобное деяние полагается правовая ответственность и, согласно общим нормам, перед законом все равны, независимо от родственных связей, вероисповедания и

<sup>1</sup> Немировский А. И. История раннего Рима и Италии, М., 1962г., с. 132.

<sup>2</sup> А.В. Коптев. Античная собственность и Рим.

<sup>3</sup> Моммзен Т. Там же.

национальной принадлежности (в данном случае не берётся шариат в исламе, где немусульмане вообще не обладают правами, а немусульманские государства не имеют права на суверенитет). В родоплеменной системе характер законодательства и его понимание зависят от интересов отдельного рода, который является правящим в тот или иной период времени. Здесь мы сталкиваемся с проблемой общего развития общности, в которое включён мировоззренческий кругозор и интеллектуальный потенциал нации. Старейшина рода, какими бы качествами мудреца его ни наделяли, всегда остаётся человеком, который не может развить в себе широты мышления, ибо он сообразует свои решения только в интересах собственного рода. Стало быть, и само родоплеменное общество лишено широты видения мира. Царь же призван задумываться не только о своей семье, своём роде, но и обо всех людях, которые объединены в границах его государства. Царю важно, чтобы любой народ, входивший в состав Римского государства, гордился своей принадлежностью к Риму, независимо от своей национальности. Более того, правитель, дабы обеспечить порядок в своей стране, стремится и к тому, чтобы мышление его подданных также отличалось широтой, способностью к международному общению. Именно такое широкое мировидение способствует всестороннему становлению человека, искореняет то низменное, что мешает изжить животные инстинкты и тем самым обеспечивает возможность его полноценного развития.

### *Система ценностей в период царей и республики*

Несмотря на все вышеописанные процессы, происходящие внутри римского родового союза, формирование государства происходит при условии выработки соответствующей системы ценностей. Преодоление родовых предубеждений, правил есть необходимое, но не абсолютное условие для складывания государственности. Поэтому при анализе генезиса Римского государства важно показать аксиологический ряд, в рамках которого возможно развитие гражданского сознания общества. Несмотря на то, что в качестве примера государственных ценностей взят Рим, те ценности, которые были характерны для Рима, проникли в государственную жизнь иных народов и продолжают сохраняться по сей день.

В первую очередь отметим, что, если мы в качестве значимой черты цивилизации выделили оседлость, то уместно назвать территорию саму по себе государственной ценностью. Действительно, одной из существенных компонент, складывавшейся в качестве органичной части ментальности римлян при формировании государства, является определение географического пространства общности и восприятие этносом земли, своей территориальной целостности как важнейших ценностей. Первостепенным показателем, критерием уровня подобного восприятия, возможно, является причинность конфликтов между народами, сам предмет их спора.

Примечательно, что еще в VIII в. до н. э. борьба общностей шла не за территории, а за девушек, имущество и, прежде всего, за скот. За девушек война разгорелась между римлянами и сабинами. События, связанные с угонами скота, фигурируют в «Жизнеописании Ромула»<sup>1</sup>, причем и в последующей истории Рима спор из-за скота часто выступал поводом для начала войны. Так, войско альбанского царя Гая Куммиция явилось к Риму под предлогом угона римлянами скота. Действительно, конфликт между жителями Альбы-Лонги и римлянами разгорелся после грабежей имущества, в том числе и скота<sup>2</sup>. Это говорит о том, что в это время общности еще не имели государственного сознания, их идентификация проходила на основе родовых традиций, общинных ценностей, не исчерпавших свою значимость в последнем тысячелетии до нашей эры. Следовательно, каких-либо стратегических планов на десятилетия вперед у них не было, они жили в настоящем времени, не заглядывая далеко в будущее. Лишь с возрастанием плотности населения, когда сложилась необходимость в государстве как новом способе идентификации и самоутверждения этноса в социокультурном пространстве, территория стала важнейшей ценностью. Конечно, первоначально её значимость могла быть обусловленной тем, что необходимо не только для государства, но и для физического выживания граждан. Например, наличие плодородных земель, соляных залежей. Всё же постепенно в ходе развития международных и межгосударственных отношений владение тем или иным районом послужило основой для реализации как тактических, так и стратегических государственных замыслов царей и одновременно возможностью для решения внутренних проблем.

Следующей ценностью, необходимой для становления государства, является открытость рода, претендующего на центральную роль в том или ином регионе. Считается, что Рим был основан Ромулом в 753 г. до н.э., и с этого времени, то есть изначально, Рим представлял собой открытый город, вплоть до середины VII в. до н. э. лишённый городской стены. Открытость города стала важнейшей предпосылкой к его социально-политическому и военному развитию. Здесь важно учесть то, что первоначально римское общество представляло собой союз трёх родов: римского, сабинского и рода Альбы-Лонги. Соответственно, Рим представлял собой открытый город, состоявший из трёх поселений, каждое из которых соответствовало одному из союзных родов. Впоследствии эти родовые поселения объединились в город. Процесс объединения родовых поселений в город был весьма распространён в Италии VIII-VII вв. до н.э. и называется *синойкизмом*. Отсутствие стен также повлияло и на военную мысль римлян: из-за невозможности обороняться на стенах, надеяться на их защиту, необходимо стало вести активные наступательные боевые действия с использованием быстрых и подчас длительных переходов. С подобными предпосылками в Риме приветствовались такие качества человека, как инициативность,

<sup>1</sup> Плутарх, Жизнеописание Ромула, VII.

<sup>2</sup> История Европы, т. 1, М., 1998г., с. 191.

храбрость и, главное – преданность Риму. Почти всякий поступок человека определялся как моральный или аморальный лишь с точки зрения его полезности или опасности для государства. Таким образом, *гражданственность* стала главной ценностью в Риме.

Первый период римской истории приходится на правление семи царей. Особое место занимает второй царь – Нума Помпилий, который по материнской линии был сабинянином. В принципе он не стремился к власти и первоначально не давал своего согласия стать царём. Отказываясь от власти, он произнес следующие слова: «Если б я стал учить граждан чтить богов, уважать право и ненавидеть насилие и войну, граждан, которым скорее нужен полководец, нежели царь, я показался бы смешным в своих желаниях!»<sup>1</sup>. При таких обстоятельствах самые эффективные способы самоутверждения в обществе, повышение собственной самооценки концентрируются в военной сфере. Поэтому-то армейская служба, защита интересов страны с оружием также стала существенной ценностью, мотивировавшей желание людей служить в армии и, если понадобится, умереть во имя Отечества.

Вместе с тем культивирование в социуме образа воина может привести к активному вмешательству армии в политическую жизнь страны, к зависимости правителя от амбиций военного руководства. Более того, «воинствующий», «агрессивный» общественный идеал является востребованным элементом социального сознания, пока государство в состоянии войны, и при таком обстоятельстве механизмы повышения самооценки, авторитета в обществе работают действительно. Однако нация не в силах бесконечно воевать и постоянно быть в психологическом напряжении. В мирное время прежние способы самоидентификации личности в социуме могут перенестись с области взаимодействия с представителями других культур на развитие взаимоотношений субкультур внутри социума, что при идеализации образа воина грозит гражданской войной или же криминальной обстановкой в обществе. Поэтому в мирные периоды требуется смена ориентиров на тот идеал, который позволит людям воспринимать мирные профессии как престижные и необходимые для их страны. Эта угроза для общества, связанная с большой ролью военных в Риме, послужила одной из причин, мотивировавшей законы Нумы, призванные придать миролюбивый характер римскому обществу. Определенную роль играл и сам характер царя, ценившего мир и спокойствие. Отмена кровавых жертвоприношений вполне коррелирует и с особенностями склада мышления Нумы, и с курсом его политики. Нума также изменил порядок месяцев и летоисчисления. До царствования Нумы первым месяцем был март, названный по имени бога войны. Первенство Марса вполне соответствовало характеру правления Ромула. Второй же царь Рима поставил на первое место в римском календаре месяц январь, получивший название по имени бога Януса. Этот бог в глубокой древности, покровительствуя миру и просвещению, заставил людей

---

<sup>1</sup> Плутарх. Жизнеописание Нумы, V.

отказаться от дикой, некультурной жизни. Вероятно, таким изменением порядка месяцев Нума стремился акцентировать внимание римлян на гражданских ценностях, не имевших какой-либо связи с военной сферой.

Необходимо отметить и то, что Нума ещё учредил жреческие общины фециалов. Их задачей было примирение враждующих народов, для чего жрецы сами по несколько раз приходили к виновникам вражды и старались склонить их к взаимным уступкам и мирному решению конфликта.

Огромную роль Нума сыграл в сфере преодоления раскола в римском обществе, вероятность которого была весьма велика. Прежде всего, это касалось взаимоотношений внутри союза между сабинянами и римлянами. С момента объединения римлян с сабинцами население Рима условно делилось на эти два народа, отношения между которыми были столь напряжёнными, что подчас грозили вылиться в вооружённый конфликт. В данных условиях полумеры были бессмысленны, и проблему могли решить только конкретные законы и действия, а также авторитет и воля царя. Нума для разрешения этой социальной проблемы прибегает к новому делению общества, основанному на профессиональном признаке. Царь установил ремесленные коллегии (или общины) плотников, кузнецов, флейщиков, золотых дел мастеров и т. д. Некоторые специальности царь объединил вместе и образовал на их основе цех. Каждая коллегия, каждый цех проводили свои собрания, религиозные обряды, имели своих богов-покровителей. Религиозные обряды, каждый из которых осуществлялся в соответствии с принадлежностью к определённому сословию, способствовали чёткому выражению нового деления общества, передаче ремесла по наследству посредством религиозного воздействия на людей через поколения. Формирование наследственности в сфере ремесла, конечно, содействовало увеличению качества римской ремесленной продукции и повышению её конкурентоспособности на внешнем рынке.

Однако последние три царя, бывшие этрусками, проявляли стремление к тирании. Присутствие этрусских царей во главе Рима заставляет предположить, что в римском межродовом союзе могли с течением времени появиться и этруски. Последний из царей, Тарквиний Гордый, был изгнан в 511 г. до н.э. Согласно текстам Тита Ливия, Плутарха, поводом для изгнания царей послужило оскорбление чести знатной женщины Лукреции, которая, не перенеся унижения, покончила с собой. Такой её поступок объясняется (как уже было выше изложено) родовыми установками по отношению к женщине; однако свержение власти царя вследствие этих событий указывает на то, что Римское государство основывалось не только на представлении о ценности гражданства, но и на представлении о ценности чести рода. После изгнания царей в городе утвердилась республика.

Основной значимостью для римлянина являлось государство и республика как форма его устройства. Тем не менее нельзя утверждать, что в Риме не было представлений о ценности человеческой жизни. Данная ценность зачатую рассматривалась через призму неприятия тирании, однако она была действенной и вплоть до I в. до н.э. предохраняла общество от

существенных кризисов. Даже диктатор не имел права казнить гражданина в пределах города Рима.

Римские граждане довольно долго отстаивали республику от амбициозных представителей власти, таких как Сулла, который стал диктатором в 88 г. до н.э. Убийство в 44 г. до н.э. Г.Ю. Цезаря было также мотивировано необходимостью защиты республики. Само слово *республика* (*res publica*) обозначало совокупность дел своей гражданской общины. Республика никогда не рассматривалась римлянами в качестве отчуждённого от народа аппарата власти, поскольку республика должна была воплощать волю всего народа, а чиновники являлись лишь представителями общих гражданских интересов. Сами же носители власти не должны были стремиться к подчинению людей собственной воле. Так, когда римского полководца Публия Корнелия Сципиона (235-183 до н.э.) местные жители в Испании, выражая уважение к нему, назвали царём римлян, то Сципион попросил не называть так себя, поскольку для римлянина царское звание позорно. Самым же достойным званием, как сказал Сципион, может быть только звание гражданина.

Главные же приоритеты в деятельности римлянина были хорошо выражены поэтом Вергилием (70-19 г. до н.э.): «Помни, римлянин, твоё искусство – властно править народами, устанавливать правила мира, щадить покоряющихся и наказывать дерзких».

В период римского господства на Средиземноморье сложились весьма чёткие представления о государстве и законе, но вместе с тем общественная система по-прежнему подавляла отдельно взятого человека. В Риме о нравственном облике индивида судили в соответствии с мерой его законопослушности, патриотизма, выраженности чувства гражданской ответственности. Согласно римским законам, самым тяжким преступлением являлось действие, направленное не против частного лица, а против государства. За государственные преступления виновного карали смертью. Другими словами, в Римском государстве позитивное право доминировало над естественным. Впрочем, нельзя однозначно утверждать, что в Риме совершенно отсутствовали представления о значимости индивидуальной жизни человека. Например, даже диктатор, наделённый широкими правовыми полномочиями, почти полным империем, не имел права казнить гражданина в пределах города Рима. Этот символический факт указывает на то, что в римском обществе стали формироваться представления о соотношении интересов государства с ценностью жизни отдельно взятого гражданина.

Одной из возможных причин складывания представлений об индивидуальности стала римская религия, которая была обращена не к обществу, как целостному организму, а к семье, как основной ячейке социума. Французский исследователь Фюстель де-Куланж пишет: «Всякий дом имел своих богов; всякий бог покровительствовал только одной семье и

был богом только в одном доме»<sup>1</sup>. Действительно, каждая римская семья в своём доме имела алтарь, её глава совершал перед ним свои семейно-религиозные обряды, в ход которых никто, даже царь, не имел права вмешиваться. Данный фактор указывает на то, что римские правители не пытались унифицировать культуры народов Апеннин, как это делали цари Востока. В Риме общество консолидировалось не на основе религиозных идей, культурных установок, а на основе юридического закона, который был объективен и одинаков для всех граждан Рима. Здесь, ради исторической правды, следует заметить, что в период ранней республики плебеи добились значительных правовых полномочий и их социальное отличие от патрициев стало формальным.

Итак, Рим строил свой авторитет не только на основе силы, но и на основе уважения к культуре рода. Римские законы не касались религиозной жизни своих граждан: они были призваны регулировать отношения между частными лицами, между государством и его гражданами. Лишив род политической самостоятельности, Рим сохранил за ним право на своё вероисповедание, свои традиции и обычаи. Более того, эта религиозно-культурная самостоятельность рода защищалась законом, или позитивным правом. Ряд исследований в зарубежной и в отечественной исторической науке подтверждают широкую самостоятельность рода<sup>2</sup>. Следовательно, в Риме господство позитивного права было поставлено на службу сохранения естественного права. Однако источником естественного права был скорее не индивид, а семья и род. Пока Рим мог обеспечить сохранение связи поколений в пределах фамилии, или рода, его государственность имела значение; когда же эта функция перестала выполняться, а семейные боги были преданы забвению, крах Римской империи стал неизбежным.

Установление в начале I века империи и наделение нового правителя Рима Октавиана именем Август положило начало обожествлению императора и неограниченному произволу государственной власти как гаранта действительности позитивного права. Соответственно, назначение последнего было искажено, подчинено воле одного человека. С 23 г. Октавиан получил абсолютный империй и стал главой государства, считая носителем власти не закон, а самого себя. Впервые право полного империя получил не главнокомандующий, а глава государства. Этот факт указывает на то, что, если ранее произвол (причём несколько ограниченный) позитивного права допускался в экстремальных случаях, то с установлением империи он стал нормативным. Фактически достоинство каждой конкретной семьи было попрано, римлянам предложили заменить родовых богов одним государственным богом в лице императора. По существу само право оказалось в противостоянии с государственной властью. Такое положение дел вело Рим к неминуемой гибели. К слову, умирающий император

---

<sup>1</sup> Фюстель де-Куланж. Гражданская община древнего мира. Санкт-Петербург, 1906, с. 35.

<sup>2</sup> Немировский А.И. История раннего Рима и Италии, М.: Воронеж: Воронежский университет, 1962, с. 132.



Веспасиан с иронией произнёс: «Увы, я, кажется, становлюсь богом». В сущности, эти слова можно с полным основанием отнести к участи и правителей, и самого государства. Действительно, страшной платой за обожествление императора стала гибель Западной Римской империи.

### *Государственный путь к правовому естеству*

Одной из причин, ускорившей падение Рима, стало зарождение и последующее распространение новой религии – христианства, которое внесло кардинальные изменения в характер соотношения позитивного и естественного права, заставило пересмотреть их основы и задачи.

В первую очередь, следует обратить внимание на то, что в христианском богословии, в ходе анализа понятий *сущность* и *ипостась*, впервые сложилось понятие *личности*. Ни в древнегреческом, ни в латинском языках нет слова, переводимого как *личность*. Латинское слово *persona* имеет значение *маски* и отражает как театральную, так и социальную роль человека. В римском праве сложилось понятие *частного лица*, однако оно не выражало уникальности человека, идеи его самодостаточности. Формирование идеи личности привело к складыванию представлений о самоценности человека, что находит своё проявление в словах Священного Писания: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас... храм Божий свят; а этот *храм* – вы» (1-е Послание коринфянам, 3 : 16-17). В христианстве человек, являясь высшим творением Бога, рассматривался, прежде всего, как духовное существо, ему придавалось метафизическое значение, его сущность рассматривалась в качестве надмирной. Человек, согласно христианскому богословию, имеет гораздо более высокое положение, нежели предметный мир, ибо мыслится как возможный сонаследник Царства Божия. Соответственно, людям, согласно богословско-религиозным взглядам, не следует соотносить свои действия с принципами логической целесообразности, организации временных государственных образований, ибо «дружба с миром есть вражда против Бога» (Послание Иакова, 4 : 4).

Естественным результатом таких установок стало отвержение безусловности авторитета императора. Христианин – это не тот человек, который слепо повинуется указам правителя, не вдаваясь в их моральную оценку; христианин действует согласно велениям своей совести, чувству справедливого, нравственного, а именно: согласно с естественным правом, источником которого является его имманентный мир. Император же имеет право на власть лишь постольку, поскольку его духовный облик соответствует установкам христианской антропологии.

Христианство разрушало не только прежние представления о государстве; оно также размывало основы рода, сделав невозможным реставрацию республики, возвращение к старым римским семейным богам.

Христианское общество не нуждалось в механизмах сохранения родовых традиций, ибо смысл жизни человека понимался уже не через призму его места в роду, а в силу его сотворённости по образу и подобию Бога.

Легализация христианства была вполне закономерным процессом. Римское государство с первых веков нашей эры замыкается в самом себе, а установление чётко фиксированных границ империи подчёркивает ориентацию государства на решение внутренних дел, а также идею завершённости государственного развития. С того момента, когда Октавиан Август объявил в Сенате о начале «золотого» века, Рим упорно стремился к отделению, изоляции от остального мира, и смысл в дальнейшем укреплении государства исчез. Вместе с ним исчез и смысл жизни гражданина, жившего лишь ради государства и выполнения гражданского долга – служения земным идеалам. Прежние родовые ценности к началу новой эры были вытеснены государственными, и, хотя по-прежнему сохранялись понятия о чести семьи и рода, они уже не являлись столь действенными, ибо функционировали не в системе родовых отношений, а в системе государственных институтов, в которых не сложилось представления о чести личности. Таким образом, гражданин Римской империи не видел смысла в жизни. Государство превратилось в выхолощенный механизм, который незачем было защищать. В.С. Соловьёв для доказательства этой позиции обращается к истории и замечает, что когда Римская империя достигла своего могущества, то обнаружилась «совершенная пустота этого величия, безнадёжная скудость этого воплощённого разума. Пришлось поставить вопрос: к чему всё это и что же дальше?»<sup>1</sup>. Поэтому-то не вызывает удивления то, что во время нападения на Рим Аллариха в 410 г. почти никто из римлян не стал на защиту «вечного города». Культура, в лоне которой нет «двери» в метафизическое бытие, превращается в придаток материального мира, беспощадный, слепой, как и всякий естественный закон.

Падение Рима в 476 г. было закономерным, неизбежным явлением. В последующее время в области позитивного права образуется своего рода «пустота», то есть на протяжении нескольких столетий не действовало ни одно из крупных законодательств. Законы римского права лишились какого-либо значения вместе с гибелью Западно-Римской империи. Этот период был временем естественного права. Безусловно, это не означает, что в эпоху раннего средневековья государственные законы отсутствовали. Например, у франков существовало Солическое право. Однако оно было основано на старых родовых, языческих традициях. Так, в V веке Солическое законодательство не соответствовало принципу равенства всех перед законом, не отвергало применение магии, что противоречило и нормам христианства, и логике позитивного права. Ни одно государство не смогло организовать на базе законов, подобных солическим.

---

<sup>1</sup> Соловьёв В. Духовные основы жизни // Соловьёв В.С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998., с. 261.

Фактически в эпоху раннего средневековья монарх имел возможность возглавить народ только в том случае, когда по своему духовному облику соответствовал нормам христианства. Если же деяния правителя не укладывались в библейские нормы, то подданные имели право такого правителя отвергнуть и отказаться состоять у него на службе. Конечно, эту мысль нельзя абсолютизировать, ибо здесь речь идёт об общей тенденции. Так, согласно народной испанской легенде, в начале XIII века, когда на Пиренейском полуострове высадились мавры, христианские воины не желали воевать за вестготского короля Родриго. Они, в силу данной воинской клятвы, предпочли погибнуть в битве с мусульманами, однако самого короля они не желали защищать, поскольку он совершил страшное злодеяние – погряз честь благородной, порядочной девушки. Король же, после своего низменного поступка, в битве искал не победы, а своей смерти, и, не найдя её, сам себя похоронил в склепе одного христианского отшельника. Однако – это легенда, но тем не менее она не лишена определённого смысла.

В период царствования Карла Великого наблюдалось особенно сильное, интенсивное взаимодействие между королевской (светской) и папской властью, или, выражаясь словами Августина Блаженного, между градом земным и градом небесным. На протяжении всего правления король стремился подчеркнуть свою религиозность: его капитулярии (указы, распоряжения) были сборниками не только законов, но и проповедей; в организованном им учёном кружке, получившем название Академии, король носил прозвище Давид в честь библейского благочестивого царя. В то же время Карл Великий значительное внимание уделял государственному праву. В 789 г. по всей империи вводится каролингский минускул – шрифт латинского письма. Унификация письма свидетельствует о стремлении сделать законодательство объективным, имеющим силу позитивного права. Тем не менее законы, издаваемые императором, как правило, соответствовали не только требованиям позитивного права, но и христианским ценностям, а их смысл раскрывался в ходе субъективного духовного переживания. Например, в VIII веке не каждый человек видел смысл в овладении грамотой, в необходимости получения образования, однако указы Карла Великого предписывали обязательное обучение детей всех свободных людей. Разумеется, в раннем средневековье грамотность не всегда имела практическое значение, но стремление к овладению знаниями способствовало духовному обогащению человека, утверждению его самооценности. В 800 г. Карл Великий вошёл в Рим и заставил Папу Римского короновать себя императорской короной. Этот акт придавал его правлению не только светскую, но и религиозную силу, окончательно санкционировал его власть. Неудивительно, что его имя в латинизированной форме – *carolus* – стало в Восточной Европе титулом «король». Это санкционирование власти осуществлялось отнюдь не на авторитете позитивного права, а на основе признания естественного права на корону, ибо в лоне религии утверждается не государство, а, в первую очередь, человек.

В последующем взаимодействии папской и светской власти прослеживается их постепенное отдаление друг от друга. Многие философы средневековья, такие как Роджер Бекон (1214-1292), Дунс Скот (1265-1308), выступали за чёткое разделение юрисдикции Церкви и государства. В гносеологии сложились дуалистические учения, допускавшие онтологическую самостоятельность двух миров: духовного и вещественного. Так, если церковь предлагала жизненные ориентиры на духовный мир, то государству следовало организовать жизнь человека в соответствии с духовно-религиозными принципами. Даже в представлениях об истине не было однозначных мнений. Например, классик христианской схоластики Фома Аквинский выделяет два вида истины: томисткая истина и логическая истина. Томисткая истина – это соответствие разума действительности, но не той, которая естественно существует, а действительности, созданной Богом. Несмотря на то, что мыслитель подчёркивал главенство первой относительно логической истины, такое понимание истины и путей её познания предполагает тенденцию к объективации знания, к приданию ему научного характера. Научность же знания есть важнейшая предпосылка к развитию позитивного права.

Собственно говоря, в учении Фомы Аквинского уже прослеживается осознание процесса отделения позитивного права от естественного. Мыслитель выделяет *вечное право*, под которым понимается совокупность общих божественных принципов правления миром. Вечное право является источником естественного права, существующего благодаря сопричастности Богу. *Естественное право* – это вечное право, понимаемое человеческим умом. Оно вневременное, неизменное и имеет разумный характер, то есть доступно лишь разумным созданиям, которые познают его при помощи собственного интеллекта. Наконец, философ выделяет человеческое, или *позитивное право*, суть которого сводится к применению принципов естественного права в отношении общественной жизни. Оно выводится из вечного права не непосредственно, а опосредованно и является изменяемым, хотя и сохраняет в себе некоторые постоянные элементы. Так вот, логическая истина имплицировалась к позитивному праву, которое стало рациональным принципом человеческого государственного бытия. Этот принцип, противоречащий природе человека, оказался своеобразным неперенным условием для общежития людей. Знаменательно, что Ф.М. Достоевский утверждал, что «ни один народ ещё не устраивался на началах науки и разума»<sup>1</sup>. Логика позитивного права вытесняет чувство справедливого, постигаемого человеком в своём субъективном духовном опыте; идея истины постепенно вытесняется идеей полезности. Такая логика рассчитана на стандартное, объективное восприятие и оценивание событий. В конечном итоге, происходит болезненный разрыв естественного и позитивного права, в ходе чего последнее лишается своего нравственного ядра и принимает характер морально нейтральной системы предписаний, при этом уподобляясь

<sup>1</sup> Достоевский Ф.М. Бесы // Собр. соч. в 12 Т., т. 8, М., 1982, с 243.

природному процессу, происходящему согласно слепому естественному закону. В столь сильном разрыве естественного и позитивного права последнее своей омертвелостью фактически провоцирует разгул животной стихии в человеческом сообществе.

Далее следует вновь обратиться к трудам Фомы Аквинского. Нетрудно заметить, что все три вида права в учении Фомы Аквинского взаимосвязаны и субординационно подчинены вечному праву. Однако важен сам факт выделения трёх видов права, поскольку это есть своего рода условие для последующего их дистанцирования относительно друг друга, для расщепления представлений о правовом поле, или, используя терминологию Эмпедокла, для выделения в *сфайросе* общих понятий, идей, обладающих определённой мерой автономии. Именно выделение универсалий (общих понятий) является предпосылкой к утрате целостности организма, взаимосвязи между мыслью и поступком. В данном случае формулировка идеи *позитивного* и *естественного права* стала фактически основой для их отчуждения, отдаления друг от друга. Таким образом, логично утверждать, что христианство дало начало для постулирования приоритета естественного права над позитивным, или человека над государством, ибо к Царствию Божьему призвана душа человека, но не государственный закон. Тем не менее важно понимать, что природа человека, постулируемая естественным правом, имеет две стороны: с одной стороны, действительно, человек есть храм Божий и соблюдение чистоты в этом храме есть единственная истинная цель государства. Однако, с другой стороны, в человеке может проявиться и природа мира сего – хищная животность прайда.

Следует отметить то, что осознанное вычленение из чувства справедливого понятия *закон* свидетельствует о следующем: о дробности мировосприятия средневекового общества и вместе с тем о кризисе нравственного сознания, которое стало нуждаться в своего рода «костылях» позитивного права. Закономерным результатом фрагментарного мировоззрения в средневековой культуре стало решение Суассонского собора (в 1292 г.), на котором официальная Церковь в споре об универсалиях между номиналистами и реалистами поддержала последних. Фактически произошло утверждение расщеплённости восприятия универсалий в трёх состояниях. Во-первых, в его предсуществовании, то есть в мыслях Бога. Во-вторых, в явлении универсалий в предметном мире, в данном случае, точнее сказать – в государственной жизни. В-третьих, в образе, который остался в сознании человека после распада универсалии права как определённой материи (здесь социально-правовой материи). Собственно говоря, в реализме оформилось вычленение закона из природы человека, установление отношений между законом и индивидом, при котором они мыслились в качестве самостоятельных, независимых друг от друга категорий бытия. Если традиционный христианский мир ориентировал деятельность человека на внутренние требования совести, то установки Суассонского собора предопределили подчинение человека законам, исходящим из области предметного мира, например из позитивного права. Поэтому-то не

приходится поражаться тому, что после решения Суассонского собора стал меняться характер общественных отношений. Разумеется, иерархи Суассонского собора полагали, что утверждают божественные предписания в противовес человеческим спекулятивным рассуждениям. Однако, если учесть, что Папа Римский воспринимается в качестве наместника Бога, то в действительности его буллы приобрели силу позитивного права, в одной плоскости конкурирующего с позитивным правом светского государства. Конечно, ориентация деятельности человека на объективное позитивное право привела к размыванию основ феодализма, при котором отношения между сеньором и прикрепленными к его феодам крестьянами регулировались произволом первого, пусть даже и санкционированным центральной властью. Без сомнения, при подобном укладе король обладал минимумом власти в отношении сеньоров, которые даже армии имели подчас намного лучше технически оснащенные, более многочисленные, чем королевские. Приоритет же позитивного права существенно ограничивал произвол отдельных лиц, мера власти которых относительно своих подчиненных стала определяться королевскими законами. Таким образом, в XIII столетии в Европе сложились условия для складывания государств современного типа.

Значение приоритета положительного права весьма велико и до сих пор актуально. Позитивное право по своему существу есть адаптация духовного человека к естественному закону природы, есть попытка органично вжиться в неё. Между тем, по христианскому учению, «дружба с миром есть вражда против Бога» (Новый Завет, Послание Иакова, 4 : 4). Проблема состоит в том, что «мир сей лежит во зле», которое не имеет собственной онтологической действительности и обречено на небытие. Позитивное же право определило такой принцип, при котором стало возможно рациональное устройство общежития индивида, но оно при этом блокировало проявление в человеке субъективного, индивидуального осмысления себя в мире. Понятие законопослушности отныне стало вытеснять идею духовности, определив норму человечности не в его внутреннем мире, а в том, насколько он выполняет писанный закон и избегает того, что противоречит последнему. В результате, как ни парадоксально, складывается ситуация равнозначности нравственного и безнравственного (пусть и юридически законного) поступка. Например, если индивид участвует в съёмках порнографического фильма, который разрешён к прокату юридическим законом, то это действие в правовом отношении расценивается как нормативное; и когда другой человек отказывается от участия в грязных сценах, то его выбор может расцениваться как проявление собственного решения, являющегося таким же правом, как и согласие сниматься в непристойных киносъёмках. В подобной обстановке зависимость от вредных привычек, личной распущенности вполне уместно объяснить тем, что все люди разные: одному нравится, например, курение, а другому – нет. Нравственного же поступка в действиях этих двоих не существует, поскольку каждый из них находится в правовом поле. Иначе говоря, нравственный, так же как и безнравственный, волевой акт

подменяется юридическим законом. Действие же, раскрывающее в человеке духовную чистоту, де-факто приравнивается к такому поступку, в котором индивид по сути теряет человеческую природу.

Такая правовая особенность сложилась ещё в римском праве, которое имело своей целью отнюдь не спасение души человека для жизни в метафизическом мире. Римское право (*ratio scripta* – *писанный разум*) признаёт факт несовершенства человека в том виде, в каком он есть, и призвано организовать его жизнь, проистекающую в настоящем времени, в данном мире. Римское право выражает стремление организовать жизнь индивида не по духовному закону, чувство которого в человеке существует априорно, а по принципам, являющимся, в сущности, подражанием законам естественной среды. При таком положении дел государство практически признаёт за каждым человеком право на смерть, в том числе и духовную. Власть в условиях приоритета позитивного права следует принципу, гласящему, что каждый имеет то, что заслуживает. При этом упускается из виду то, что в соответствии с такой законной справедливостью Бог давно бы подверг наказанию мир за его злонравные деяния. Иначе говоря, из отношения власти к народу вычленяется принцип любви. Государство становится как бы производным от народных масс, их продолжением, той страной, в которой, как когда-то утверждали большевики, «каждая кухарка должна научиться управлять государством». Эта республиканская форма государственной жизни, прельстившая людей идеями либерализма, социализма и демократии, сняла духовную ответственность властей за их государственные деяния. Главное же – республика в своём содержании постулировала идею свободы, однако не отвечала на вопрос о её смысле. Т.В. Торубарова, современный исследователь, справедливо пишет: «Всегда есть соблазн воспринимать свободу прежде всего как свободу человека»<sup>1</sup>. Это восприятие свободы для человека и во имя человека оставило последнего в состоянии самозамкнутости, оторванности от Бога. Республика как форма государственного устройства санкционировала свободу человека вне духовности, то есть провозгласила ту свободу, которая превращается в навязчивую самоцель, поработавшую собой индивида. Власти же, будучи частью народа, не в силах выступить против свободных устремлений последнего. То, что республика предполагает единство власти с народом и единство человеческого общества с принципами естественного мира, отражается и в самом слове *республика* (*res publica*), обозначающем *совокупность дел своей гражданской общины*. В античном Риме, который задал основы положительному праву, республика никогда не рассматривалась римлянами в качестве отчуждённого от народа аппарата власти, поскольку республика должна была воплощать волю всего народа, а чиновники являлись лишь представителями общих гражданских интересов.

---

<sup>1</sup> Торубарова Т.В. О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. – СПб., 1999, с. 19.

Для объективизации же логики природного миропорядка, имплицитной на жизнеустройство человеческого социума, понадобилось позитивное право.

В России же государство, как правило, довлело над обществом и отвечало за реформы в сфере последнего, неизменно являясь инициатором их проведения. Основным источником права мыслился не документ, а, в первую очередь, человек, отвечающий перед Богом за свой народ. Так, в XVII столетии власть помещика регулировалась естественным правом, которое основывалось на религиозных убеждениях и на авторитете независимой от государства церкви. Каждый царь, независимо от своих нравственных качеств, соотносил свои поступки с мнением патриарха. Однако упразднение в 1703 году патриаршества и утверждение в 1721 году Синода, который, как иронично подметил В.С. Соловьёв, в сущности являлся «министерством духовных дел православного вероисповедания», привело к секуляризации общества и утверждению неограниченной власти императора. Последующими же императорами начинания Петра I лишь укреплялись. С XVIII века произошёл раскол в русской элите – в наиболее образованных слоях общества: на защитников православия и на сторонников западноевропейского уклада жизни. Последних нельзя было назвать атеистами, но они фактически постулировали тот житейский уклад, в котором роль Церкви была минимальна, а духовный мир подменялся буквой закона. Неудивительно, что в Регламенте (Уставе духовной коллегии) записано: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог за совесть повелевает». Поэтому-то можно утверждать, что в условиях царской России источник власти правителя исходил не от того религиозного наследия, в котором вырабатывались ясные представления о природе человека, а от самого правителя, нередко оторванного от культурной и религиозной жизни нации. Период второй половины XVIII века в России ознаменовался развитием протестантских тенденций, под влиянием которых Екатерина II инициировала закрытие многих православных храмов и монастырей. Да и сама императрица симпатизировала протестантизму. Такое обмирщённое, деловое христианство, так сказать, бизнес-религия, стала средством смешения духовных и земных задач, подмены религиозных ценностей нормами деловой корпорации, в лучшем случае – государственными законами. Фактически позитивное право представлялось самодостаточным и основывалось не на естественном праве, а на индивидуальном произволе монарха. Причём правление на местах по характеру было идентично центральному. Так, в период царствования Екатерины II помещичья власть относительно крестьянства стала абсолютной, ибо, согласно указам императрицы, помещик имел полное право по собственному усмотрению отправлять своих крепостных в ссылку на работы в рудники Сибири, а крестьяне не были вправе жаловаться на барина. Формально крепостничество в последней четверти XVIII века мало чем отличалось от рабства. По существу, гегемония власти, как главного гаранта соблюдения естественного права, привела к жёсткой иерархии, не исчезнувшей бесследно и после крушения царской власти. Даже, когда в



1917 году события проходили по инициативе народных масс, её [власть] весьма быстро, оперативно переняли центральные государственные органы, оставив обществу лишь иллюзию обладания функциями государственного правления. Возможно, в том числе и по этой причине, ряд исследователей (например, В.В. Кожин) считают, что в России нет развитого общества как самостоятельной силы, способной быть значимым партнёром для государства. Оно всегда своей мощью подавляло всякий частный интерес<sup>1</sup>. Собственно говоря, римские основы гражданского устройства, ориентированные на логичность и объективность, были переняты Петром I, которого митрополит Антоний точно назвал «большевиком на троне»<sup>2</sup>.

Болезненный разрыв между естественным правом и позитивным, проходивший на фоне интенсивного развития последнего в Западной Европе, в конечном итоге привёл к краху империи (1917 год). В представлениях нации, характерной чертой которой была религиозность, действия царской власти, министров, промышленников порождали раскол в миропонимании, оторванность сущности от объекта. Так, М. Горький в «Несвоевременных мыслях» пишет: «Вы жалуетесь, что народ разрушает промышленность!... В его глазах промышленность – хитрый механизм, ловко приспособленный для того, чтобы сдирать с потребителя семь шкур...»<sup>3</sup>. В результате стремление к власти, привычка к правлению, граничащему с несправедливостью, жестокостью – причём на фоне официального провозглашения православия основой национальной идеологии – привели к вырождению христианских ценностей, а, следовательно, к дезинтеграции общества, волне насилия, с особой силой проявившегося в первые годы после революции. Обесценивание государственности привело и к крушению ценностей православной церкви, которая как социальный институт ещё Петром I была включена в государственную систему, подчинена ей. Нынче принято называть В.И. Ленина самым ярким атеистом. Действительно, это соответствует истине, поскольку он прямо, без всяких околичностей призывал к борьбе с церковью. Однако следует признать, что этот вождь мирового пролетариата был всего лишь ярким представителем интересов определённой, достаточно большой части народа, которая в сущности, если и не была однозначно атеистической, то весьма далёкой от православия. Ведь ещё задолго до террора против православной Церкви Ф.М. Достоевский писал: «А что, правда (ты за границей был), – мне вот один с пьяных глаз говорил, что у нас, по России, больше чем во всех землях, таких, что в Бога не веруют?»<sup>4</sup>. В самом деле, была бы у большинства людей из русского народа православная вера, то не было бы столь жёстких гонений на Церковь. «Нет возможности объяснить массовую утрату веры одним только насилием;

<sup>1</sup> Кожин В.В. Победы и беды России. М., 2002, с. 30.

<sup>2</sup> Великие духовные пастыри России. Под ред. А.Ф. Киселёва. М., 1999, с. 451.

<sup>3</sup> Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре; Рассказы. М.: Современник, 1991, с. 37.

<sup>4</sup> Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 6. – М.: «Правда», 1982, с. 232.

даже при тоталитарном режиме насилие всемогуще лишь постольку, поскольку оно может опираться на реальности общественной психологии, им не творимой, а лишь умело стимулируемой и используемой»,<sup>1</sup> – пишет С.С. Аверинцев.

Советское правительство, провозгласившее народную власть, по существу явило собой попытку организовать общественное бытие людей на основе естественного права, ради будущего утверждения которого на некоторое время допускался диктат определённого класса и даже конкретного лица. В результате на фоне зачаточного состояния естественного права в культуре не было выработано развитого позитивного права.

Вместе с тем невозможно представить общество без объективных принципов регулирования межличностных, межклассовых отношений. Необходимость в правовом регулировании поведения людей заложена в самой человеческой природе. Если обратиться к антропологическим воззрениям И. Канта, то в них выделены такие *задатки* человеческого существа: задатки животности; задатки человечности (рассудка); задатки личности. Первая составляющая представляется стремлением к самосохранению, продлению рода, а также к общению. Вторая компонента сводится к формам, или моделям социального поведения. Задатки человека как личности заключаются в его способности «воспринимать уважение к моральному закону *как сам по себе достаточный мотив произвола*»<sup>2</sup>. Первые две составляющие этически нейтральны, но по воле человека могут принимать аморальные формы: например, стремление к продлению рода может проявиться в чистой любви, но подчас оборачивается блудом; а формы поведения в обществе нередко принимают характер немотивированной агрессии, злобы, смешиваются с чувством зависти, нездоровой конкуренции, а также правовыми или внеправовыми действиями. Однако задатки человека как личности, заложенные априорно, всегда связываются с чувством морального, а в контексте философии права – с естественным правом. Это чувство может остаться в неразвитом, зачаточном состоянии, но вместе с тем оно способно раскрыться, охватить все грани человеческой жизни. Позитивное право призвано содействовать раскрытию качеств человека как *личности*, то есть развёртыванию задатков, изначально, доопытно существующих в природе человека. Это априорное знание естественного права в синтезе с задатками человечности обязывала индивида к выработке моделей правового поведения в обществе. Тем не менее при господстве задатков рассудка над задатками личности происходит вырождение человеческой природы в механизм, слепо подчиняющийся букве закона. В данном случае право вырождается в совокупность законов, которые, в отличие от права, могут быть направлены на утверждение зла. В

<sup>1</sup> Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. К., 2001, с. 284.

<sup>2</sup> Кант И. О сосуществовании злого принципа с добрым, или об изначальном злом в человеческой природе // Кант И. Собр. соч. в 6 томах Т. 4, Ч. 2. – М., 1965, с. 27-29.

современной истории немало примеров, когда законодательство смешивалось с аморальностью и с бесовщиной. Так, некоторые государственные министры правительства Руанды прямо призывали народ к уничтожению народа тутси. Например, премьер-министр Жану Камбанде, министр информации Элизера Нийитегека открыто призывали народ к этническим чисткам против тутси. Вызывает негодование приказ о массовом осквернении женщин тутси, который отдала женщина-министр Паулин Нийрамасухуко. Подобные приказы и даже законы издаёт и правительство Судана против христианских народов, проживающих на юге и юго-западе этой страны. Речь идёт об издании указов, согласно которым солдаты-мусульмане за осквернение немусульманских женщин получают от правительства денежное поощрение<sup>1</sup>. Удручающим выглядит и то, что люди, как правило, следуют таким законам, сохраняя тем самым формальную законопослушность, но, по сути, прекращая быть полноценными людьми. Подобная законодательная система санкционирует право на бесчестье и высвобождает все животные инстинкты, которые в синтезе с воображением, как психической функцией, и со спекулятивным рассудком приводят к особо тяжким преступлениям.

Недостаточная выраженность естественного права, болезненное состояние правосознания не позволяют обществу представить в ментальном мире развитое позитивное право и, соответственно, выработать действенное законодательство. Поэтому-то формируется иной тип права, который я бы условно назвал *прайдовым правом*. Полагаю, что введение этого понятия в философско-правовой понятийный аппарат обоснованно. Данная дефиниция непосредственно связана с понятием *прайд*. Оно употребляется в отношении группы хищных животных (львов), живущей на определённой территории и имеющей лидера. Цель объединения животных в прайд состоит в их биологическом выживании. Особенностью прайда является слабая выраженность индивидуального начала, которое, кстати, есть не только у людей, но и у животных. Так, применительно к тиграм слово прайд не употребляется, поскольку тигры большую часть жизни проводят в одиночестве и самостоятельно принимают решения. Неудивительно, что многие дрессировщики хищников, например братья Аскольд и Эдгар Запашные, отмечают, что индивидуальность у тигров более ярко выражена, чем у львов.

Характеризуя общество людей, не принято использовать слово *прайд*. Однако в истории человечества существуют такие кризисные периоды, когда «очеловеченность» людей минимальна, соответственно, степень проявления, раскрытия естественного права весьма ограничена, а позитивное право, хотя формально присутствует, но оно не- или малоэффективно. В таком сообществе человеческих существ правовое поведение основано на лидерстве конкретного лица в определённой группе. Здесь источником власти выступает больное сознание индивида, в котором минимальна мера

<sup>1</sup> Бараев Т. СПИД и насилие // Эхо планеты, № 38 (285), 1993, с. 20.

раскрытия естественного права и априорного содержания в целом. Характер законов прайдового права основан на искажённом видении миропорядка и принципов морали. Единство государства в условиях распространённости прайдового права условно и поддерживается однородностью правовой обстановки на своей территории. Однако внутренне страна оказывается разделённой на регионы, в которых господствует определённый прайд. Такие регионы невозможно назвать административными единицами – это скорее прайдовые территории, где действуют законы, которые в цивилизованном обществе определяются как законы криминального мира.

В сообществе людей, охваченных прайдовым правом, отсутствует стремление к решению общегосударственных задач; мировоззрение характеризуется узостью, а представления о духовности почти вырождены. Соответственно, развитие личности в данных условиях немислимо. Главная угроза прайдового права заключена в его стремлении отвергнуть такие качества, как благородство, благочестие, доброта, то есть качества, без которых очеловечение индивида невозможно. Вместе с тем в прайдовом праве и, следовательно, в прайдовом обществе поступки, приводящие к вырождению человека как духовного существа, представляются нормативными. Здесь следует обратиться к таким словам Н.А. Бердяева: «В подсознательных погребках каждого человека, в его низшем «я» есть безобразное, уродливое, потенциально преступное, но важно отношение к этому эго высшего «я»<sup>1</sup>. По сути, отвержение духовности есть жизненно важная основа прайдового права, ибо первое [духовность] противостоит ему, а нравственное растление служит основой для его функционирования, для слепого подчинения приказам лидеров прайдов.

Формирование прайдового права, несмотря на всю свою деструктивность, есть крайне сложный процесс, в котором мутирует сама сущность государственности. Опираясь на опыт многовекового функционирования мощного Римского государства, общество уверовало в силу государства как самого по себе, решило, что в системе государственных отношений всё будет работать достаточно эффективно, а в случае отказа одного из механизмов он будет продублирован другим, имеющим более результативный потенциал. Эта убеждённость в преимуществе, действенности данной системы, в её способности существовать самостоятельно в итоге прельстила людей мыслью, что и их насущные проблемы государство сможет решить само собой. Главное здесь заключается в том, чтобы человек жил в государстве, тогда и сам закон, и само общество с его социальными институтами проконтролирует гражданина, уберёжет его от тех или иных ошибок, неверных шагов в жизни, даст ему правильное направление деятельности. Однако государственная машина из полезного, нужного средства для обеспечения порядка и безопасности в обществе в чём-то по сути превратилась в некую прелесть, подкупающую людей возможностью жить безответственно, подчас

---

<sup>1</sup> Бердяев Н. Самопознание // Русская идея, М., 2002, с. 571.

аморально, ссылаясь при этом то на закон, который не запрещает ему что-либо делать, то на право, которое призвано защищать его права. Между тем государство не может и не должно восприниматься как безликая система, которая рассматривается в качестве способной быть самостоятельной и выстраивать с людьми какие-либо отношения. В дипломатическом словаре даётся такое определение понятию *гражданства*: «Гражданство – устойчивое политико-правовая связь физического лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей»<sup>1</sup>. При таком понимании гражданства человек выстраивает отношения с государством, которое воспринимается как самостоятельная система, способная, в одном случае – быть расположенной к гражданскому лицу, а в другом – выступать против него. Так или иначе, но, оказавшись в сложившихся неблагоприятных жизненных условиях, для нечистоплотного в нравственном отношении человека остаётся своеобразная лазейка: сослаться не на собственные просчёты, а на недостатки в правовой системе, иметь возможность воспользоваться ими в личных, порой в корыстных целях. Вместе с тем *гражданство – это, прежде всего, состояние человека, в котором он способен разумно общаться с другими людьми на основе позитивного права*. Фактически же люди забывают о том, что государство как форма их бытия есть производная от их же человеческой природы. Поэтому сущность государства может меняться в зависимости от духовного состояния общества. Сущность государства, хотя и устойчива, но не имеет абсолютной неизменности, постоянства. Петров В.С. пишет об этом следующее: «Сущность государства, будучи относительно устойчивым его свойством, тем не менее не является метафизически неизменной субстанцией»<sup>2</sup>. К этому положению необходимо отнестись очень внимательно. Прайдовое право как раз и есть пример изменения самой сущности государства, причём эти изменения являются деградацией. Разумеется, деградации государства предшествует деградация общества, отрыв государства и права от культурных ценностей, наконец, вырождение и гибель культуры. Государство само по себе не обладает способностью к долгому по времени функционированию – максимум одно или два поколения. Далее государство проявляет себя и функционирует по иным законам. Эти законы нередко являются прайдовыми. Постепенно они принимают характер самодовлеющей силы, которая не просто становится нейтральной к нравственным поступкам, но и прямо подавляющей в людях всякое чувство порядочного, доброго. Иначе говоря, также как закон истинного государства прямо борется со злом и утверждает добро, так и закон прайдового государства прямо борется с добром и утверждает зло, при этом активно вмешиваясь в жизнь той части общества, в которой ещё сохраняются чувства человеколюбия, принципы нравственного. В последнем случае имеет место подмена государственных функций, что автоматически

<sup>1</sup> Дипломатический словарь. Т 1. М., 1985, с. 269.

<sup>2</sup> Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства. Л.: «Наука», 1971, 15.

усиливает процесс распада общества. Между тем функциональная сторона государственного бытия непосредственно свидетельствует о его сущности. В.С. Петров отмечает: «Функция государства – это категория, в которой выражается его содержание, непосредственно связанное с его сущностью, социальным назначением»<sup>1</sup>.

В прайдовом праве государственность как форма волевого утверждения сущности человека продолжает функционировать, однако сущность, утверждаемая государством, оказывается совершенно иной, мало связанной с неписаными законами человечности. Особенно опасным представляется прайдовое право в том смысле, что разъединяет людей на узкие группы, при этом главари, при отборе членов своих группировок, подчас руководствуются критерием отсутствия в них твёрдых моральных правил, каких-то серьёзных преставлений о непреходящих культурных ценностях. В прайдовом праве фундаментальные ценности культуры игнорируются и подменяются нормами субкультуры, носящими более сектантский характер. Между тем от степени и характера дробности общества во многом зависит глубина негативных проявлений в его различных структурах, в том числе в государственной жизни. Нельзя забывать о том, что сущность государства во многом определяется характером социальной структуры. Так, советское общество было классовым, то есть структурированным по принципу вида трудовой деятельности. Снова обратимся к исследованию В.С. Петрова, в котором учёный отмечает: «Содержание государства есть указатель того, в руках какого или каких классов сосредотачивается политическая власть в обществе и против какого или каких общественных классов эта власть направлена»<sup>2</sup>. В случае деструкции общественных ценностей элементы структуры общества могут быть подменены, заменены, например, кланами. Однако в силу того, что человечество уже довольно-таки давно прошло этап родоплеменного развития, кланы уподобляются прайдам. Это похоже на возвращение христианина к язычеству. Содержание остаётся богатым, но форма, резко ограниченная, не вмещает в себя прежнего, а поэтому подвержена мутациям, вследствие чего содержание становится предметом гордыни, способом болезненного самоутверждения своего «я». Чем более богатое наследие оставлено настоящим государством пришедшему ему на смену прайду, тем более прайд становится сильным и опасным.

Согласно прайдовому праву, складывается и определённое устройство общества, в повседневной жизни которого вырабатывается и сознание людей, которое можно назвать также прайдовым. Выделим некоторые черты прайдового сознания:

1. Доминирование локальных интересов и индифферентное отношение к мировым проблемам.
2. Слабая выраженность чувства социальной ответственности.

<sup>1</sup> Петров В.С., там же, с. 29.

<sup>2</sup> Петров В.С. Тип и формы государства. Л., 1967, с. 39.

3. Ориентация общества на развлекательную культуру и господство принципа удовольствия.
4. Широкая распространённость жаргонной терминологии.
5. Оторванность законодательства от культуры.

Эти черты будут предметом нашего дальнейшего исследования. Но пока лишь отметим, что в условиях господства прайдового права особое значение в жизни нации имеет её способность сохранять человеческое лицо на фоне произвола отдельных лиц. Эта способность может выражаться в сознательном, волевом отказе от действий, которые допустимы с точки зрения прайдового права, но преступны в контексте позитивного права и аморальны в свете естественного права. Тем не менее эта способность сама по себе, хотя и предохраняет человека от духовной деградации, но отнюдь не способствует росту правосознания и оздоровлению общества в целом. Поэтому-то для эффективной борьбы с прайдовым правом столь необходимы сила и гибкость позитивного права, его органичная связь с естественным правом, восприятие последнего как абсолютной ценности. В дальнейшем будут рассмотрены факторы, способствующие вырождению естественного права, регрессу позитивного права и становлению прайдового.

## Глава II

### Дорога к прайду, или в логово зверя

Понятие *прайда* весьма сложно, поскольку достаточно сложна сама жизнь общества, связанного не только с положительными социальными проявлениями, но сплошь и рядом наполненного пороком. Состояние *простоты*, противоположное понятию *сложности*, – это вообще прерогатива добра, блага, тех людей, которые не обременены грузом греха и живут по надмирным духовным законам. Утрата духовной чистоты приводит к усложнению жизни и её высокой уязвимости. Государственное право, признающее факт несовершенства людей, также уязвимо к тлетворным социальным процессам. Однако, чтобы пресечь такие процессы, необходимо понять их природу. Если этого не сделать, то прайдовое право проявит себя как звериная форма бытия людей, в котором они будут жить не по нормам ныне существующего позитивного права, а по таким правилам, которые уместно назвать бесовскими. Соответственно, слово *зверь* здесь можно понимать в двух значениях: как в значении животного, так и в метафизическом смысле этого слова.

#### *Межкультурное сознание как основа для развития цивилизации и международного права*

В данной главе следует подчеркнуть то, что в любом законодательстве, прежде чем в нём привести надлежащим образом сформулированные мысли, те или иные решения, человек должен представить их в своём сознании. Стало быть, здесь вступает в силу характер мировоззрения общности, в которой будет функционировать какой-либо принимаемый закон. Мировоззрение представляет собой систему взглядов на мир в целом и место человека в нём. В мировоззрении происходит единение миропонимания и мироощущения, или интеллектуального и чувственно-эмпирического опыта. Широта же мировоззрения во многом зависит от развитости сознания нации, органичной составляющей которого является мышление. Мышление есть процесс, в ходе которого содержание сознания приобретает понятийную форму. Благодаря мышлению система образов, бесконечный поток разнообразных ощущений преобразуются в понятия и идеи. Соответственно, для развития мышления человеку необходимо овладеть максимально широким и разнообразным понятийным аппаратом. Как отмечает К.Г. Юнг, «человек становится личностью лишь тогда, когда «впихивает» в себя как можно больше «внешнего» мира», однако «богатство сознания определяется ментальной восприимчивостью, а не накопленными приобретениями»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Юнг. К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск, 2004, с. 255.



Разумеется, отнюдь не всё, что существует в этом далеко не совершенном мире, следует «впихивать» в себя. Между тем, чем больше развито мышление, тем шире, богаче мировоззрение. Поэтому-то если ставить вопрос о развитии правовой системы и, главное, правового сознания в обществе, то уместно обратиться к проблеме развития интеллекта нации, широты её мышления. Интеллект, как способность к более или менее развитому мышлению, напрямую зависит от количества и, что в действительности ещё более важно, характера осваиваемых понятий. Оба вышеназванных фактора в развитии мышления человека зависят не только от воли отдельно взятого человека, но, прежде всего, от системы культурных отношений, в которых происходит зачатие, рождение, воспитание и последующее развитие человека. Именно культура определяет характер понятий, меру распространённости слов, допустимых или недопустимых в употреблении, место и степень нормативности их использования. Естественно, что не всякое слово-понятие имеет положительную смысловую нагрузку и благоприятствует духовному и интеллектуальному росту индивида. Сквернословие, к примеру, по сути вырождает в нём человеческую природу. Русская культура всегда блокировала употребление матерных слов, тем более что в православной России они трактовались как хула против Бога и Богородицы. В IV веке святитель Иоанн Златоуст говорил: «Егда кто матерными словами ругается, тогда у Престола Господня Мати Божия данный Ею молитвенный покров от человека отнимает и Сама отступает, и который человек матерно избранится, себя в той день проклятию подвергает, понеже мать свою ругает и горько ее оскорбляет. С тем человеком не подобает нам ясти и пити, аще не отстанет от онаго матерного слова». Употребление же слов, напрямую связанных с жизнью в благочестии, поощрялось и прямо санкционировалось государством и обществом.

Вместе с тем словарный запас одной локальной культуры, как правило, ограничен, и, если мы ставим вопрос о преодолении рамок родоплеменного права, то уместно обратить внимание на то, что культура, претендующая на центральное место в цивилизации, вынуждена так или иначе отсеивать категориальный аппарат не только своей, но и других культур. Одновременно центральная культура (то есть цивилизация, та, вокруг которой объединяются соседние) абсорбирует в своём лоне понятийный аппарат культур, охваченных её границами. В последующем развитии цивилизации правосознание нации во многом зависит от качества понятийного аппарата, посредством которого отражается и понимается мир. Следовательно, овладение мультикультурными ценностными категориями есть одна из основ для формирования и развития цивилизации и международного правового сознания.

Для того чтобы более ясно и наглядно объяснить данную мысль, обратимся к примерам из истории Персидской державы и Российской империи. Эти две страны отличались тем, что в своих границах объединили многие народы, исповедовали религии, которые не ограничены национальными рамками. В отличие от Римского государства, Персия

управлялась не на основе прописанных законов, а на основе личной власти одного человека – шаханшаха – главы правящего рода. Стало быть, объединение проходило не на основе позитивного права, ясно прописывающем нормы, а на основе естественного права, которое для сохранения своей дееспособности нуждалось в непрерывном поддержании ясных представлений о том, что свойственно человеческой природе, а что – нет. Персидское государство более держалось не на прописанном законе, а на априорном чувстве наиболее разумной организации общественного бытия и, главное – на силе цивилизации, в лоне которой нашли своё место множество культур, величественных, строгих и сильных, уходящих своими корнями в глубокую древность шумерской цивилизации. Надо отметить то, что Междуречье – это своеобразная родина законов. Одна из многих особенностей данного региона заключалась в том, что при культурной однородности в Шумере сосуществовало множество политически самостоятельных городов. Такое условие не могло не поставить перед обществом вопрос о правовом регулировании жизнедеятельности людей, по крайней мере, в рамках конкретного города. Некоторые самые древние правовые акты городов Древнего Шумера датируются XXIII веком до н.э., а наиболее известный свод законов вавилонского царя Хаммурапи обращён именно к тем нормам, кои сложились в предшествующих правовых сборниках. Безусловно, принципы функционирования законов сохранялись в последующих государствах Междуречья, включая персидское. Тем не менее в заключительной стадии истории Древнего Ирана роль позитивного права оказалась невысокой, было более распространённым государственное право, представленное царём, а особенно были укоренены религиозные законы, зафиксированные в Авесте. Однако пример с Персией указывает не только на силу культуры в деле сохранения природы человека, но и на опасность отсутствия позитивного права, ибо всякий кризис культуры в силу падения авторитета государственной центральной власти приводит к проявлению животного хищничества и обесчеловечиванию людей.

Огромную роль в правовом развитии Персии, как и всякого иного государства на Востоке, играла, и по сей день играет, религия. Если в Европе Римское право обладает существенным влиянием в основном в силу того, что постулируется и защищается государством, то на Востоке всякий правовой закон должен иметь религиозную санкцию. Соответственно, религиозная литература Востока и вообще дохристианского мира была обращена не только на идеи иного мира, но и на правила жизни в физическом бытии. Например, ведическая литература Древней Индии оказала и продолжает оказывать существенное воздействие на всю государственность Индии. Так, в 1995 году Верховный Суд Индии, характеризуя правовое определение индуизма, назвал Веды «единственным фундаментом индусской философии», а, следовательно, правовое поведение гражданина опирается преимущественно на авторитет Вед. Правовая функциональность Корана в исламских странах прописана в конституциях. В Древней Персии Авеста являлась основным источником законов. Неудивительно, что христианство,

ориентированное на научение жизни в Боге, а не в сем мире, наиболее распространялось в Римской империи, где духовная и религиозная культура подменялась правовой культурой, неизбежно вырождавшейся в деловой этикет, оторванный от жизненных корней человеческого существа. Это не значит, что на Востоке не было делового этикета. Напротив, дипломатия персидского двора была сложной, наполненной тонкостями, незнание которых могло привести к неудаче той или иной дипломатической миссии. Конечно, греки, македонцы, жившие в своей повседневной культуре преимущественно материальными ценностями, не понимали многих явлений персидского этикета, поэтому античные источники не всегда грамотно комментируют феномены персидской культуры.

Христианству, несмотря на своё истинное величие, изначально было сложно укрепиться на Востоке, ибо там народы уже жили сложной религиозной жизнью. Причём государственная религия Персии была настолько сильной, что даже, несмотря на то, что десятки тысяч зороастрийцев были физически уничтожены мусульманами, зороастризм сохраняется и в XXI веке, хотя и без какого-либо существенного влияния. На западе же распространение и утверждение христианства проходило гораздо проще. Конечно, гонения на христиан часто принимали чудовищный, поистине сатанинский масштаб, однако они организовывались со стороны государственной власти, тех власть имущих лиц, которые не знали религиозной жизни, а, следовательно, не имели никакого онтологического значения. Средний же римлянин был человеком религиозно индифферентным, а значит, для него принятие христианства не предполагало отказа от своей веры. Слепое же подчинение императору вызывало в гражданах открытое или затаённое чувство ненависти к государственной власти, а также переживание стыда за то, что они поставлены в зависимость от неё. Правовое же поведение, предполагаемое Римским правом, нисколько не противоречило нормам христианства, более того, постулировало религиозную терпимость, соответствующую правовому полю Римского государства. На Востоке о таких явлениях не могло быть и речи. Восточное законодательство было не только родовым, но ещё и религиозно предвзятым. Несмотря на то, что зороастрийцы отличались веротерпимостью, свою религию и своих единоверцев они очень берегли, в то время как к иноверцам они относились с определённой долей безразличия. Например, зороастрийский врач отвечал своей жизнью за здоровье пациента-единоверца, но не нёс какой-либо ответственности за жизнь больного, исповедующего иную незороастрийскую религию.

Говоря о персидской державе, важно подчеркнуть её династическую неоднородность: в разные времена она управлялась Ахеменидами, Селевкидами, Аршакидами, Сасанидами. Тем не менее принципы правления от династии к династии повторялись и не претерпевали принципиально существенных изменений. Долгое время на территории Междуречья проживало множество народов, объединённых по культурным, религиозным, бытовым признакам, но всё же государства этих народов являлись

политически дробными, следующими правилам рода. Примерно в IX-VIII веках до н.э. в данном регионе появились персы, не игравшие первоначально столь существенной роли по сравнению, например, с вавилонянами, ассирийцами, эламитами. Вероятнее всего, персы пришли с южнорусских степей. Именно персам и суждено было господствовать в Междуречье до VII века нашей эры, когда их держава пала под ударами арабов-мусульман.

Путь к построению единого государства, который совершили персы, был крайне сложным и трагичным, однако во многом величественным и способствующим мирному сосуществованию народов. Конечно, этот путь изобилует кровавыми войнами, и иногда персов обвиняют в деспотичности и жестокости. Безусловно, я не оправдываю жестокость, однако, сохраняя принцип объективности, должен отметить то, что до становления персидского государства войн было гораздо больше. Здесь важно понять, что «слава, добытая в победе, позволяет избежать бесчисленного количества новых боёв... в силу простого факта, что противник признаёт жизненное превосходство победителей. Состояние непрерывной войны, в которой пребывают дикари, вызвано как раз тем, что ни одно из враждующих племён не способно создать настоящую армию и наряду с ней – авторитетную национальную общность»<sup>1</sup>. Персы как раз и создали настоящую армию, выработали чёткую иерархию административной системы и своей волей, своим авторитетом пресекли длинную череду войн.

Тем не менее нельзя объединить народы силой одного меча или царским указом – нужен более развитый механизм достижения авторитетности в глазах людей. Этот механизм представлен тем, что мы именуем культурой. Культура персов подавляла своей развитостью и глубиной иные народности. Несмотря на то, что персы выработали эффективную и практичную систему письма, персидские чиновники владели многими языками, включая древнешумерскую клинопись. Между тем освоение древнешумерской клинописи, включавшей в себя более 600 знаков, требовало немало интеллектуальных сил. Казалось бы, гораздо проще использовать древнеперсидскую клинопись, содержащую в себе всего 43 знака. Однако подобное прельщение простотой не всегда действенно, ибо в богатом языковом разнообразии в Месопотамии шумерский язык являлся базовым и международным. Хотя в XIX веке до н.э. он уже стал мёртвым, на нём шла деловая переписка вплоть до последних веков дохристианской эры, им пользовались государственные чиновники, им записывались многие религиозные тексты. Наконец, владение им просто указывало на интеллектуальную дееспособность правящей элиты, которая в состоянии освоить древний мёртвый язык.

Не менее важным фактором, определившим путь синтеза культур в центре персидского государства, стал религиозный. Как известно, наиболее распространённой религией в Древнем Иране был зороастризм. Зороастризм впитал в себя ряд культов, которые существовали до него на территории

---

<sup>1</sup> Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания // Восстание масс. М., 2002, с. 284.

Месопотамии. Возможно, этот факт предопределил гибкость, динамичность персидской культуры. Такие древние дозороастрийские культы, как культ Митры, Варуны, Анахиты, были как бы впитаны зороастризмом и подчинены центральному Богу зороастризма – Ахура-Мазде. В принципе из века в век выделялась тенденция к сохранению лишь одного культа – Ахура-Мазды, который по отношению ко всему миру и остальным богам являлся Творцом. Однако персы без особого ущерба для своей культуры легко проявляли веротерпимость, и их господство носило больше политический и военный характер, который в себе не обнаруживал стремления как к самоцели, преследующей своей задачей подавление культурной и интеллектуальной жизни покорённых народов. Так, Кир II покровительствовал возрождению древних культов в покорённых странах и велел даже восстановить разрушенные халдейскими завоевателями храмы в Вавилонии, Эламе, Иудее и т.д. Захватив Вавилонию, он принес жертвы верховному богу вавилонского пантеона Мардуку и другим местным богам, чтит их и восстанавливал их святилища. После захвата Египта персидский правитель Камбиз короновался по египетским обычаям, участвовал в религиозных церемониях в храме богини Нейт в городе Саисе, поклонялся и другим египетским богам и приносил им жертвы. Дарий I строил храмы Амону и другим египетским божествам, посвящал им богатые пожертвования. Подобным же образом в Иерусалиме персидские цари почитали Яхве, в Малой Азии – греческих богов, в других завоеванных странах – местных богов. Религиозная толерантность во многом послужила основой для формирования представлений о политической свободе. Ярким тому примером служит сборник указов Кира Великого, вошедший в историю под названием «цилиндр Кира» (VI век до н.э.). В этом сборнике законов запрещается рабство, изымание собственности силовым путём или без компенсации, притеснение людей по религиозным или национальным причинам.

Такое достаточно терпимое отношение к иным верованиям на фоне политического господства персов в действительности стало фактором, приведшим к постепенному утверждению религии центральной власти – зороастризма, – которая в начале новой эры уже избавляется от культов Митре, Варуне, Анахиты. Без сомнения, пережитки этих культов сохранялись. Известно, что Сасаниды, придя к власти, в честь богини Анахиты совершили ряд ритуалов, кстати, весьма языческих (Сасан – представитель рода, пришедшего к власти, был жрецом-магом храма Анахиты и одновременно принадлежал к царскому роду Фарса). Митраизм выделился в отдельное направление, которое будучи локальным, оказалось быстро подавленным мощью старого языческого мира и последователями новой религии – христианства. Однако сам зороастризм становится государственной религией не только в том смысле, что его исповедовали государственные чиновники, но в том смысле, что его нормы стали принимать правовой характер, и другие религии начали всячески притесняться, а их адепты лишаться прав. В III веке в Сасанидском Иране христиане, иудеи жили в постоянном ожидании гонений, всегда были готовы

к изгнанию за пределы Персии. Однако далее ситуация урегулировалась, и христиане снова стали мирно сосуществовать с зороастрийцами (кстати, жена последнего царя Сасанидской державы Йездигерда III была христианской).

Всё же думается, что после огосударствления религии вопрос падения Сасанидского Ирана стал делом времени. Надо признать, что сам Заратуштра выступал против смешения государственной и религиозной власти. Провозглашение же государственной религии на самом деле как бы обнажает и делает уязвимыми те духовные нити, которые связывают общество в единую нацию. В принципе проблема сепаратизма всегда сохранялась в Персии, которая во многих своих регионах не имела абсолютной власти, а ряд городов лишь номинально зависел от центра; после же того, как зороастрийские нормы, прописанные в Авесте, стали юридическими, а значит, общеобязательными, культурная раздробленность державы стала принимать пагубный характер. Жречество Древнего Ирана всё более и более усиливалось и всячески стремилось выдавить иные культуры из среды персидского государства. Даже когда шаханшах Йездигерд приблизил к себе христиан из Византии, то этим он навлек на себя ненависть зороастрийского жречества, после чего ему пришлось отстраниться от христианства. Такое положение дел принципиально отличает Сасанидский Иран от Ахеменидского, объединявшим в себе множество культур и религий. Тем не менее, надо признать, что при последних Сасанидах роль христиан в Персии заметно выросла и христиане в Персии уже отнюдь не являлись гонимыми людьми, хотя некоторая нетерпимость к иным религиям сохранялась. В принципе проблема здесь стоит не в религиозной нетерпимости, что вполне нормально для людей, свято верующих в истинность своей религии, а в агрессивном, жёстком навязывании собственной веры и культуры. Между тем в человеческом мировоззрении, где остаётся место видению мира, категориям, присущим лишь одной культуре, не может отличаться широтой, и если в многонациональной державе вырождается поликультурное сознание, то она распадается на множество полуполитических, полугосударственных образований, каждым из которых управляет тот или иной клан. Для Сасанидского Ирана, где власть шаханшаха была абсолютной, всякий его устный указ записывался и являлся законом; распад державы означал не переход к новой, более совершенной форме политического устройства, а возвращение к прежнему хаотичному состоянию противостояния родов. В этой системе была возможна лишь реставрация прежней модели без принципиальных изменений в ней, основы управления государством при рекомбинации политических сил всегда оставались прежними. Для такого государства политическая история становилась цикличной, в которой каждый закономерно наступающий кризис мог стать трагичным для всей державы. От такого рода кризиса нацию ничто не спасало, даже очень развитые денежные отношения не стали гарантом сохранения стабильности в стране. Между тем обращение денег в Персии было огромным. Когда в начале VIII века при халифе Омаре мусульмане собирали джизью (налог на

немусульман, прописанный в 9-й суре, 29 аяте в Коране), то за один раз получили с уже разгромленных зороастрийцев более 40 000 000 дирхем. Этот факт указывает на сильный экономический потенциал Персии, который в условиях неразвитого позитивного права не спас государство от гибели. В результате отсутствия прописанных общепринятых правовых норм, укоренённых в сознании людей, падение авторитета власти шаханшаха приводило к очередному витку противостояния, в котором высвобождаются животные родовые стихии. Неудивительно, что в середине VII века Сасанидский Иран пал, а на его месте образовался халифат.

В принципе халифат и сам был политически весьма дробным, но зато в религиозно-культурном смысле единым, и когда он начал распадаться, то на базе его провинций сложились не какие-то группировки, а настоящие государства, пусть не всегда сильные, но всё же с ясной, стабильной системой управления.

Конечно, некоторое время в исламизированном Иране функционировали отдельные прежние законы, однако жёстко навязанные нормы Корана чётко обозначили границу правового и неправового поведения. Здесь поднимается вопрос не о том, что в действительности есть правовое и неправовое поведение<sup>1</sup>, а в выработке каких-то ориентиров, по которым может жить всё мусульманское общество. В скором же времени на основе Корана был выработан шариат и более гибкий, даже в некоторой степени светский, фикх. В новом Иране теперь главной основой для объединения стал не авторитет центральной власти, а религиозный закон, который жёстко отсекал всё, что касалось иных религий, и требовал установления монорелигиозного общества. Однако при данном подходе происходит слияние государственности с религией, а нормы, прописанные в религиозных текстах, принимают силу правовых актов. Всё же к исламскому праву мы ещё вернёмся, тем более что в современном мире достаточно много стран, где конституционально закреплены нормы Корана как правовые. А сейчас обратим свой взор севернее – к просторам России.

Ситуация, сложившаяся в правовой жизни России, отличалась от той, что мы наблюдаем в Западной Европе и на Востоке. Объединение славян проходило отнюдь не на основе позитивного права. «Русская правда» Ярослава Мудрого, хотя и считается правовым документом, но всё-таки является родовой и не сумевшей стать основой для объединения русских земель. Традиционно русские земли со времён Владимира Святого оказались объединёнными на основе религии и центральной власти, представленной князем, а с середины XVI века – царём. Первый настоящий правовой документ в России появился в 1497 году при князе всея Руси Иване III. В основном же на Руси ориентировались на нормы Библии. Здесь важно учесть

---

<sup>1</sup> По Корану, согласно 33 суре, 50 аяту, женщины-немусульмане являются законной добычей мусульманской армии; согласно 9 суре, 29 аяту, люди Писания – иудеи, христиане – обязаны были приносить джизью в униженном состоянии.

то, что, во-первых, согласно археологическим данным, в домонгольский период грамотность на Руси была весьма распространена даже в сельской местности, а, во-вторых, на Руси было очень много городов, за что варяги и прозвали Русь «страной городов». К началу XIII века на Руси насчитывалось примерно 300 городов. Город же, как уже указывалось, является местом, где индивидуальное развитие человека особенно востребовано, а значит, возможность духовного роста особенно велика. Не менее важным являлось и то, что общество Древней Руси было многонациональным (полиэтничным), что указывает на то, что родовые нормы в целом были уже преодолены. Русский митрополит Илларион в своем «Слове о Законе и Благодати» (XI в.) говорит о равноправии всех православных народов, отнюдь не подчеркивая приоритета руссов. В законодательстве мы также не встретим никаких преимуществ для славян, для Руси, а «Русская правда» предусматривает определённые привилегии в сфере гражданского и процессуального права для иноземцев, исходя из принципов гостеприимства. В «Послании к князю Изяславу» говорится: «Милуй не токмо своя веры, но и чужия... аще то буде жидовин, или сарацин, или болгарин, ...или ото всех поганых – всякого помилуй и от беды избави».

Однако интересно то, что в книге, считавшейся в Киевской Руси главной, можно сказать, Царь Книгой, – в Новом Завете – мы не найдём ни одного закона, который мог бы быть взят в чистом виде в государственное право. Достаточно много законов, которые можно использовать в позитивном праве, мы находим в Коране. Мусульманские правоведы насчитывают более 80 аятов, где прописаны нормы, которые взяты в чистом виде для выработки шариата. Множество правовых норм мы можем обнаружить и в Ведах, и в Авесте. В Ветхом Завете, особенно в Исходе, Левите, Второзаконии, законов правового характера весьма много, и евреи, в определённом смысле слова, являются *народом закона*. Однако Новый Завет не содержит в себе законов, которые были бы напрямую обращены к организации жизни в этом мире. Более того, Иисус Христос зачастую противопоставляет свои идеи устоявшимся нормам Пятикнижия. Христос говорит: «Если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (От Матфея. 5 : 20).

Соответственно, возникает вопрос о путях регулирования общественной жизни на Руси в период её раздробленности, когда ни один из власть имущих князей не мог считаться абсолютным авторитетом в области законодательства, а правовые документы были ещё не разработаны.

Здесь важно подчеркнуть то, что культуры Востока, к коей в существенной мере относилась и Русь, ориентированы отнюдь не на правовые государственные акты, а на религиозные тексты. В Римской империи всё, что содействовало благу государства, рассматривалось в качестве нравственных, морально оправданных. Например, в римской армии было постыдным дезертировать с поля боя, за что полагалась смертная казнь, но осквернение женщин в захваченных городах, гомосексуальные отношения между солдатами никак не пресекались. Такие бесчеловечные и постыдные



явления не считались действиями, направленными против государства, а значит, преступления в них не видели. В современной Европе мы видим те же самые процессы. Время от времени Европейский суд по правам человека защищает права представителей сексуальных меньшинств, в ряде европейских стран некоторые наркотики, а также проституция легализованы. В мае 2008 года в Германии был открыт памятник в честь гомосексуалистов, что явно указывает на то, что государственные власти Германии не противостоят распространению этой болезни. На Востоке же отношение к выработке модели правового поведения принципиально иное. В зороастризме половые извращения рассматриваются как самые тяжёлые грехи, причём гораздо тяжелее, чем умышленное убийство праведника, и ничем не смываемые. Военные преступления имели место и в армии Сасанидского Ирана, но они порицались, и правитель, полководец стремились минимизировать возможность для их совершения. Так, в Персии рекомендовалось начинать сражение лишь тогда, когда иного пути решения проблемы не существовало. Современная ситуация в том же Иране немногим отличается от вышеописанной. Так, интимные отношения вне официального брака, супружеская измена караются смертной казнью и относятся к категории хадд, то есть они опаснее, чем умышленное убийство, относящееся к категории касас.

Русская культура, во многом относившаяся к восточной, была ориентирована не столько на правовые своды, сколько на религиозные. Разумеется, в Киевской Руси в XI-XII веках имели место правовые своды, но их применение носило ограниченный характер и нередко допускало самостоятельное решение правовой проблемы. Например, если совершалось убийство разбойника на месте его преступления, то виновность с того, кто лишил жизни разбойника, снималась автоматически. Этот правовой элемент обнаруживает в себе естественное право, которое абсорбируется позитивным. В данном случае государство фактически признаёт, что позитивное право не в силах регулировать абсолютно все стороны общественной жизни.

Единственным условием, способным воздействовать на все области общественного бытия, является культура, которая санкционирует или, наоборот, осуждает те или иные поступки. Культура, в которой постулируется любовь к своему ближнему, является наиболее развитой в том смысле слова, что в её лоне могут найти гостеприимный кров представители самых разных этносов и народов. В этом отношении ярким примером является русская культура. Так, русский мыслитель и публицист К.Н. Леонтьев для написания работы «О всемирной любви» вдохновение нашёл на кавказском театре боевых действий, где философ видел заботу и милосердие русских солдат в отношении к пленным врагам, которые отнюдь не были гуманны к русским пленным. Русские солдаты хорошо знали, как мучают их товарищей в кавказском плену, но сами не становились изуверами и убийцами, сохраняя в себе всё человеческое и божеское: милосердие и любовь к людям. Именно этой любовью был непобедим русский воин, всегда

по праву считавшийся освободителем. Вот в связи с таким духовным благородством русского народа на просторах великой Российской империи сосуществовало множество культур, некоторые из которых считались древними и почти уничтоженными. Так, в Царской России в Баку в начале XX века действовал зороастрийский храм, в то время как в соседнем Иране зороастрийцев подвергали жёстким преследованиям, а зачастую вырезали.

Широта мышления была унаследована и гражданами Советского Союза. Начиная со школьной скамьи, советские дети изучали не только свою историю, но и историю зарубежных стран, весьма хорошо знали карты мира, а правительство провозглашало идеи, связанные не только со своим народом, но и с жизнью всего человечества. Если мы обратимся к речам советских лидеров, например Л.И. Брежнева, то увидим провозглашение идей общечеловеческого характера, далеко выходящих за пределы интересов лишь одного советского народа. Это заставляло человека охватывать своим мировоззрением множество культур, мыслить, сообразуясь с интересами многих национальностей, народов. Естественно, что правовое сознание советских граждан было достаточно развитым. Уверен, что многие граждане СССР хорошо помнят такую мелкую, но наглядную деталь: пассажиры в автобусах самостоятельно оплачивали проезд и отрывали билет посредством специального приспособления. Почти никто не пытался проехать нечестным способом. Следовательно, развитие мультикультурного мышления есть важная основа для формирования международного права.

*Проблема глобализации, её  
проявление в локальных культурах*

В последние несколько десятилетий в мировой общественности достаточно часто ведутся разговоры о глобализации – понятии, которым обозначают перемены в обществе, связанные с интенсивным ростом международных связей в области политики, экономики, науки, культуры. Впервые понятие *глобализация* зафиксировано в Webster's Dictionary в 1961 году. Разумеется, процесс глобализации начался не в 1961 году, а намного раньше, с установления развитых взаимосвязей между ведущими странами. Член-корреспондент РАН, директор Института проблем международной безопасности РАН А.А. Кокошин разделяет мнение ряда учёных о том, что процесс глобализации, в форме взаимозависимости, начался ещё во второй половине XIX столетия, хотя и был прерван Октябрьской революцией в России в 1917 году<sup>1</sup>. Вполне уместно допустить мысль о том, что единственной силой, успешно противостоявшей процессу глобализации,

---

<sup>1</sup> Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2005, с. 4-5.

являлся СССР, крушение которого для многих стран во всём мире обернулось тяжёлыми и подчас катастрофическими последствиями.

В последнее десятилетие слово *глобализация* употребляют в СМИ почти еженедельно. В принципе глобализация должна способствовать развитию международного права, однако в действительности мы этого не наблюдаем. Всё более и более настойчивы и обоснованы выступления антиглобалистов, всё чаще в мире культуры и науки поднимается вопрос о национальных культурах и языках. Так, исследователь из Варшавы Янина Монкоша-Богдан обращает внимание на то, что в мире насчитывается от 6000 до 6500 тысяч языков, но только 4 % из них обслуживают 96 % населения Земли<sup>1</sup>. В связи с этим поднимается вопрос о самосознании народов, не играющих существенной геополитической роли. В результате глобализация унифицируется по североамериканскому образцу, что отнюдь не содействует развитию мышления людей, национальная культура которых стирается, а иногда предаётся забвению. Например, в ЮАР уникальная орнаментная письменность народа басуто оказалась забытой за несколько десятилетий, поскольку была вытеснена английским языком и языком сисуто, записываемым латинским шрифтом. Глобализация захлестнула народ басуто в культурно-языковом контексте, но не в научно-образовательном, что в конечном счёте привело к забвению существенных элементов национальной культуры. Охватывая научную, политическую, экономическую сферы, глобализация обращается, так сказать, лицом к лишь отдельной небольшой части общества – политиков, ведущих учёных, руководителей крупных промышленных предприятий, банков, а народная культура остаётся вне поля мирового развития цивилизации. Общность, не ведающая о письменности, тем более о науке, по существу лишается выбора и права на собственное мнение, гражданскую позицию – глобализация ставится перед ней как факт, который она обязана принять в качестве неотъемлемой части своей жизни. Чтобы эта мысль стала наиболее понятна, обратимся к такому примеру: введение в экономическое поле стран Восточной Европы денежной системы *евро*. Безусловно, экономические системы таких стран, как Франции, Германии, в какой-то мере Испании, Италии, весьма развиты и в целом по мощностям соотносимы друг с другом. Вместе с тем зададимся вопросом: как могут с такими экономически сильными, технологически развитыми странами сотрудничать на равных основаниях Польша, Венгрия, Чехия, Черногория, Словения?.. Фактически с введением этих стран в зону *евро* им было указано на их очень скромное место, находясь на котором можно лишь соглашаться с политикой, предлагаемой со стороны. Необходимо понимать то, что для сохранения настоящего суверенитета, государство должно быть развитым во всех смыслах этого слова. «Одним из важных факторов обеспечения реального суверенитета является развитие в

---

<sup>1</sup> Монкоша-Богдан Я. Языковой патриотизм в период глобализации // Мова і культура. Киев: Видавничий Дім Бураго, 2007. Вип. 9. Т. I. 5, с. 5.

стране фундаментальной науки»<sup>1</sup>. Однако, согласитесь, как может сформироваться фундаментальная наука в таких молодых странах, как Черногория или Хорватия, когда у них нет длительной собственной истории независимого существования, а значит, научных школ. Зависимость же от экономики, а следовательно, и от промышленных технологий западноевропейских стран по существу лишает данные территориально небольшие государства истинной самостоятельности даже в обозримом будущем. Например, Черногория в настоящее время живёт в основном за счёт туристического бизнеса, но при существующей системе она и через 100 лет обречена на такой путь пополнения национального бюджета. Разумеется, данный путь может быть и эффективным в обеспечении материального благополучия населения, но вместе с тем оно будет жить уже не идеями, не чувством соучастия в мировых процессах, а только собственными, местечковыми потребностями. Что же касается наиболее талантливых граждан этой страны, то им для реализации своих качеств придётся согласиться с такой перспективой, как, оставив свою Родину, уехать в университеты, конструкторские бюро других стран, стало быть, жить в чужой культуре, по чужим законам. Таким образом, введение системы *евро* в странах с развивающейся экономикой ставит своеобразный крест на их собственном научно-техническом развитии, намертво привязывает их к промышленному импорту, зарубежным технологиям. Из поколения в поколение люди приучатся к узконациональному мышлению, которое со временем может переродиться в клановое и прайдовое.

Отсутствие науки, развитой системы образования в локальной, этнической культуре приводит к слабости рефлексивного анализа, бесценный опыт народной культуры не осмысливается, не фиксируется в литературе и постепенно, как бы незаметно, исчезает. Неудивительно, что ряд исследователей считают, что одной из причин кризиса глобализации является интеллектуальный регресс нации, стремящейся возглавить процесс глобализации. Если учесть, что своеобразным показателем уровня умственного развития народа является степень развитости его философии, как наиболее сложной и многогранной компоненты культуры, то вполне уместно звучат слова П. Ганчева, который пишет: «Не на последнем месте причиной тотального кризиса глобализации является кризис философии»<sup>2</sup>.

Исчезновению локальных культур содействует и другая особенность, сопровождающая процесс глобализации, определяемая принципом «*разделяй и властвуй*». Реализацию этого принципа можно увидеть на примере стран из бывшего Варшавского договора. Так, Югославия в 1990-х годах была, не без вмешательства США, разделена на несколько государств; далее, в начале XXI века, раздробление страны продолжилось, когда от Югославии

<sup>1</sup> Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2005, 42.

<sup>2</sup> Ганчев П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // Вопросы философии. № 8, 2008. с. 165.

отделилась Черногория, а ныне ставится вопрос об отделении исконно сербской краины – Косово. Независимость эти страны получили при явной дипломатической, политической и военной поддержке США и их союзников, а, следовательно, уместно ожидать господства североамериканских принципов в этих землях. О тяжелейшем кризисе, нравственной деградации в обществе свидетельствует и сращение политики агрессивных стран с деятельностью научных организаций, считающихся весьма авторитетными. Так, выглядит аморальным получение Нобелевской премии мира Марти Ахтисаари – деятелем, который принял активное участие в расколе Сербии, по сути, поддержал албанские незаконные вооружённые формирования, занимавшимися убийствами, насилиями в отношении сербов. Конечно, у Ахтисаари есть реальные миротворческие заслуги, например, в Индонезии, но в свете последних событий в Косово объективность данного политика неоднозначна. В данном случае мировое научное сообщество превращается в некое средство оплаты услуг в интересах ведущих военных держав, независимо от того, с чем эти услуги были связаны: будь это спасение людей или же их унижение, духовное и физическое уничтожение – главное, чтобы всё это согласовывалось с планами стран НАТО. Подобное вырождение содержания этики учёного указывает не просто на нравственные проблемы общества, но и на то, что они охватили такую столь важную, авторитетную область человеческого бытия, как наука.

Как это ни парадоксально, но стимулирование сепаратистско-криминальных тенденций поставлено на службу глобализации, поскольку новообразованные небольшие государства не имеют своей сильной образовательной, экономической базы, в их среде не употребляется ни один из международных языков, а посему они обречены на быстрое поглощение культурой, задающей характер всему процессу глобализации. В действительности же, молодые страны, подчас полулегальным способом получившие суверенитет, в итоге могут оказаться зависимыми от внешней экономической помощи; а отсутствие в них развитой индустриальной базы, обеспечивающей население рабочими местами, господство локальных интересов, безразличие к общечеловеческим проблемам предрасположит значительную часть населения данных регионов к международной преступности, основанной на интересах отдельных кланов, или прайдов.

Самый яркий пример последствий господства прайдового права в стране мы видим на примере Грузии, когда режим Саакашвили, прямо поддерживаемый США, организовал геноцид против народа Южной Осетии. При этом выплеснулась страшная клановая ненависть одного народа к другому, в результате чего сотни людей загонялись в сараи и заживо сжигались, женщины и дети целенаправленно давились танками, расстреливались в упор, поселения поглощались огнём РСЗО, православные храмы, простоявшие по 600-800 лет, уничтожались вместе с приходами. В последнем случае мы видим не только ненависть к другому этносу (в данном случае – к осетинам), но и прямое страшное нарушение своей православной веры, святотатство над теми святынями, которые должны объединять народы

и почитаться как грузинами, так и осетинами. На примере данного южноосетинского конфликта мы видим не только аморальность самой государственной власти, которая санкционировала этнические чистки, но и крайнюю жестокость тех грузинских военных, которые исполняли преступные приказы. С точки зрения прайдового права, такое поведение обосновано, целесообразно, поскольку утверждает интересы одного этноса (в данном случае – грузин). Однако в дилемме между Богом и бесом люди в стране, где утверждается государственной властью прайдовое право, уподобляются Зверю. Этот Зверь убивает всех, кто не согласен с его установками, уничтожает то, что ему онтологически ненавистно, например, православные храмы.

Не менее опасным явлением представляется то, что ряд молодых, часто ещё не признанных международным сообществом, государств получают независимость на основе преступности и национального унижения других людей. Между тем, исторический опыт свидетельствует о том, что многие народы после унижения в области геополитики оказываются уязвимыми к нравственному растлению, после чего вырождаются и прекращают существовать. Гитлер это прекрасно понимал, поэтому его приказы в 1945 году: бороться до последнего солдата – предполагали стремление не столько к победе, сколько к самоуничтожению той нации, которая обречена на поражение и унижение. Последствия же унижения будут сказываться на протяжении всей жизни граждан страны, подмывая нравственные основы её культуры, национальное достоинство, приводя, в конечном счёте, к сужению общего кругозора нации, к её духовной деградации. «Увлечение культурными ценностями в послевоенной Германии... несёт в себе нечто от «опасного и двусмысленного» самоутешения немцев, от их стремления укрыться в своём «провинциализме» от реальных процессов истории, которые... давно уже покончили с культурой, превратившейся в пустой анахронизм или реакционный пережиток»<sup>1</sup>. Разумеется, вырождение духа фашизма есть по сути изгнание из нации бесовского духа, но надо понимать, что когда бес уходит и его место остаётся незанятым, то он возвращается туда, откуда был изгнан, при этом приводя с собой других бесов, являясь ещё более опасным.

В современном мире мы оказались свидетелями унижения национального достоинства сербов, лишение их прав на свои исконные земли, на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. При этом отдельные сербские территории нередко отдаются фактически криминализированным группировкам.

Мне не хочется, чтобы меня обвинили в «двойных стандартах»: дескать, стремление к независимости осетин и абхазов я защищаю, а касательно албанцев в Косово – нет. Это неправда. Во-первых, осетины и абхазы не совершали преступлений, которые устраивали косовары. Например, в Косово создавались концентрационные лагеря, где массово

---

<sup>1</sup> Давыдов Ю.Н. Любовь и свобода: избранные сочинения. М., 2008, с. 114

сжигали, убивали сербов. Во-вторых, осетины жили на территории Южной Осетии с середины бронзового века, а албанцы пришли на исконно сербские земли Косово по доброй воле и человеколюбию сербов, желавших помочь им в трудное для славян время господства Османской империи. В-третьих, Абхазия и Южная Осетия с середины 1990-х годов жили фактически как самостоятельные государства, в то время как администрация Косово полностью зависела от США, которые за несколько лет спровоцировали косоваров к сепаратизму. Поэтому глобализация в действительности санкционирует сепаратизм отдельных кланов, если те разделяют политику страны, которая определяет характер глобализации. При этом не допускается право на самоопределение для тех народов, которые стремятся к независимости, но не подчиняются общим правилам глобализации.

Однако отметим то, что для большинства людей глобализация проходит незаметно. Рядовой гражданин той или иной страны пользуется продукцией, произведённой в самых разных точках планеты, но при этом он почти ничего не знает, да порой и не желает знать, об иных культурах. Довольно часто лидером глобализации называют США. Действительно, США провозглашают идеи мирового, глобального масштаба, однако при этом в данной стране очевидна диспропорция между общим кругозором людей и теми задачами, которые перед ними ставятся государством, например, многие граждане США путают Австрию с Австралией, Швецию со Швейцарией и т.п. Такое несоответствие в отношении государственных задач и культурно-интеллектуального развития отдельно взятых людей чревато негативными последствиями, что весьма опасно. Опасно в первую очередь тем, что в ментальности народов, принимающих помощь, провоцируется развитие потребительского, нередко даже хищнического, отношения к иным народам, прежде всего к стране-поставщику тех или иных благ. Индивид охотно приобретает и использует продукцию какой-либо страны, но, мало что зная о ней, приходит к убеждению, что народу страны-поставщика вменяется в обязанность обеспечивать его такой высококачественной продукцией. Поэтому-то правительство должно заботиться не только об инвестициях в иные страны, но ему не следует упускать из виду развитие собственной культуры в среде других народов. В противном случае, нация, которой оказывается та или иная поддержка, будет видеть в своём благодетеле лишь некое безликое существо, выполняющего функцию поставщика, источника благоденствия. Именно так произошло в случае с СССР, который оказал огромную помощь африканским странам, защитил их независимость от экспансии некоторых агрессивно настроенных стран, например ЮАР, но не позаботился о популяризации русской культуры в данном регионе. Вполне закономерным итогом стало то, что к России стали относиться довольно-таки потребительски, зная о ней в основном то, что эта огромная страна в силах осуществлять большие поставки на льготных условиях. Вместе с тем важно понимать, что не всякий народ способен усвоить чужую культуру. Во-первых, в ряде стран по-прежнему уровень грамотности населения крайне низок, во-вторых,

индивиду, привыкшему жить лишь культурой своего рода, нелегко воспринять культуру, проповедующую не узконациональные, а общечеловеческие идеи, обращённые не только к интересам отдельного этноса, но и к мировым проблемам.

Продолжая рассматривать проблему глобализации, следует учесть, что в конечном итоге глобализация выдвигает целый ряд жёстких требований к человеку, связанных с усвоением культурных традиций многих народов. На фоне же унификации народов, предполагающей господство одной модели общественного развития, глобализация способна спровоцировать ряд конфликтов, вызванных нежеланием локальных культур терять свою самобытность и приспособляться к принципам, подчас столь далеким от совершенства. Даже если в рамках глобализации и предлагаются правильные, полезные идеи, то она не должна быть унижающими для историческое прошлое людей, которые их принимают. В этом отношении справедливо суждение А.В. Беличенко о том, что мир более заинтересован в целесообразном устройстве, нежели в истине<sup>1</sup>. Такая целесообразность нередко противоречит культурной жизни человека в естественной природе и духовной области его бытия. «Общественный порядок должен быть не только целесообразным – в смысле наилучшего удовлетворения земных нужд человека, – но и праведным...»<sup>2</sup>, – пишет С.Л. Франк. Не всегда экономический рост приветствуется обществом, более того, последнее может ниспровергнуть власть, если та обеспечивает материальное благополучие в ущерб культурным ценностям. Такое явление имело место в Иране в 1979 году. Однако Иран – это региональная держава с богатым культурно-историческим прошлым, препятствующим распаду страны. Гораздо тяжелее могут проходить конфликты в странах со слабо развитой государственностью. Не секрет, что экономическое развитие стран Африки «оплачивается» крайне высокой степенью криминализации городского населения, массовой безнравственностью, растлением, особенно молодёжи и, как следствие этого, обострённой проблемой СПИДа, наркоторговлей и этническими чистками. Те люди, которые ещё десятилетие назад жили в своих сёлах сообразно устоявшимся культурным правилам, нормам, оказываясь в городе, подчас быстро криминализируются. Совершенное незнание правовых актов, иногда из-за элементарной безграмотности, на фоне забвения традиций, обычаев – всего, в чём фиксируется чувство справедливого, то есть естественное право, – приводит к вырождению человеческой природы. Отсутствие собственной родовой культуры, жизненных ориентиров способствует дезорганизации мировоззрения человека, и он, не зная, по каким правилам жить, забывает традиции предков и с такими же людьми, как он сам, то есть вырванными из своей родовой культуры, организует криминальные кланы, или прайды. Последние являют

<sup>1</sup> Беличенко А.В. Язык как хозяйство. К «политэкономии» языка: девственные знают больше // Мова і культура. Киев: Видавничий Дім Бураго, 2007. Вип. 9. Т. I., с. 33.

<sup>2</sup> Франк С.Л. С нами Бог. М., 2003, с. 384.



собой страшную опасность, особенно если их представители занимают руководящие должности в государственном аппарате. Утверждение такой локальной прайдовой системы есть в сущности бунт не только против глобализации, но и против культуры собственного народа, поскольку ограничивает её концептами, нормами и интересами только одного правящего прайда. В конечном итоге, прайдовое сознание становится доминирующим, охватывающим большинство населения и служит основой для формирования и укоренения в повседневности так называемой *трущобной культуры*.

Об интенсивном развитии последней свидетельствует широкое движение растафари в Карибском регионе и в Эфиопии, распространённость в Латинской Америке танцев в стиле *самба* (слово «самба» происходит от слова «семба», на африканском диалекте банту известном как кимбундо, завезенном в Бразилию рабами из Анголы; «семба» означает «пупок», который символизирует интимность танца), а также и танго. В последнем, на первый взгляд, вроде бы ничего предосудительного и нет, однако этот танец, имеющий африканские корни, в Европе долгое время считался танцем для домов терпимости и тех увеселительных заведений, где люди не отличались высокой моралью<sup>1</sup>. Разумеется, этот танец претерпел определённые изменения в сторону окультуривания, поэтому ныне есть возможность его исполнять достойно и красиво. Однако нельзя забывать и о его происхождении, его изначальном назначении, поскольку всегда сохраняется возможность под маской передового мышления внести в танго старые языческие элементы откровенно эротического характера.

В последнее время сущим бедствием стало доминирование стиля *рэп* на музыкальных каналах большинства стран, в том числе и России. Собственно говоря, музыка в стиле рэп особенно серьёзной угрозы для жизни общества не представляла бы, если бы она не вытесняла музыку иных направлений и стилей. Однако часто ли ныне на российских музыкальных каналах ставится классическая музыка, то есть та музыка, которая признана мировым культурным сообществом в качестве способствующей духовному росту людей, или народная музыка, пробуждающая в человеке духовно чистые образы, чувство ответственности за своего ближнего? Такой музыки на радио и телевизионных музыкальных каналах почти нет. Безусловно, у человека есть выбор, поскольку существует многоканальная система, но в данном случае можно узреть определённую двойственность, лицемерие этого выбора, ибо музыка, пропагандирующая пошлость и жестокость, *перед юридическим законом* ставится на один уровень с классической музыкой или национальной. Бесспорно, последняя требует от человека усилий относительно собственного развития. В данном случае справедливо звучат слова афонского монаха архимандрита Эмилиана: «Весь мир охотится за богатством и почестями без устали... Не устаёт искать греха. Но сразу же

---

<sup>1</sup> Губарева М. Танго: бесконечная возможность // Вокруг света. 2007, № 7 (2802), с. 138.

выбивается из сил, встав на путь к Богу»<sup>1</sup>. Вот это положение и следует брать во внимание: большинство людей выбирают самый лёгкий путь своей жизни – бездуховный, поскольку «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно»<sup>2</sup>. Между тем такое «право на бесчестье» часто подспудно, неофициально предоставляется современной индустрией развлечений, в которой доминирует «музыка трущоб», где часто постулируются внебрачные интимные отношения, где много жаргонной, двусмысленной и пошлой терминологии. Безусловно, связь между навязыванием девиантных форм поведения и рэп-музыкой теоретически неоднозначна, более того, есть примеры и вполне морально допустимой, качественной музыки стиля рэп, но всё-таки, если мы посетим те районы, где люди не отличаются развитым правовым и нравственным сознанием, то как раз услышим музыку данного направления. Подобный подбор музыкальных треков приводит к массовому растлению населения, к вырождению как общечеловеческих нравственных норм, так и собственной национальной культуры. Если учесть то, что музыка стиля рэп зародилась в трущобах, где нравственный уровень большинства людей крайне низок, то не стоит удивляться результатам исследования Брайана Примака (Питтсбургский университет, США), который, как сообщает газета «El Mundo» (с испанского *mundo – мир*) пришёл к выводу, что, «если дети предпочитают популярные песни в стиле рок, рэп или кантри, у них много шансов услышать прямое упоминание случаев злоупотребления такими субстанциями, как наркотики и алкоголь»<sup>3</sup>. Газета пишет: «...Как показали первые результаты проведенного Примаком исследования, которое будет полностью опубликовано в феврале 2008 года, из 279 наиболее знаменитых в 2005 году песен (по рейтингу Billboard) – в 93 (33,3%) говорится об употреблении этих субстанций. Музыкальным жанром, лидирующим по количеству прямых упоминаний алкоголя и наркотиков (77%), является рэп. За ним следуют кантри (37%), R&B и хип-хоп (20%), рок (14%) и поп-музыка (9%)... Что касается мотивов, заставляющих героев песен принимать эти субстанции, среди них преобладает социальное давление (48% случаев), секс (30%), также их употребление связывается с праздничной обстановкой (54%)...». В России всё чаще и чаще можно услышать песни в стиле рэп, в которых употребляется нецензурная брань. Разумеется, популярная музыка является частью процесса глобализации, однако такая часть объединяет людей не по принципу взаимного уважения, а по принципу аморальности и потребительского отношения к окружающим. Фактически искусственно складываются предпосылки к разобщению людей на прайды, каждый из которых мог бы контролировать ту или иную территорию в городе, селе или ещё где-либо. Основным фактором, объединяющим членов прайда в единый

<sup>1</sup> Архимандрит Эмилиан. Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2002, с. 43-44.

<sup>2</sup> Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т., т. 8. М., 1982, с. 374.

<sup>3</sup> El Mundo, 15 abril, 2008.

организм, является общая вовлечённость в преступную деятельность или просто в аморальное поведение.

Вышеописанные явления подрывают духовность народов и, следовательно, такое нравственное качество, как патриотизм – одно из важнейших человеческих качеств. В данном случае вспоминается некрасовская поэтическая строка: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». В этих словах фактически указывается на то, что человек обязан быть человеком. Отсутствие чувства патриотизма свидетельствует о разложении самого человеческого существа, его духовного ядра, об озлобленности на мир и неверии в добро. Страны-лидеры глобализации, прежде всего США, как раз и заинтересованы в вырождении человеческого начала в людях, представляющих иные народы, дабы, уничтожив в них чувство собственного достоинства, внести в образовавшийся духовный вакуум качества рабов, слепо поклоняющихся «золотому тельцу» в виде статуи Свободы в Нью-Йорке<sup>1</sup>. Даже такое важнейшее государственно-правовое понятие, как суверенитет, постепенно отмирает, становится архаизмом. А.А. Кокошин справедливо пишет, что США и «ряд других её западных союзников продолжают предпринимать шаги, направленные на то, чтобы использовать процесс глобализации для ограничения реального суверенитета многих других государств»<sup>2</sup>.

Таким образом, становится очевидным то, что в действительности процессы глобализации, как правило, не способствуют интеграции культур, а чаще наоборот – вносят раскол внутри культур, делят их по клановому принципу, согласно которому под формально-криминальным управлением прайда находится то или иное государственное объединение. Последнее в данном случае не может преследовать решение общечеловеческих задач, более того, в нём нет стремления достичь раскрытия априорного знания человека, утвердить его нравственные качества. П. Ганчев точно характеризует некоторые явления, сопутствующие глобализации: «Мафия, организованная преступность, криминальная преступность в нарастающих масштабах и интенсивных темпах заливают всё общество, чтобы криминализировать до четверти населения некоторых стран. Этот новый «глобальный, но подземный мир»... иногда сращивается с государственными и экономическими структурами»<sup>3</sup>. Человек при таких обстоятельствах

<sup>1</sup> Разумеется, я не против той мысли, которую выражает данная статуя по своей изначальной идее, не против самого американского общества, которое достигло определённых успехов не только в экономическом, но и в гуманитарном отношении. Однако сейчас статуя Свободы более символизирует не столько свободу как таковую, сколько прагматизм, чрезмерное богатство, а также могущество США, правительство которых для решения своих задач подчас не гнушается обращаться к агрессии и использованию неправительственных организаций для международного терроризма (например, действия контра в Никарагуа).

<sup>2</sup> Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2005, с. 21-22.

<sup>3</sup> Ганчев П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // Вопросы философии. № 8, 2008, с. 165.

рассматривается лишь как средство для получения прибыли, используемой в интересах правящего прайда. Власти же в целях получения финансовых средств могут допустить и наркоторговлю, и проституцию, и работоторговлю, и нелегальную продажу оружия. При этом международное право теряет свою силу и самостоятельность, становится относительной, условной категорией.

В связи с такой сложившейся ситуацией возникает острая потребность в механизмах развития здорового правового и нравственного сознания людей, что естественным образом поможет заблокировать проявление животных, прайдовых тенденций. Здесь очень важно определить не только национальную политику конкретного государства, но и пути содействующие наиболее полному развитию сознания общества. Следует учитывать, что даже при самой оптимальной национальной политике в обществе, где люди руководствуются, действуют сообразно не общечеловеческим и даже не общегосударственным идеям, всегда будет господствовать мировоззрение, которое, в лучшем случае, можно назвать «местечковым». Соответственно, государству с имперским, то есть многонациональным устройством, жизненно важно постулировать решение общечеловеческих задач, имеющих нравственных характер. Если же нация замыкается на себе самой, то кризис и регресс неизбежны. Суть такого кризиса великолепно выражена в фильме режиссера Энтони Мэнна «Падение Римской империи» (США, 1964 г.). В киноленте показано, что когда римский Сенат попытался из римского гражданства сделать своего рода привилегию, отвергнуть от себя пограничные народы, то этим он обрёл Рим на гибель, а людей, живших на окраинах империи, – на убийства. Между тем нация может развиваться только в том случае, если заботится о судьбах иных народов. Совершенно верно замечает В.С. Соловьёв: «Спасаящийся спасётся. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет»<sup>1</sup>. Поэтому так важно бороться за счастье не только своего народа, но и за счастье, процветание всего человечества. Такая установка способна обратить человека к усвоению концептов самых разных культур, что в итоге послужит значимой предпосылкой к складыванию мультикультурного мировоззрения.

Не менее значимым аспектом развития мультикультурного сознания является язык. Если обратиться к истории языковой культуры России, то здесь надо подчеркнуть следующее: нелёгкий, довольно долгий процесс укоренения в сознании нации правил русского литературного языка позволит человеку не только оставаться человеком, раскрыть в своей природе априорное содержание, но и овладеть таким понятийным аппаратом, который однозначно понимался бы максимально большим количеством людей. Процесс освоения человеком литературного языка необходимо начинать с раннего детства, с момента его рождения, следует уделять этому вопросу немалое внимание и в период школьного и последующего образования. Подчеркну, что необходимо строго пресекать употребление в речи жаргонной, сленговой терминологии. Такая терминология является по

---

<sup>1</sup> Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т., Т. 2. М., 1988, с. 556.

существованию клановой, или прайдовой, поскольку однозначно трактуется лишь в узком кругу людей. Нельзя не отметить то, что освоение литературного языка поспособствует обеспечению фундаментальной базы для развития мышления человека. В бытовом языке, тем более в условиях распространения жаргонной терминологии, трудно, подчас невозможно найти основу для развития системы понятий. Литературный же язык с его обширным словарным запасом, тонким смысловым чувством обеспечивает возможность для духовного и интеллектуального роста человека. Более того, рост авторитета нации и, следовательно, её возможностей в решении общечеловеческих задач, имеет реальные перспективы осуществления лишь в условиях употребления ею грамотной литературной речи. Русская литературная речь – этот язык, изучаемый во всём мире на основе трудов классиков русской литературы, в коей фиксируется как разговорный, так и письменный язык. Сленг же, захлестнувший русскую речь, разрушает интеллектуальную и духовную базу не только русской культуры, но и славянской цивилизации, которой будет гораздо сложнее интегрироваться в единую систему. Если С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» ещё выделяет православную цивилизацию<sup>1</sup>, то в условиях распространения культурного кризиса в России существует прямая угроза её распада.

Таким образом, во избежание распада общества на прайды необходимо прямое государственное вмешательство в жизнь массовой культуры, выработка механизмов для непосредственного воздействия на её продукцию. Большое внимание нужно уделять: во-первых, сохранению и развитию собственного литературного языка; на общенациональном уровне жёстко пресекать распространение сленговой, пошло-двусмысленной терминологии. Ныне основной источник непристойной терминологии в СМИ – это ряд музыкальных клипов, тексты некоторых песен, речи ряда нравственно деградированных представителей шоу-бизнеса и, как это ни странно, выступления отдельных политиков. Между тем вопрос грамотности нации должен рассматриваться в качестве одного из самых приоритетных. Во-вторых, необходимо резко ограничить проникновение элементов «трусобной культуры» в СМИ, например, музыки в стиле рэп. В-третьих, правительству, а, следовательно, всему народу, помимо решения собственных национальных задач, следует ставить перед собой общечеловеческие задачи, решение которых было бы связано с представлениями о справедливости, чести и достоинстве человека.

Безусловно, проблема прайдового сознания очевидна не только за рубежом, но и в России, что проявляется в общекультурном регрессе нации, охватывающем как правовую, так и духовно-нравственную стороны человеческого бытия. Время от времени небольшая часть националистически настроенной российской молодёжи обвиняет те или иные этнические группы в каких-то своих неурядицах, видят источник бед в национальных общинах.

---

<sup>1</sup> Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003, 56.

Они предлагают их выселить из страны, но при этом нередко многие из них не в силах избавиться от алкогольной и наркотической зависимости. Некоторые причины такого кризиса лежат к постулированию узости мышления индивида, то есть навязывании идеи личной жизни, что в сущности есть миф, навязывание идеи индивидуального предпринимательства и, в конечном итоге, незамысловатой идеи – «живи собственными интересами». Подобные подходы к выработке жизненных приоритетов сильно вредят развитию мышления человека, поскольку интересы одного индивида всегда более ограничены по сравнению с общегосударственными и, тем паче, общечеловеческими задачами. В итоге развивается мышление, которое уместно назвать *местечковым*. Именно такое местечковое мышление является одной из предпосылок к формированию прайдового права.

Локальность, узконациональность мышления особенно очевидна в среде африканских и азиатских эмигрантов в страны Европы. «Для людей, воспитанных в замкнутых эмигрантских общинах, первое место в иерархии идентичностей и лояльностей часто занимают семья, клан, диаспора, в общем – этническая и религиозная принадлежность, и только потом – нормы и закон страны, которая их приняла»<sup>1</sup>. В результате уже сейчас во Франции, Италии, Германии и других европейских странах случаются конфликты между властями и выходцами из африканских и азиатских стран. Например, в Италии время от времени происходят столкновения полиции с китайцами, живущими своей общиной и защищающих от полиции своих соотечественников, даже если последние явно нарушают законы данной страны. Существенные противоречия сложились во Франции между светским французским обществом и мусульманами, принявшими французское подданство. Большинство выходцев из исламских стран требуют для себя социального и материального обеспечения, при этом подчас не соблюдая местного законодательства. В принципе исламское право, прежде всего шариат, не признаёт право немусульманских государств на суверенитет, так что европейские мусульмане мыслят в рамках своей религии, которой фанатично преданы. Неудивительно, что «среди ультимативных требований исламистов центральным стало подчинение европейских мусульман не местному законодательству, а исключительно предписаниям шариата»<sup>2</sup>. Такое узкоконфессиональное или узкоэтническое мышление весьма опасно, поскольку подрывает общие принципы мультикультурной цивилизации, формировавшейся столетиями и оплаченной человеческой кровью в религиозных войнах Средних веков и Нового времени. По существу в Европе уже есть предпосылки к формированию прайдового сознания и прайдового права. Причём проблема состоит далеко

---

<sup>1</sup> Кравченко И. Доктрина С. Хантингтона: гипотеза или жестокий аларм-прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 12, с. 108.

<sup>2</sup> Западная Европа и исламизм: противостояние усиливается // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 2, с. 99.

не только в эмигрантах: если бы европейская культура, в первую очередь религиозная, была бы в нынешнее время сильна, если бы правила благочестия свято соблюдались хотя бы большинством европейцев, то вживание в европейскую цивилизацию выходцев из африканских и азиатских культур проходило бы менее болезненно. Не последнюю роль играет и общий образовательный минимум, предполагаемый для своих граждан тем или иным государством. В данном случае речь идёт о том, что слабое знание мира, в котором человек живёт, сильно сужает его мышление, ограничивает его интересы вопросами, важными лишь для него и его семьи, в лучшем случае – своего государства.

### *Честь как категория права и основа его соблюдения*

Как было показано выше, прайдовое право более всего ориентировано на интересы какой-либо локальной группы людей, объединённых узкими, чаще всего, семейными интересами. Такой группой обычно является род. По сути родовые, клановые интересы доминировали на протяжении всей истории человечества, и всякая цивилизация в период своего становления оказывалась перед необходимостью разрушать старые родовые стереотипы. Если обратиться к истории любого государства, то нетрудно заметить, что основополагающим событием в становлении, последующем оформлении того или иного государства является объединение нескольких родов под властью одного человека, сумевшего, как правило, лишь частично преодолеть интересы собственной семьи и определить государственные приоритеты. Задача же их приемников в основном сводилась к закреплению и укреплению центральной власти. Последующее развитие государства было сопряжено с выработкой форм международного сосуществования под властью единого центра. Здесь необходимо отметить тот факт, что именно такие мультикультурные цивилизации сформировали развитые философские концепции, очень сложную систему религиозных учений, способных задать характер повседневной культуре общества, а культурные памятники этих цивилизаций по сей день являются сокровищницей всего человечества. Понятие *преданности* своему правителю, своему народу, своему супругу или супруге, *самопожертвования* ради своего ближнего были особенно развиты в мультикультурных цивилизациях. Именно в данной среде мы наблюдаем наиболее полное оформление человеческой природы, приходим в тесное соприкосновение с такими её неотъемлемыми качествами, как стыд, целомудрие, благородство, религиозное благоговение, социальная ответственность, самопожертвование. Во всех великих культурах постулировались вечные неизменные ценности, предлагались такие идеалы, вокруг которых может объединиться общество и на основании которых культура и цивилизация способны функционировать. Особое внимание отводилось идеям, непосредственно связанным с вышеперечисленными

духовно-нравственными качествами, которые по существу призваны противостоять животной природе и способствовать развитию в людях человеческого начала. Как-то в одном из своих выступлений православный деятель А. Кураев верно подметил, что людям, прежде чем обоживаться, надобно очеловечиться. Так вот, истинная культура и есть среда очеловечивания людей. Рассмотрим подробнее вышеотмеченные качества природы человека.

Понятие *стыда* уже не раз обращало на себя внимание мыслителей. Так, В.С. Соловьёв чувство стыда связывал, прежде всего, с переживанием собственной телесной природы, хотя, безусловно, чувство стыда может проявляться и в отношении переживания своих поступков, помыслов. В.С. Соловьёв отмечает то, что данное чувство способствует выработке у индивида основ нравственности, помогает выявить его возможности в преодолении животной природы и воспринимать себя и другого человека как творение Божие, наделённое индивидуальностью. Стыд являет собой своеобразную первооснову для развития представлений о своей индивидуальности и о собственном достоинстве. Вне чувства стыда нет и человека – есть только животное, или особь, имеющая отношение к человеческому облику лишь по внешнему анатомическому сходству. Отсутствие стыда обезличивает индивида и лишает его возможности осмысления своей индивидуальности. Без проявления чувства стыда ни о каком развитии правосознания, нравственного сознания, тем более мультикультурного сознания, не может быть и речи. Всякое начинание между культурами способно стать продуктивным, конструктивным только при условии, если в основе межкультурных связей лежит взаимоуважение и взаимопонимание, умение и желание брать во внимание интересы другой стороны. Если же в какой-то культуре доминирует стремление во что бы то ни стало, любыми путями, получить собственную выгоду, то в этом случае в её среде превалируют бесцеремонность, цинизм и в конечном итоге она обречена на гибель и поглощение иной культурой. Так, профессор Б. Льюис (США) отметил, что не позже конца нынешнего столетия Европа станет исламской<sup>1</sup>. Такое будущее весьма вероятно и вполне закономерно, ибо нации, где легализована проституция, где процветает порноиндустрия, не могут восприниматься как полноценные сообщества людей. В середине XX века, когда понятия *благочестия*, *стыдливости* в Европе имели большое значение, проблема агрессивного исламизма не являлась острой; теперь же, когда человеческая дегенерация, растление душ становятся массовым явлением, мусульмане, постулирующие принципы крайней строгости в частной жизни, чувствуют за собой правоту и становятся более агрессивными и бескомпромиссными. «Среди ультимативных требований исламистов центральным стало подчинение европейских мусульман не

---

<sup>1</sup> Западная Европа и исламизм: противостояние усиливается // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 2, с. 94.



местному законодательству, а исключительно предписаниям шариата»<sup>1</sup>. В принципе было бы странно, если бы происходило иначе, ибо культуре противостоять может только культура. Неотъемлемой же частью культуры является постулирование чувства стыдливости.

Другим естественным атрибутом человеческого существа является *целомудрие*. Это душевно-телесное качество по сути является человекообразующим и тесно связано с чувством стыда. Этимологически понятие *целомудрие* происходит от греческого слова, переводимого в значении *благоразумие*<sup>2</sup>. В православном нравственном богословии это понятие определяется как идеальная аксиологическая норма природного состояния человека<sup>3</sup>. Формально состояние целомудрия имеет более всего отношение к частной жизни человека, но не к государственной. Однако это не так. Достаточно обратиться к пониманию цели государственного бытия, являющегося по сути единственной прогрессивной формой общественной жизни, в которой возможно сосуществование многих культур. В учениях же русских философов цель государства трактуется в качестве создания таких условий, при которых вероятность духовного спасения людей была бы наиболее высокой. Например, И.А. Ильин пишет: «*Достойная и творческая жизнь человеческого духа остаётся высшею целью политики, а положительное право и государственная организация являются средством*»<sup>4</sup>. Соответственно, в истинном государстве надобно создавать такую среду, в которой духовная чистота людей соборно оберегалась бы и такие человеческие качества, как стыд, целомудрие, благородство, наиболее бы полно раскрывались. Однако, чтобы данная цель была достигнута, необходимо соответствующее законодательство, которое постулировалось бы и гарантировалось бы властью имущими людьми, для которых отстаивание таких государственных ценностей граничило бы с защитой собственных принципов и убеждений. Иначе говоря, законодатель и исполнитель закона сам должен быть человеком духовно чистым как в деловой, так и в частной жизни. Думаю, что если гражданин в своей частной жизни совершал поступки, противоречащие благочестивой жизни, то его законодательно следует оградить от занятия постов в государственном аппарате.

Развитость в гражданах чувства целомудренного и стыдливости является основой для становления и развития любого государства. Во-первых, среди духовно чистых, нравственных людей вероятность агрессивного поведения крайне низка, но в атмосфере царящего внеморального, порочного, такое негативное явление – часть обыденной повседневной жизни, а поэтому криминализация социума закономерна. Во-вторых, для достижения высокого демографического роста в стране нет

<sup>1</sup> Там же, с. 99.

<sup>2</sup> Краткий этимологический словарь. М.: «Просвещение», 1971, с. 484.

<sup>3</sup> Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994, с. 185.

<sup>4</sup> Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. М., 1993. Т. 4, с. 238.

ничего лучшего, чем жизнь в целомудрии. Чтобы показать правильность этой мысли, можно обратиться, например, к ситуации в Иране, где внебрачные половые отношения рассматриваются как преступление категории хадд, то есть самые тяжкие, тяжелее, чем категория кисас, в которую включено умышленное убийство. Соответственно, за блуд или прелюбодеяния полагается смертная казнь. Не менее важным аспектом повседневной жизни иранцев является то, что на улице мужчина не имеет права дотронуться до девушки или женщины. Так, весной 2008 года в Кемране были убиты жених и невеста за то, что в многолюдном парке шли обнявшись. Верховный Суд Ирана оправдал их убийц, так как поведение жертв судом определено как аморальное. При таких обстоятельствах вполне естественным выглядит то, что в Иране, где явно преобладают моногамные браки, в 1972 году население составляло чуть больше 30 000 000 человек, в 1988 году – 52 000 000 человек, в 1993 году – 60 768 000 человек, в 2002 году – 66 129 000, а в 2007 году – 70 000 000 человек. В городах средний возраст выхода девушки замуж составляет 26-28 лет. Сейчас в Иране более трети населения не достигло 30 лет. Это положение дел закономерно, ибо для достижения высокого демографического роста в стране нет ничего лучшего, чем жизнь в целомудрии. Не следует думать, что в Иране процветает безграмотность. На 2007 год 79 % населения умеют читать и писать, в университетах страны обучаются множество студентов, среди которых значительная часть представлена девушками. В Иране минимальное количество аборт и случаев суицида. Например, если в России на 100 000 человек приходится 34-39 самоубийств, то в Иране – 0.2. Эти данные наглядно подтверждают тот факт, что нация, живущая в благочестии, руководствующаяся строгими моральными принципами, характеризуется жизнеспособностью, своим жизненным благополучием.

Что же касается аморальных поступков, то они не просто аморальны сами по себе, они саморазрушительны. Почему мы должны удивляться самоубийству, например, той или иной модели из сферы шоу-бизнеса, если она в угоду характера своей работы позволила в отношении себя бесчестие?! Разумеется, её жизнь постоянно будут сопровождать депрессии, нервозы. Абрахам Маслоу очень точно связал понятие *невроза* с понятием *недочеловечности*. По существу он их использовал как взаимозаменяющие<sup>1</sup>. Самому же понятию *невроза* он давал следующее определение: «Это ощущение неполноты вочеловечности, чувство ущерба, невозможности исполнения своего – человеческого – предназначения»<sup>2</sup>. Поэтому только в состоянии духовной чистоты мы можем сберечь человеческую природу, а поэтому избежать неврозов и стать жизнеспособной нацией.

В связи с вопросом о связи выживаемости нации и личного благочестия граждан хотелось бы обратиться к опыту жизни советских людей. Очень показательный случай произошёл в ходе Второй Мировой войны, когда

<sup>1</sup> Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999, с 43.

<sup>2</sup> Там же, с 44.

советская молодёжь угонялась на принудительные работы в фашистские страны. Естественно, что все люди, оправленные на эти работы, проходили медицинское обследование. В ходе осмотра немецкие медики отметили и документально зафиксировали тот факт, что все 100 % девушек до 18 лет были целомудренны. Об этом было доложено немецкому командованию, после чего ряд ведущих генералов вермахта усомнились в победе над СССР. Данная документация впоследствии оказалась в руках правительства США, которое однозначно заявило, что нацию со столь высоким уровнем морального развития нельзя уничтожить – её надо вначале целенаправленно растлить. Кстати, следует подчеркнуть то, что такая чистота советских девушек сохранялась не из-за страха перед смертной казнью за потерю девства вне брака, а на основе свободного выбора, сделанного в личном благочестии, в непорочности человеческой души.

Особое внимание следует отвести социальной ответственности и самопожертвованию. Эти качества требуют от личности максимально развитого сознания и, следовательно, духовного образа жизни, тем более, что сознание способно развиваться лишь при условии целомудренной жизни и высокой выраженности в человеке чувства стыда. Если обратиться к истории, то крайне редко государству удавалось выработать такие ценности и идеалы, ради которых человек мог бы отдать свою жизнь. Однако за каждым самопожертвованием кроется не только борьба за какой-либо идеал, но и глубокая, искренняя любовь к людям, ибо всякая система ценностей, самые возвышенные идеалы жизнеспособны и наделены смыслом, если служат во благо общества. В древние времена, когда вопрос выживаемости рода превалировал над индивидуальным интересом, человеком могли пожертвовать во благо коллектива. В эпоху античности люди умирали ради государства; в Персии идея жертвования собой и служения своим ближним была связана со служением добру – Ахура-Мазде (Ормузду) – и борьбой со злом – с Анхра-Маньей (Ахриманом). Сколько бы мусульмане ни уничтожали зороастрийцев в покорённом Иране, те сохраняли верность своей религии. В эпоху Средних веков, когда Старый Свет был поделён на три церкви: христиан, мусульман и язычников – в каждой из них проповедовались религиозные идеи, подчас оборачивавшиеся слепым фанатизмом, из-за которого люди умирали во имя своей веры. Отмечу то, что в Новое и Новейшее время из сильных государств лишь Россия могла направить на войну солдат, соборно готовых отдать собственную жизнь за свою веру, а, следовательно, за всё человечество. Правда, в середине XVIII века стараниями Дж. Вашингтона в Америке сложилась армия, сплочённая вокруг идеи политического государства, в котором граждане обладали бы равными возможностями. Конечно, самопожертвование очень часто наблюдалось и в СССР, где человек осмысленно, в военной или мирной обстановке, спасал жизни других людей ценой своей собственной. В современном мире не столь уж много примеров жертвенной сплочённости общества, где столь высока роль понятия *социальная ответственность*.

Действительно, куда бы мы ни посмотрели, редко где увидим людей, способных сознательно умереть за идею, за своих сограждан.

Часто можно услышать то, что в Японии распространено самопожертвование. Однако данное мнение основано на исторических событиях, в том числе событий времён Второй Мировой войны, когда Японией правил император, а государственной религией был синтоизм. Сейчас ситуация совсем иная: чудный симбиоз НТР и родового мышления Японии на фоне нравственной деградации общества ещё на деле себя никак не проявил, поэтому комментировать японскую модель пока сложно. Китайский коммунизм также трудно охарактеризовать в контексте социальной ответственности, поскольку состояние сельской местности в ряде провинций Китая по-прежнему оставляет желать лучшего. Более того, вопрос соблюдения прав человека, в частности прав детей, для Китая стоит очень остро, и пока он полностью не решён, уместно говорить лишь о доминировании государственных задач, в которых антропологический аспект остаётся слабо выражен. Гораздо чётче проявляется идея самопожертвования в исламе, но она часто базируется на обыкновенном фанатизме, ничего общего с духовностью не имеющего.

Между тем по степени развития социальной ответственности можно констатировать способности выживания общества. Вне данных качеств не может быть не только государства, но и какого-либо человеческого сообщества. Чувство ответственности за коллектив является одним из базовых, ибо связано с выживанием вида, в том числе и в биологическом смысле. Это чувство наблюдается не только в жизни людей, но и в мире животных. Так, если особь газели Томпсона замечает приближающуюся опасность – хищника, – то она начинает подпрыгивать на месте, сообщая всей группе животных об угрозе. При этом она прыгает на одном месте, чем лишает себя всякого манёвра и обрекает себя на смерть. Похожие примеры есть и в жизни бабуинов, где вожак стаи, жертвуя собой, даёт возможность остальным убежать. Однако такое поведение нельзя связать с какой-либо нравственностью, так как поведение животных этически нейтрально и подчинено идее выживания вида. Человек же руководствуется не столько естественно-биологическими мотивами, сколько принципами духовности, законами чести. Так, стремление к власти вовсе не обязательно предполагает сохранение биологической жизни определённого сообщества людей, но основывается преимущественно на духовно-нравственных принципах. Зачастую человек (или группа людей) жертвует своей жизнью, чтобы не жить в бесчестье. Например, в знаменитой иудейской крепости Масада последние 700 защитников лишили себя жизни, чтобы не сдаться в плен; или когда римские солдаты входили в поселения кельтов или галлов, то их жители были уже мертвы, поскольку совершили самоубийство во имя сохранения чести. Такое поведение направлено, прежде всего, на духовную выживаемость, ибо лишь человек осознаёт неизбежность физической смерти и зрит значимость духовной чистоты. Действительно, чувство социальной ответственности иногда проявляется весьма жёстко и приводит к смерти

всего рода. В этом отношении показательна римская статуя «Галл, убивающий себя и свою жену». Эта статуя есть копия с пергамского бронзового оригинала конца III века до н.э. Поведение данного героя связано с чувством социальной ответственности, оно никак не ассоциируется с животным миром и обращено исключительно к человеческой природе, которая мыслится лишь в категориях понятия чести.

Социальная ответственность коренится в самой человеческой сущности. В христианской традиции отмечается то, что человек сотворён, то есть имеет причину своего бытия. Причём акт сотворения человека не был чем-то обязательным и неизбежным, соответственно, человека могло бы и не быть. В принципе, если человечество перестанет существовать как биологический вид, то от этого в мире по сути ничего не изменится; гибель планеты Земля останется лишь одним из многих незначительных эпизодов в истории Вселенной. Однако всякое природное значимое нарушение, любые крупные изменения в солнечной активности кардинальным образом повлияют на жизнь людей или, вообще, приведут к их гибели. Всё это указывает на то, что человек – открытое существо, которое не может мыслиться самим по себе. Об этом в богословской антропологии пишется так: «Бытие, даруя сущим их сущность (их *в-себе-бытие*), одновременно даёт им и *со-бытие*, то есть способность соотноситься с другими сущими. Действительно, только при этом условии сущие через их взаимоотношение получают возможность соотноситься со всей целостностью реальности и, следовательно, с бытием, которому они обязаны своим *бытием-в-себе*. В противном случае мы были бы вынуждены утверждать, что всякое сущее может само по себе полностью достичь бытия, а это противоречит неустранимости онтологического различия... Специфика человеческой свободы лежит не столько в *себе и для себя*, сколько в *бытии для другого*... человеческий дух... имеет в самой структуре своей сущность и необходимость в открытости по отношению к другим сущим (со-бытием)»<sup>1</sup>. Так что человек, проявляя ответственность к окружающему миру, в действительности, выражает заботу о своей природе, о спасении своей души.

Далее следует подробнее рассмотреть понятие *чести*. В качестве базового определения чести возьмём дефиницию, сформулированную архимандритом Платоном: «Честь – это внутреннее, данное самому себе право оценивать себя и своё существование в категориях самоуважения». Объективными факторами, дающими право на честь, являются целомудрие и благородство. *Целомудрие* – идеальная аксиологическая норма природного состояния. *Благородство* – идеальная аксиологическая норма личностного состояния<sup>2</sup>. Итак, честь предполагает самоуважение. Именно последнее способно определить развитость чувства ответственности за других людей.

<sup>1</sup> Анджело Скола, Джильфредо Маренго, Хавьер Прадес Лопес. Богословская антропология. М., 2005, с. 60-61.

<sup>2</sup> Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994, с. 185.

Честь и достоинство человека позволят видеть его самоценность, не совместимую ни с какими материальными сокровищами Вселенной. Человека чести нельзя подкупить, он не окажется замешанным в коррупции, его невозможно толкнуть на преступление, на измену – будь то в государственном отношении или же в семейной жизни. Человек чести верен своей религии и своей Родине. Митрополит Филарет точно подметил, что человек, способный изменить земному Отечеству, ненадёжный для Царствия Божьего. Если в индивидуе вырождено понятие чести, то он становится не только потенциальным предателем, если придёт военное лихолетье, но и человеком, способным оказаться преступником на трудовом фронте. Такого и в мирное, и в военное время легко спровоцировать на взятку, воровство, укрывательство и другие уголовно наказуемые действия. В конечном итоге бесчестье приводит к неверию в справедливость, к постулированию в обществе идей такого толка: «каждого можно подкупить» или «все женщины продаются». Подобные рассуждения, по сути, постулируются для того, чтобы санкционировать собственные пороки, заглушить голос совести, они свидетельствуют лишь о духовной опустошённости и нравственном растлении того, кто подобные мысли преподносит как истинные. По существу бесчестье предполагает неуважение к самому себе, а, стало быть, – и к другим людям. Между тем, «не уважать себя – значит, испытывать собственную *слабость в добре*. И тот, кто примет эту слабость и примирится с нею, – ощущает постоянное самоуничижение и всегда пребывает в состоянии томительного ожидания новых пощёчин судьбы. Однажды «махнув на себя рукой», он нередко чувствует себя уязвимым, готовым в любую минуту сорваться в новом духовном падении, при этом ему с каждым разом уже легче и проще переступить грань морального и правомерного. А тот, кто не примирится со своей слабостью, но в то же время не может и утвердиться в добре, тот пытается утвердить свою силу помимо добра или в противовес ему и превращает свою жизнь в своеобразную смесь из цинизма и лицемерия»<sup>1</sup>.

В дефиниции чести мы находим её составные: *целомудрие* и *благородство*. Если первое выражает сугубо личностное состояние, лишь косвенно проявляющееся в общественной жизни, и формально важно не столько для развития страны, сколько для создания здоровой семьи и личного духовного роста, то благородство обращено непосредственно к социуму. Целомудрие по своему существу выражает состояние самодостаточности человека. Целомудрие, как считает П. Флоренский, рассматривается как блаженство, которое мыслится в качестве само-заключённости, само-собранности, само-цельности личности. Можно сказать, в целомудрии выражается идея самодостаточности и полноценности человека<sup>2</sup>. Поэтому-то для выработки способности к самостоятельной жизни,

<sup>1</sup> Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. М., 1993. Т. 4., с. 328.

<sup>2</sup> Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М., 2003, с. 169.

независимости от животных инстинктов и общественного мнения важно вести благочестивый образ жизни. Только в этом случае индивид обретёт целостность духовного мировидения, умение не подстраиваться под непостоянные, часто сомнительные требования коллектива, а следовать вечным ценностям и идеалам. Здесь необходимо понять, что «человек, уважающий себя лишь потому и лишь постольку, поскольку его уважают другие, – в сущности говоря, *не уважает себя*: его духовное самочувствие зависит от чужих, вторичных впечатлений»<sup>1</sup>. Зависимость от стороннего мнения есть существенная предпосылка к государственно-правовому регрессу и распространению прайдового права. В последнем всегда существует возможность спровоцировать человека на ложный стыд. Понятие *ложного стыда* связано с переживанием своего нежелания совершать такие аморальные поступки, которые распространены и постулируются в том или ином деградированном коллективе, например, когда индивид отказывается от сквернословия, от приёма наркотиков или не желает совершить убийство, а поэтому стыдится перед своими «товарищами», способными на такие действия. Ложный стыд выражает несамостоятельность мышления человека, и часто нечистоплотность его частной жизни, в которой он присоединился к морально больной группе индивидов и боится мыслить отлично от них. Поэтому-то любому человеку надобно вести такой образ жизни, чтобы не жёл стыд за сказанное или содеянное, чтобы можно было свободно следовать тем духовным принципам, которые в нём априорно заложены. Именно при таких условиях возможно проявление другого качества, включённого в определение понятия *честь*, – *благородство*. Оно указывает на способность человека к личному самоопределению в конкретных поступках относительно других людей. В данном случае надобно отметить, что такие столь важные качества человека, как доброта, сострадание, любовь, несколько не зависят от внешней среды, ибо по своей природе они духовны. Человек страдает или любит лишь в меру собственного духовного развития, никак не связанного с достоинствами или недостатками того, кому страдает или кого любит. Всё же, несмотря на субъективную природу этих качеств, они раскрываются и проявляются только в системе общественных отношений. Именно благородство оказывается одной из главных форм проявления социальной ответственности. В отличие от правовой ответственности, благородство переживается всегда лично и несколько не зависит от государства и законодательства, однако наполняет последнее духовным содержанием и действенной силой. Только субъективное переживание, осмысление права позволяет человеку следовать ему, защищать его; духовная же слепота превращает всякое законодательство в мёртвый механизм, работающий лишь в интересах узкой группы людей. Прайдовое сознание как раз и есть одно из следствий упадка правового и нравственного сознания. Прайдовое сознание, несмотря на то, что в нём преобладают

---

<sup>1</sup> Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. – М.: Русская книга, 1993. Т. 4, с. 325.

интересы прайда, всё же предполагает явный эгоизм. Прайд существует лишь в силу животного страха за свою жизнь и в силу возможности незаконной наживы. Однако, если прайд не обеспечивает безопасность его участников, то каждый из них, заботясь лишь о себе, превращается в соперника для другого члена коллектива. Элементы такого прайдового явления чётко прослеживаются уже в современной повседневной жизни и проникли не только в криминальную сферу, но и в повседневную жизнь большинства граждан. Эти элементы прайдового права проявляются в резком снижении чувства *социальной ответственности*.

Понятие *социальной ответственности*, будучи органичной частью человеческого бытия, в любом государстве вменяется человеку в обязанность. Слабая же выраженность такого чувства приводит к социальному вырождению и развитию прайдового права. В современной России как раз наблюдается такой регресс. Например, если мы обратимся к Уголовному кодексу РСФСР, то в статье 127 (Оставление в опасности) читаем: «Неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии... либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи – наказывается исправительными работами...». Однако в действующем УК РФ в статье 125 (Оставление в опасности) заметны некоторые изменения. В данной статье указано: «Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишённого возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нём заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, – наказывается...». В последнем случае мы не видим строк «...несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи...». Современная формулировка представляется расплывчатой и допускающей различные толкования, что для закона, в котором необходимо наличие точных, однозначных формулировок, недопустимо. Такое, казалось бы, не столь значительное изменение в УК – одна строка – может в отдельных случаях сыграть в судьбе человека большую, а подчас жизненно важную роль. Реальным подтверждением идущего в обществе нравственного регресса служит дикий случай, произошедший в начале 2008 года в Петербурге. Об этом эпизоде сообщили телевизионные журналисты, которые рассказали о том, как один молодой человек по каким-то причинам порезал себе вены на руках и длительное время шёл по многолюдным улицам мегаполиса до тех пор, пока на него не обратил внимания милицейский наряд. Он-то и вызвал скорую медицинскую помощь. Журналистами был отмечен тот удручающий факт, что из многочисленных прохожих никто не оказал помощи пострадавшему. Если бы не подоспевшие милиционеры, то жизнь человека могла бы закончиться трагично. Кстати, примечателен тот факт, что УК РСФСР выработывался в то время, когда ещё не существовали сотовые, мобильные телефоны. Сейчас же, когда абонентов сотовой связи насчитывается сотни тысяч, и почти у



каждого имеется сотовый телефон, допускается в качестве нормы несообщение надлежащим органам о бедственном положении человека. Всё это во многом свидетельствует о духовно-человеческом кризисе определённой части российского общества. Более того, этот факт указывает на вырождение фундаментальных культурных ценностей русского человека, для которого самоубийство своего ближнего всегда было страшным горем, и ответственность за этот грех осмысливалась соборно, всем миром. В русской культуре отношение к самоубийству ясно выражено в стихотворении Н.А. Некрасова «Средь высоких хлебов...». Впоследствии это стихотворение в песенной форме было исполнено многими замечательными певцами, например, русской народной певицей Лидией Руслановой. В нём выделим следующие строки:

<i>Средь высоких хлебов затерялося</i>	<i>Ой, беда приключилася страшная,</i>
<i>Небогатое наше село,</i>	<i>Мы такой не видали вовек,</i>
<i>Горе горькое по свету шлялося</i>	<i>Как у нас, голова бесшабашная,</i>
<i>И на нас невзначай набрело.</i>	<i>Застрелился чужой человек...</i>

Действительно, самоубийство – это страшное горе, с которым раньше люди подчас и вовек не сталкивались, а если и приходилось переживать такое скорбное явление, то видели в нём трагедию и того, кто убил себя, и всего общества, не сумевшего узреть надвигающейся беды и не устерегшего человека от роковой ошибки.

Сейчас же в обществе отношение к суициду часто весьма равнодушное, так же как и отношение к самому человеку как таковому. Поражают и другие эпизоды, свидетельствующие о вопиющем безразличии не только к жизни, но и к чести своих сограждан. Например, в порядке эксперимента, на улице, из окон домов проходим подбрасывали записки, в которых якобы похищенная девушка писала о своём бедственном положении и просила о помощи. Однако эти записки выбрасывались в урну, они даже не были переданы в правоохранительные органы. Данный поступок прохожих довольно-таки ясно характеризует нездоровое состояние определённой части общества – бессердечной, равнодушной к чужой беде и эгоистичной. Невольно встаёт вопрос: уместно ли в этом случае говорить о человеческом братстве и любви друг к другу, если души мертвы?! В таких условиях любое серьёзное испытание для государства: голод или война, стихийное бедствие или техногенная катастрофа – может обернуться для страны разгулом криминальных элементов, обрывом духовной связи людей друг с другом и непреодолимым, фатальным испытанием для всей государственной системы. «Без взаимного доверия – нравственная связь между людьми невозможна, а правоотношение неминуемо вырождается... Ложь не столько морально предосудительна, сколько духовно разрушительна: она губит единение людей – их общение, их солидарность, их организацию»<sup>1</sup>. Конечно, было бы

<sup>1</sup> Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. М., 1993. Т. 4, с. 344.

неверным утверждать, что все россияне безнравственны, бессердечны и равнодушны. Нет, наши граждане не утратили понятий о непреходящих ценностях: человечности, порядочности и величии души, – но мы не имеем права закрывать глаза на те негативные тенденции, которые имеют место в нашем обществе. Гражданин не должен слепо, откуда-то издалека любить свой народ, своё Отечество, он обязан иметь активную жизненную позицию, в своей основе направленную на благо людей и страны. В связи с этим приведу – и сейчас актуальные – слова Петра Яковлевича Чаадаева, настоящего патриота: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её; я думаю, что время слепых влюблённостей прошло...Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия».

Хотелось бы на этом закончить последний абзац, однако 27 марта 2008 года, спустя день после изложения в настоящей работе этой мысли, как бы в подтверждение вышесказанного, я узнаю, что из УК РФ собираются убирать 124 статью «За неоказание помощи больному» (по крайней мере, первую часть этой статьи). Вспомним содержание данной статьи: «1. Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, – наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок от двух до четырех месяцев. 2. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового». По существу, отказ от этой статьи разрушает те основы биомедицинской этики, которые прописаны в клятве Гиппократова и выработывались всё последующее время. Формальным же поводом к отмене данной статьи послужили суждения людей, по-видимому, далёких от чувства ответственности за человека, утверждающих, что эта статья не работает, а посему не нужна. Действительно, в суде подчас очень сложно, проблематично доказать виновность, например врача, если невнимание того к пациенту или недостаточный уровень профессионализма послужили причиной нанесения вреда здоровью средней тяжести. Однако вместо того, чтобы улучшать работу врачей, медицинских комиссий, судов, нередко пытаются – и безуспешно – по сути спасти «честь мундира» лечебного учреждения. Этим реально даётся санкция отдельным безответственным и слабым в профессиональном отношении врачам на недолжное, недобросовестное исполнение ими своих прямых обязанностей. Все же разговоры о невозможности доказать по данной статье явную вину

медицинского работника есть *де-факто* сокрытие истины. Замечу кстати, в данной области накоплен солидный опыт работы европейских и североамериканских судов, который, безусловно, может быть использован и в российской судебной практике. Так, в США и Европе ежегодно в судебном порядке признаются десятки тысяч медицинских ошибок, в то время как в России лишь несколько десятков (около семидесяти). Этот факт наглядно показывает, что неэффективность данной статьи во многом обусловлена несовершенством правовой системы, минусы которой, однако, не спешат исправлять. Следует подчеркнуть то, что подобные – отнюдь не беспристрастные – разрешения гражданских споров, исковых жалоб подрывают не только уважение к врачу – человеку, призвание которого – спасать жизнь, – но и усиливает недоверие людей друг к другу.

При отсутствии сплочённости нации не имеет смысла говорить о неких национальных проектах, решении государственных и, тем более, общечеловеческих задач. Здесь важно понимать то, что в основе любого государственного успеха в достижении каких-либо хороших перспектив должна лежать, прежде всего, забота о людях, бережное и внимательное отношение к внутреннему миру человека, к его душе. Замечательный русский философ И.А. Ильин, характеризуя государственную правовую жизнь общества, справедливо отмечает: «*Нормальное правосознание* не только не исключает любви к ближнему, но ищет и находит пути для систематической организации её социального осуществления, ибо принять каждый правый интерес другого как свой собственный значит именно относиться к ближнему, как к самому себе»<sup>1</sup>. Так, соответственно, и наоборот: безразличие к чести и духовности своего ближнего есть в сущности закономерный результат собственного бесчестья и бездуховности, ибо нельзя понимать ценности, истинного значения того, чего сам, по причине собственной порочности, не разумеешь, ибо не дано чёрному стать белым, а внеморальному предстать в высоконравственном облике. Поистине, «рождённый ползать летать не может». Впрочем, человек имеет ряд существенных отличительных черт, например, волю, желание и чувство ответственности за собственные поступки. В немалой степени от него самого зависит, стать ли ему «тварью дрожащей» или же настоящей личностью. Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов большой роли общества, работы правоохранительных органов в деле воспитания человека, его правового сознания.

Господство социальной безответственности есть закономерный результат духовно-нравственного растления, которое предполагает, прежде всего, неимение у человека таких духовных качеств, как собственное достоинство и умение понимать, правильно судить о мире и человеке в нём. И.А. Ильин пишет: «В основе всякой продажности – взятки, публичной коррупции, всяческой демагогии и международного корыстного

---

<sup>1</sup> Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. – М., 1993. Т. 4, с. 242.

предательства – лежит *духовная слепота и отсутствие собственного духовного достоинства*»<sup>1</sup>. Среди черт, характерных для упадка правосознания, И.А. Ильин называет следующие:

1. Отрицание духа, духовной личности, духовной культуры, веры, семьи, Родины и права как самостоятельной ценности.
2. Сведение человеческой жизни к материальным процессам, материальным мерилам и материальному благополучию.
3. Неверие в силу личной свободы, инициативы и органического, творческого равновесия личной и общественной жизни.
4. Вера в силу механической покорности, диктаториального приказа и запрета, в силу вражды и классовой бедности и всеобщего уравниения.

Должен признать, что эти черты правового кризиса очевидны и в современной России, где значительная часть населения живёт, не придерживаясь принципов высокой нравственности, соединённой с самоотверженностью и честностью. Трудно, неправильно утверждать то, что большая часть нашей молодёжи имеет твёрдые убеждения, связанные с целомудрием, чистотой взаимоотношений. Нередко наблюдается и то печальное обстоятельство, что молодые семьи, просуществовав не столь уж долгое время, с взаимными упрёками, а подчас оскорблениями, подают на бракоразводный процесс. Кстати, это уже мало кого удивляет, ибо нередко отношения и в обществе, и в семье строятся на обмане, материальной выгоде и отрицании духовности, а взаимного доверия и, тем паче, любви людей друг к другу явный дефицит. Разумеется, при подобном положении дел проблематично говорить о том, что такие граждане любят свою страну, что они горячие патриоты, готовые отдать жизнь за Родину. Действительно, пока в России не будет интенсивного развития нравственности, нельзя говорить о том, что в обществе может быть любовь к Отечеству – ***не умеет безнравственный человек любить.***

Помимо нравственного развития, другими важнейшими условиями для укоренения чувства патриотизма являются развитие свободы в обществе и самоуважение людей. Правительству, стремящемуся видеть в гражданах своей страны истинных патриотов, надо принять во внимание то, что в общественном сознании, для роста чувства любви к Отчизне, необходимо высокое представление о личности человека, его чести и достоинстве. Индивид же, который с раннего детства испытывает унижение, зачастую теряет чувство собственного достоинства, что не позволяет ему стать полноценным гражданином, способным к самостоятельному мышлению. Главным же изъяном всего этого является то, что люди, привыкшие к унижению, постепенно сживаются с ним и не замечают того, что и в их отношениях с окружающими стали звучать грубые и пренебрежительные

---

<sup>1</sup> Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. – М., 1993. Т. 4, с. 328.

ноты. Если в государстве происходит насаждение подобных форм поведения, по сути обезличивающих человека, его правосознание будет отличаться рабским характером, который предполагает нечто коварное, обманчивое, таящее в себе что-то неприятное, предательское. Оно-то и нашло своё страшное проявление в жизни российского общества: так, с начала 1990-х годов количество случаев педофилии возросло во много раз. Страна занимает одно из ведущих мест по работорговле (женщинами)<sup>1</sup>. В 1997 году из Центральной и Восточной Европы в Западную Европу и Северную Америку продали в рабство 175 000 человек<sup>2</sup>. Однако надо понимать, что рабство может быть распространено лишь там, где господствует рабское сознание, ибо для настоящего человека честь – превыше всего, даже самой жизни. При условиях, сложившихся в современной России, не приходится говорить о достаточной жизнеспособности нации. Если в известном фильме «Россия молодая» шведский шпион утверждал, что Россию нельзя завоевать – тогда придётся весь её народ уничтожить, то сейчас такие слова для значительной части русского народа не актуальны. «Народ, не осуществивший ещё своего духовного самоутверждения, – замечает Ильин, – не уважает духа ни в себе, ни в предмете, ни в государственности; поэтому он вырабатывает больные формы духовной жизни и создаёт больные явления духовной культуры»<sup>3</sup>. Отсюда-то проистекают такие негативные явления, как неумение сосуществовать с иными народами, что проявляется, например, и в потворстве отдельных чиновников деятельности этнических бандитских группировок, и в озлобленных, агрессивных действиях части молодёжи, собирающейся в группы skin heads. Национальный вопрос неизбежно обостряется, если в народе вырождается чувство собственного достоинства. Последнее понятие традиционно наделяется таким определением: «Достоинство – категория этики, означающая особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, окружающих, основанное на признании ценности человека как личности»<sup>4</sup>. Однако ценность человека как личности определяется его уникальной духовностью, вырождение которой приводит к обесцениванию человеческой жизни, к самоуничижению, к рабскому сознанию. Как-то Чернышевский, ещё в то время, когда слава России была высока, отозвался о русской нации, как о рабах. Мы никак не будем комментировать данное высказывание публициста, но обратим внимание на то, что В.И. Ленин в 1914 году верно заметил, что эти слова мог произнести только настоящий патриот, который не может смириться с политикой, направленной на подавление в людях

---

<sup>1</sup> Согласно данным ООН, в России достаточно злободневна проблема работорговли (<http://www.jesuschrist.ru/news/2003/6/6/4034>, <http://lenta.ru/russia/2003/06/06/first/>, <http://www.vokruginfo.ru/news/news3653.html>).

<sup>2</sup> Поленина С.В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. Январь 2008, с. 37.

<sup>3</sup> Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. – М., 1993. Т. 4, с. 333.

<sup>4</sup> Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 1999, с. 20.

чувства собственного достоинства. Вспоминаются строки поэта первой половины XIX в. И.С. Никитина:

*Постыдно гибнет наше время!...  
Наследство дедов и отцов –  
Послушно носит наше племя  
Оковы тяжкие рабов.*

*И стоим мы позорной доли!  
Мы добровольно терпим зло:  
В нас нет ни смелости, ни воли...  
На нас проклятие легло!*

*Мы рабство с молоком всосали,  
Сроднились с болью наших ран.  
Нет! В нас отцы не воспитали,  
Не подготовили граждан...<sup>1</sup>.*

Однако всякие разговоры о защите чести государства, о патриотизме превращаются в лицемерие, если исходят из уст, с которых в повседневной жизни слетает сквернословие, пошлость, если граждане лишены личной чести и не уважают себя. Поэтому-то сохранение и защита человеческой чести наиболее значимая задача всякого государства, даже важнее, нежели задача защиты жизни. Причём это положение осознавалось и в дохристианской истории человечества. В любой армии дезертиров, изменников казнили, ни в одном обществе не допускалось попрания чести женщины (например, в римской Великобритании в середине I века н.э. осквернение римскими солдатами дочерей королевы Боадееи привело к восстанию, в ходе которого в первый же день после случившегося позора кельты вырезали от 60 до 70 тысяч римских граждан). В православии, в исламе растление человека есть более тяжкое преступление, чем его физическое убийство. Так, обратившись к догматике православной Церкви, можно увидеть следующее положение: «Потеря невинности до законного брака или оскорбление чужой чести одно из самых ужасных нравственных и церковно-канонических преступлений, которые по своим субъективно-психологическим последствиям можно сравнить с изгнанием человека из первозданного рая»<sup>2</sup>. Разница в основном лишь в том, что в языческом и исламском мире за бесчестье полагается смерть, а в православии убийство согрешившего человека не допускается, но ему настоятельно рекомендуется покаяние, с надлежащими епитимиями.

<sup>1</sup> Никитин И.С. Сочинения. М., 1955, с. 58.

<sup>2</sup> Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994, с. 143.

Распространение же бесчестья, выражаемого в таких явлениях, как злоупотребление спиртными напитками, наркомания, сожительство, сквернословие, есть прямое указание на развитие в обществе прайдового сознания и соответствующих представлений о праве. В результате вырождение человеческой природы приводит к восстанию самой этой природы, которая начинает проявлять себя в искажённом виде. Прайдовое общество всю свою активность, осознанно или неосознанно, направляет на уничтожение человеческой природы, на служение злу, поэтому в прайдовом праве проявляется попытка унизить истину, высмеять доброту, осквернить красоту, а чрез это убить любовь, саму возможность любить. Между тем эти три великие святые ценности человечества: Истина, Добро, Красота – стали некими китами, на которых зиждется русская культура. Не следует думать, что эти три категории были осмыслены только в узкой части населения – в среде интеллигенции, восприимчивой к философским учениям, в частности В.С. Соловьёва. Разумеется, русская философия, будучи рождённой своей культурой, стала областью особо острого осмысления этих понятий, однако они осознавались во всём народе, как едином духовном организме. Достаточно вспомнить слова А. Мингалева из знаменитого марша «Прощание славянки» (муз. В.И. Агапкина, 1912 г.), которые с Первой мировой войны вдохновляют русского воина-освободителя на ратные подвиги, на защиту человеческой чести и жизни:

*...Все мы – дети великой Державы,  
Все мы помним заветы отцов  
Ради Знамени, Чести и Славы  
Не жалеи ни себя, ни врагов.*

*Встань, Россия, из рабского плена,  
Дух победы зовёт: в бой, пора!  
Подними боевые знамена  
Ради Правды, Красы и Добра!..*

*...Встань за веру, Русская Земля!*

*Правда* есть *Знамя* русской богоносной нации, *Красота* её людей есть внешнее выражение *Чести*, а *Слава* приносится *Добром*, творимым народом во всём мире. Действительно, каждая из этих категорий достойна того, чтобы за её сохранение и спасение умереть. Защита Истины, Добра и Красоты – это дело чести каждого человека. Вне данных ценностей человек не может жить как человек, ибо и честь его раскрывается в защите фундаментальных ценностей как внутри культуры – целомудрия, благородства, – так и тех ценностей, которым служит сама культура как духовно-человеческий единый организм – Истины, Добра и Красоты.

Также следует понимать правильное соотношение между такими понятиями, как *честь* и *жизнь*. Безусловно, жизнь – это великая ценность.

Многие мои работы посвящены теме непреходящей ценности человеческой жизни, ориентированы на эту истину. Однако надобно отдавать себе отчёт в том, что в ряде случаев честь гораздо важнее, чем жизнь. Во-первых, любой человек умрёт, но не каждый проживёт достойно и духовно спасётся. В этом отношении справедливо пишется в Библии: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить...» (Евангелие от Матфея, 10 : 28). Во-вторых, опозоренная жизнь, как правило, далее проистекает, как правило, во зло. Вот почему в кварталах, где развита сфера интим-услуг, всегда распространены и другие преступления: торговля наркотиками, коррупция, убийства... Никакой материальный достаток не может компенсировать утерю целомудренности, благородства. В опозоренной жизни финансовые средства обычно идут на употребление спиртного, на табакокурение, наркоманию, разврат и другие пороки. Конечно, и для падшего человека жизнь может приобрести абсолютную ценность, ибо, пока он живёт, нельзя отрицать вероятности его духовного исцеления. Тем не менее, согласно юридическому подходу, убийство рассматривается как более тяжкое преступление, чем насильственное осквернение или принуждение женщин к продаже своего тела. Разумеется, убийство – это очень тяжкое преступление, но, как минимум, не менее страшным является осквернение души человеческой, после чего её шансы на спасение минимизируются. Обесчещенный человек в большинстве случаев не приносит обществу пользы; им, чаще всего, легко манипулировать, в его поступки быстро вживаются такие пороки, как взяточничество, клевета, раболепие, конформизм. Примечателен тот факт, что в Древней Греции рабство, как пишет М. Мамардашвили, носило не только социально-экономический, но и ритуальный характер, поскольку «проводило границу между готовностью человека в любой момент положить жизнь за свое достоинство и отсутствием этого». В последнем случае индивид является рабом<sup>1</sup>. Понятие чести было важно и актуально во все времена, поэтому многие писатели и поэты обращались к теме человеческого достоинства и чести. Так, В. Шекспир в хронике «Ричард II» писал следующее:

*От века люди честью дорожили:  
Ведь без неё мы стали б горстью пыли.  
Сокровище на свете разве есть  
Ценней, чем незапятнанная честь?  
Нужнее жизни добрая мне слава:  
Её отдав, на жизнь утрачу право<sup>2</sup>.*

Слабость в отстаивании собственного достоинства, панический страх перед смертью весьма ярко проявляются в законодательстве, в частности в

<sup>1</sup> Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М., 1997, с. 294.

<sup>2</sup> Шекспир В. Исторические хроники: Пьесы. М., 2001, с 125.



Уголовном Кодексе, согласно которому убийство рассматривается как более тяжкое преступление, чем, скажем, торговля людьми или преступления против целомудрия. Надо признать, что во многих странах значимость чести осознаётся обществом и закреплена законодательно. Так, в ряде государств даже убийство во имя защиты чести является правомерным актом. В качестве примера уместно обратиться к законодательству Франции. Согласно Уголовному праву Франции, выделяется следующее условие правомерной обороны: способность индивида причинить существенный вред обороняющемуся или иному лицу. Причём юристы во Франции считают, что в данном случае под вредом следует понимать не только ущерб, нанесённый здоровью человека, но и его чести либо имуществу. Конечно, имущество не может соотноситься с жизнью или честью, поэтому, на мой взгляд, убийство ради сохранения имущества не имеет правовой обоснованности и должно рассматриваться как криминальное действие, пусть и со смягчающими обстоятельствами. Однако честь человека неприкосновенна ни при каких-либо обстоятельствах.

В России право человека на защиту чести и достоинства также прописано в Уголовном кодексе, прежде всего, в статье 37. Однако, если обратиться к мере наказания за преступления, связанные с посягательством на жизнь и на честь, то становится очевидным, что при посягании человеческой чести виновному грозит сравнительно небольшое наказание. Такой дисбаланс создаёт предпосылку к тому, что подчас граждане в своих поступках руководствуются не высокими духовными идеалами, а животным инстинктом самосохранения, ради чего способны пойти и на преступления. Поэтому-то приходится отмечать существенное противоречие между позитивным и естественным правом. Следовательно, преступления по статьям 126, 127, 131, 132, 133, 134, 135, 152, 240, 241, 242 УК РФ (связанные с растлением, с похищением человека, с торговлей людьми), должны рассматриваться как особо тяжкие, как минимум, соотносимые с преступлениями по статьям 105, 106 УК РФ (убийство и убийство новорождённого ребёнка).

Однако утверждение наиболее оптимального баланса между ценностью жизни и ценностью чести возможно только в условиях функционирующей культуры. Ни один закон, обращающийся к защите столь абстрактных категорий, как честь, стремящийся регулировать семейные отношения, культуру речи, не будет эффективным, если он существует вне культуры. Всякий запрет может выполняться лишь тогда, когда большинство населения с ним согласны и независимо от закона готовы его выполнять. Например, в Иране в общественных местах недопустимо прикасаться к девушке. Эта установка прописана в религиозных текстах, в частности в хадисах. Так, Мускаль Ибн Ясар, согласно Аль Мунзари, получившему данный хадис из ат-Табарани и аль-Байхаки, пишет: «Для вас будет лучше, если вам в голову вонзят железную иглу, нежели чем притронуться к женщине (незаконно)»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. М., 2007, с. 160 и с. 288.

Принятие этого хадиса в качестве руководства к действию обусловлено теми правилами, которые сложились в Персии ещё задолго до появления ислама. Неудивительно, что этот запрет в современном Иране строго выполняется.

В случае же с предоставлением прав и свобод также уместно обратиться к возможностям культуры. Так, в Тунисе полицейский после 8 часов вечера не имеет права останавливать женщину за рулём. Мотивом к принятию такого закона послужило обращение одной женщины, которая пожаловалась на то, что полицейский остановил её на дороге и кокетничал с нею, нарушая правила строгого делового разговора. Несмотря на то, что закон уже действует несколько лет, он не причиняет людям существенных неудобств. Возможность функционирования такого закона обусловлена высоким культурным уровнем развития тунисских женщин, которые со школьной скамьи воспитываются в целомудрии. Разумеется, в иной стране, где женщины время от времени употребляют спиртное, где к ним нет уважения со стороны мужчины в силу их недостойного поведения, такой закон спровоцировал бы целый ряд аварий и преступлений на дорогах. Поэтому-то важно понимать, что любой закон действителен только тогда, когда органично связан с культурой, когда является правовым продолжением культурной традиции. Так или иначе, но всякое законодательство функционирует в определённой системе культурных отношений, вне которых оно превращается в мёртвый, выхолощенный механизм, работающий лишь по произволу или по заинтересованности того или иного лица.

### *Возрождение рода: дикий ренессанс*

Конец XX – начало XXI веков обозначилось временем весьма драматических событий, которые резко выделяются из всей истории человечества. Безусловно, здесь не поднимается вопрос жестокости, предательства, развращённости, коррупции и т.п. – такие явления были распространены почти во все периоды жизни человечества. Частичное исключение, пожалуй, составляет период СССР, когда в культуре целенаправленно постулировались принципы порядочности, доброты и всеобщего счастья. При всех минусах советского общества на телевидении не было сквернословия, жестокости или сцен разврата. Однако в условиях укоренения атеизма человек не смог удержать в своей душе те высокие идеи, ради достижения которых строил Советское государство. Всё же есть важная особенность современности, которая ранее проявлялась крайне редко и не поощрялась мировым сообществом, в частности, ведущими державами. Речь идёт об утверждении прайдовых законов в качестве части государственной жизни и политики властей. В принципе государство и сейчас не поощряет такие негативные явления, однако то, что власти не занимаются активной

борьбой с ними, ссылаясь на демократические ценности, права человека, вызывает серьёзную озабоченность.

Безусловно, государство никогда полностью, всецело не сбрасывало с себя оковы родоплеменных отношений. Так, ответственность всей семьи за действия одного своего члена в ряде случаев прописывается в законе. Например, выплата кредита есть проблема не только того лица, которое его взяло, но и его семьи, и в случае смерти данного человека долг будет выплачиваться его родственниками. Конечно, у такой системы есть как положительные, так и отрицательные стороны, но в целом она имеет обоснование и предотвращает некоторые финансовые махинации. Подобная система существовала всегда, и её элементы мы можем найти даже в догосударственный период истории человечества. При любых обстоятельствах она вводилась по соображениям экономической безопасности и её никак нельзя отнести к прайдовому праву. Однако целый ряд диких языческих традиций, форм поведения, присущих миру животных, ныне становятся частью повседневности и при этом нередко активно защищаются законом. Конечно, некоторые вещи внешне носят вполне безобидный характер, например, массовая распространённость персинга, татуировок. Эти явления были очень характерны для язычников и вообще тех народов, которых было принято называть «дикими». Разумеется, татуировки, как социальное явление, были и раньше, но оно чаще всего имело место в тюрьмах и в сфере порно-бизнеса – своеобразная печать сатаны. Ныне же даже маленькие девочки стремятся нанести на своё тело изображение, именуемое простым словом «тату». Однако, если дикие племена воспринимали татуировки как часть культуры, осваивали их сложный орнамент согласно своим представлениям о мироустройстве, то в современном мире значение татуировок никакого отношения к космогоническим или религиозным концепциям не имеет. В этом плане даже язычники, никогда не знавшие письменности, гораздо культурнее многих современных людей. По крайней мере, некоторые из «диких» народов убеждены, что рисунок на теле отличает их от животных<sup>1</sup>. По каким-то причинам в современном мире, который громко именуют *цивилизованным*, прокалывание своего тела стало очень распространено, несмотря на предупреждения медиков о возможных неприятных последствиях. Разумеется, все эти явления нельзя назвать животными и непосредственно преступными с точки зрения позитивного права. Тем не менее они служат важной, хотя и не абсолютной, предпосылкой к совершению тех действий, которые являются тяжкими криминальными и нравственными преступлениями: детоубийство, похищение людей, этнические чистки и т.д.

Совсем иначе выглядят другие поступки, естественные для животных и дикие для человека. Эти поступки всецело раскрываются во время этнических чисток, когда беременных женщин истязают, убивая при этом неродившихся детей, выживших же женщин принуждают к беременности.

---

<sup>1</sup> Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1999, с. 239.

Подобные явления можно увидеть и в жизни животных, даже у насекомых. Так, лев, убив своего соперника-самца, уничтожает и его помёт, чтобы самому занять его место возле самки; у некоторых насекомых можно встретить ещё более экстравагантный способ борьбы самцов: один из них, убив соперника, механически очищает самку от его семени, чтобы самому стать «отцом» будущего потомства. Со второй половины XX века, как это ни странно и ни дико, все эти явления животного мира приняли массовый характер в жизни людей, а подтверждения этому настолько очевидны во время гражданских войн, например, в африканских странах, что писать об этом считаю излишним. Пожалуй, достоверно и ярко некоторые элементы этнических чисток показаны в американском фильме «Слёзы солнца». Однако лишь недавно внимание мировой общественности стало обращаться к столь ужасным явлениям, а в ООН и международном трибунале начали целенаправленно рассматривать случаи принудительной беременности. По существу природа таких мерзких поступков лежит в стремлении биологически истребить конкурирующий этнос, а его женщин превратить в своего рода инкубаторы для утверждения собственной этнической крови. Ранее подобные поступки были крайней редкостью. Конечно, знатоки истории религий могут вспомнить печальный опыт зороастрийцев, которых поглотил исламский мир: при этом зороастрийцы (мужчины) уничтожались или принудительно обращались в чужую им веру, их дочерей насильно отдавали в жёны мусульманам, а детей от таких браков воспитывали в исламских традициях. Однако, во-первых, здесь речь идёт не о массовом надругательстве, а о насильственном принуждении к браку, который заключался, согласно закону. Во-вторых, в данном случае имеет место религиозное противостояние, борьба цивилизаций, в которой родоплеменные методы подчинены определённой цели, наделённой неким духовным смыслом. Этнические же чистки, которые мы ныне наблюдаем, проистекают между этносами и народами, находящимися примерно на одном уровне развития, исповедующие схожие языческие культы. Между ними идёт ожесточённая, животная борьба, без сомнения, имевшая место и в древности, но в последние несколько десятилетий принявшая масштабный характер. Все эти элементы жизни общностей, где наблюдается такое поведение, можно назвать прайдовыми, ибо они поставлены на службу биологическому выживанию этноса на фоне утраты человеческой природы.

Однако в действительности проблемы биологического выживания при обращении к животному (прайдовому) поведению отнюдь не решаются, а лишь обостряются и усугубляются. Подтверждением этому служат резкие вспышки венерических заболеваний, в том числе и СПИДа. Несмотря на то, что проблему СПИДа рассматривают, в первую очередь, в медицинском ключе, такое заболевание имеет, прежде всего, причины, связанные с нравственной деградацией, вырождением правового сознания и утверждением прайдового. Так, в ЮАР, где каждые 90 секунд в условиях мирной жизни происходит осквернение женщины, такая проблема особенно остра. В конечном итоге, ко многим преступлениям и последующим

физическим и психическим заболеваниям приводит обычная развращённость и связанная с ней звериная жестокость<sup>1</sup>. Разумеется, нелепо применять к животному миру понятия чести, благородства, но их невозможно игнорировать при организации жизни людей, ибо без них человеческая природа вырождается. Там, где господствуют принципы прайда, всегда стоит проблема голода, болезней, антисанитарных условий проживания и т.п.

По существу прайдовое право оказывается бесовским, ибо человек в нём всецело подчинён животной стихии, помноженной на развитый ум и воображение. Последнее же есть как раз одна из естественных, животных, неразумных форм поведения человека. Богослов Иоанн Дамаскин пишет о воображении так: «Способность воображать есть сила неразумной части души»<sup>2</sup>. Это отнюдь не означает, что ум или воображение сами по себе плохи, конечно, нет, – но они могут быть как конструктивными, так и деструктивными, направленными как ко благу, так и ко злу. Пару лет назад я задался вопросом: может ли человек быть, как животное? Интуиция подсказывала, что нет – не может человек стать животным, поскольку непостоянство человеческой природы предполагает то, что он может быть либо лучше, либо хуже животного. Этот вопрос я задавал и своим студентам. Однозначного ответа не было. Некоторые считали, что да, вероятность такого явления существует, и приводили в пример неких людей, которые, будучи на оторванном от цивилизации острове, даже обросли шерстью. Вполне возможно. Однако, шерсть, осанка – это всё внешние атрибуты. Тем не менее думается, что всё-таки нет. Не может человек быть животным. Безусловно, животные обладают мышлением, они могут отличать форму и цвет предметов, способны к законченному образу мыслей, даже к придумыванию слов для незнакомых им объектов<sup>3</sup>. Однако есть то, что для животных нормально, а для человека – нет. Помимо всего прочего, при анализе антропологических воззрений И. Канта, мною неоднократно ставился вопрос и перед собой, и перед студенческой аудиторией: насколько уместно помещать в один ряд биологическую природу, включающую в себя инстинкты, и социальную, заключённую в стремлении к общению. Пожалуй, в животном мире особи определённых видов в состоянии жить в одиночестве, лишь на время брачного сезона отправляясь на поиски другой особи противоположного пола своего вида. Что же касается человека, то он всегда нуждается в общении. Достаточно вспомнить классический пример с экспериментом, проводимым в фашистской Германии, результатом которого «учёными» ожидалось получение «чистокровных арийцев», сверхчеловека. В ходе этого опыта дети, чьё арийское происхождение не подвергалось сомнению, воспитывались без всякого общения. Люди, обеспечивающие удовлетворение их биологических потребностей, не имели права говорить в

<sup>1</sup> См. об этом статью Т. Бараева СПИД и насилие // Эхо планеты, № 38 (285), 1993. С. 20-22.

<sup>2</sup> Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 2004, с. 160.

<sup>3</sup> об этом см. Вирджиния Морелл. Братья по разуму // National Geographic. № 8, 2008, с. 82-107 и Акимускин И. Причуды природы. М., 1981, с. 112-115.

их присутствии. В результате все младенцы быстро умерли. Так или иначе, но одиночество противоречит природе человека, который может либо достойно его переносить, либо деградировать и погибать. Согласно Корану (4 : 15), женщину, изменившую мужу, предписывается запереть «в домах ваших, пока не примет их смерть...». Соответственно, неверных жён в некоторых исламских общностях подчас замуровывают. Приговорённые женщины, прежде чем умереть, сходят с ума, находясь в изолированных комнатах, куда их поместили.

Примеров, подтверждающих социальность в качестве естественной компоненты человеческой природы, достаточно много. Так или иначе, но факт необходимости общения ставит людей перед острой потребностью в формах коммуникаций, вне которых удовлетворение потребности в общении невозможно. Язык сам по себе есть только необходимое условие для развития путей общения, но отнюдь не абсолютное условие. Если у человека скудный внутренний мир, то и язык ему нужен исключительно в границах бытовой речи, удовлетворения физических нужд. Для более высокой степени организации жизнедеятельности к языку необходимо как бы добавлять и широкое мышление. Одним из сложных средств для коммуникации людей является право. Право как область повседневной культуры, юридической практики и функционирования государственных институтов есть прямая производная от человеческой природы. В принципе ещё гениальный русский мыслитель И.А. Ильин блестяще обосновал правовое сознание в качестве органичной части природы человека. Однако, стремясь избежать тех мыслей, кои уже высказывались И.А. Ильиным, мне бы хотелось подчеркнуть то, что вырождение правосознания приводит не просто к вырождению человеческой природы, а к уподоблению человека бесу. Прайдовое право, как уже было сказано, отнюдь не способствует не только духовному, но и биологическому выживанию людей; оно становится нормативным, вживается в повседневность и уничтожает как отдельно взятых людей, так и всё общество. Следует акцентировать внимание на существенную разницу между образом жизни, проистекающей в условиях естественного права и в условиях прайдового. Для того чтобы это было наиболее понятным, можно обратиться к литературным произведениям, где рельефно отражён быт людей того или иного времени. Например, в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» все лица, кроме образа Ивана IV, являются вымышленными, но М.Ю. Лермонтов, во многом опираясь на исторические источники, довольно-таки точно показал образ жизни на Руси XVI века. Примечательно, что один из главных героев поэмы – Киребеевич, способный на большую любовь, в душе которого живёт подлинная поэтичность, к тому же он храбрый и отважный человек, оказался преступником, поскольку попытался разрушить семейные устои, нормы народной жизни, возжелав жену своего ближнего. Как закономерный финал этому – гибель молодого опричника. Это произведение заставляет читателя задуматься над вопросами о судьбе и правах человеческой личности; поэма дорога нам своим пафосом свободы, уважения к человеку, к его чести и

достоинству. При всей жёсткости подхода к решению этой социальной проблемы, мы можем констатировать то, что люди стремились жить в духовной чистоте, берегли и защищали её. Сейчас же правила достойной жизни не просто игнорируются, а подчас целенаправленно стираются. На сегодняшний день, если обратиться в органы правопорядка касательно того, что кто-то сквернословит, где-то показывают порнографию, то, даже если милиция не пресечёт эти преступления, всё равно можно сказать: «Правда и закон на моей стороне». Однако я нисколько не удивлюсь, если завтра гражданину при аналогичных обстоятельствах придётся констатировать: «Правда на моей стороне, а закон против меня». Собственно говоря, часть беспринципного, достигшего полного морального разложения общества, не гнушающегося и даже заинтересованного в нравственном растлении окружающих людей, фактически подготовлено к законодательной защите таких форм поведения, при которых индивид перестаёт быть человеком. Уже в современной России такие человекообразующие качества, как стыдливость, целомудрие, не просто не «модные», а иногда прямо порицаемые. О нелепом случае поведали мне мои коллеги: по данным медицинского осмотра в 9-ом классе одна ученица оказалась целомудренной девушкой. Одноклассники, почему-то получившие данные врачебного заключения, вместо, казалось бы, положенного уважения к ней, объявили «виновнице, отколовшейся от коллектива» в знак протеста беспощадный бойкот. Здесь чётко прослеживается тот социальный негативизм, когда позор становится воинствующим, когда природа зла прямо проявляет себя в ненависти к добру, к по-настоящему чистоплотному, полноценному человеку. Безусловно, и ранее были люди, которые пережили трагедию в своей частной жизни, но они ясно отличали добро от зла, умели признавать свои ошибки и стремились не только в будущем их избегать, но и оградить других от подобного. Сейчас же духовно мёртвые существа «тащат за собой в могилу живых». Не секрет, что уже с середины 1990-х годов в российских классах школьники подчас прямо угрожают своим одноклассникам физическими побоями, если, например, они не начнут сквернословить.

Всё же надо признать, что аморальное общество является нежизнеспособным и постепенно само себя изживает. В таком социуме депрессии, самоубийства, аборты, криминальные убийства очень распространены. Массовое применение в современной Европе и России так называемых антидепрессантов подтверждает удручающий факт социальной и духовной болезни, ибо всякая печаль (депрессия) есть духовная епитимия за грехи. Не может быть радости в условиях порочной жизни, которая постулируется и защищается прайдовым правом. Неудивительно, что при внешне насыщенной удовольствиями жизни, активном поведении многих людей их не оставляют назойливые мысли о курении, наркомании, пьянстве, суициде. Вот и в современном мире, на фоне искусственно подогретой политической, а также половой активности, наблюдается нежелание и неспособность творить. «Под личиной прогрессиста скрылось равнодушие к будущему, неверие ни в какие внезапные перемены, загадки и превратности,

убеждение, что мир движется по прямой, неуклонно и непреложно, утрачивая тревожность будущего и оставаясь в настоящем»<sup>1</sup>.

Люди в условиях прайдового права ничего не могут создавать, творить. Почему же? Во-первых, интеллект и явно аморальное поведение друг с другом не совместимы; во-вторых, интересы прайда всегда узкие, направлены на удовлетворение индивидуальных потребностей. Поэтому общество, живущее прайдовым правом, обречено на смерть и забвение. Прайдовое право подвергает тяжкому, порой роковому испытанию и ещё духовно здоровых людей. Что бы ни говорили о сильных людях, но и им надобно ощущать свою востребованность, полезность обществу. Но чем криминализированных людей могут привлечь культурное наследие, например. В.А. Моцарта, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и, тем паче, подвижническая жизнь таких личностей, как Феодосий Печерский или Серафим Саровский. Талантливая личность – это также часть общей культуры, часть нации, и её возможности зависят не только от неё самой, но и от того пространства, которое определяется общей культурой. «Человек, проживающий в нормальной стране, должен иметь возможность участвовать в великих предприятиях, создавать коллективные ценности, развивать великие идеи»<sup>2</sup>, – пишет Хосе Ортега-и-Гассет. Однако, что если общество не заинтересовано в «великих предприятиях» и «великих идеях», что если последние вообще не вызывают какого-либо интереса у коллектива?.. Между тем, именно такие великие предприятия и идеи обуславливают степень развития и жизнеспособности общества, задают ему цель, обеспечивают духовное, правовое единство и благополучие. Наконец, «человеческая личность возможна только во множественном числе; она может существовать только будучи признанной другими, и она реализует себя только отдавая друг другу и получая друг от друга...»<sup>3</sup>. А если в этой личности нет общественной заинтересованности, если её не признают в социуме?! Разумеется, вопрос признания человека в личности естественен для коллектива, поскольку в последнем, действительно, решается мера соответствия индивида человеческой природе (в любой общине, общности осуждается алчность, бесстыдство, конформизм, жестокость). Это решение происходит разумно в том случае, если сам коллектив живёт по духовно-человеческим законам, в системе культурных отношений. Однако в условиях вырождения человеческой природы, смерти культуры коллектив признаёт личность лишь постольку, поскольку в ней «уничтожен человек», только в силу её бесчеловечности. В условиях уничтожения культуры коллектив признаёт личность только тогда, когда она не отличается от него в своей беспринципности, развращённости, звериной жестокости (хотя, строго говоря, само слово *личность* в данном случае выглядит неуместным).

<sup>1</sup> Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002, с. 46.

<sup>2</sup> Там же, с. 320.

<sup>3</sup> Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон. Созерцание Троицы Святой... Парадигма Любви в русской философии троичности. К., 2007, с. 37.



Духовный же, нравственный человек, настоящая личность окажется не признанным коллективом, живущим по законам прайда.

Причём не следует самоуспокаиваться, что, дескать, кто-то будет продолжать дело культуры, беречь её традиции. Здесь речь идёт о нации, о культуре, кои образуются не двумя-тремя энтузиастами, а единым духовным организмом многих людей, узревших единую цель своего бытия. Давайте вспомним культуру эллинизма. Её корни настолько древние, что до сих пор вызывают споры среди учёных. Однако ныне эллинов не существует. Есть государство Греция, но её связи с Древней Грецией весьма условны. В IV-V веках наблюдалось резкое сокращение греческого населения. Бесспорно, в эпоху эллинизма произошли большие достижения в области науки и естествознания, писались прекрасные поэтические произведения. Тем не менее надо понимать, что успехи в науке часто объяснялись усилением роли рационализма, который окреп не столько в силу умственного развития общества, сколько в силу нравственного упадка; стихи, поэмы, даже самые прекрасные, пишутся не всегда от чистого сердца, а подчас от переживания личного позора, неверия в свой и общественный успех. Приходится констатировать то, что к средним векам этнических греков почти не осталось. Нация, жившая культом языческих богов, в честь некоторых из коих в последние века своей истории время от времени устраивались пьяные вакханалии (от имени бога виноделия Вакха), не имела оснований жить. В период же особенно глубокого культурного кризиса эллины ушли с арены мировой истории. Время начала новой эры в Элладе ознаменовалось резкой вспышкой депрессий, самоубийств, аборт, криминальных убийств. Нация, не видевшая смысла в дальнейшей жизни своей культуры, быстро деградировала. Это указывает на то, что всякий народ нуждается в ясном видении цели своего бытия, своей культуры, должен осознавать свою вероятную перспективу. «Нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего»<sup>1</sup>.

Величие же цели, провозглашённой нацией, определяет её возможности, её жизнеспособность. «Если великий народ не верует, что в нём одна истина... то он тотчас же перестаёт быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал...»<sup>2</sup>. Однако в условиях господства прайдового права всякие представления об истинности размываются, а правила морали становятся условными, зависимыми от конкретной ситуации. Если же моральные принципы понимаются в качестве условных, то они теряют свою действенную силу, что позволяет лукаво подчеркнуть, что всякое преступление имеет нравственную санкцию. «Понятие, не имеющее цены само по себе, приобретает условную ценность чрез свою связь со схематизируемыми им переживаниями...»<sup>3</sup>, – пишет П.

<sup>1</sup> Там же, с. 281.

<sup>2</sup> Достоевский Ф.М. Бесы // Собр. соч. в 12 Т., т. 8, М., 1982, с. 245.

<sup>3</sup> Флоренский П. Христианство и культура. М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2001, с. 449.

Флоренский. Поэтому-то не вызывает удивления то, что за последнее десятилетие самым распространённым аргументом молодых людей в пользу аморального поведения становится фраза: «не мы такие – время такое». При этом им удаётся за безликостью времени прикрыть собственные пороки – жестокосердие, сквернословие, пошлость и т.п. Между тем, как точно в студенческой аудитории отметил курский преподаватель кафедры зарубежной истории КГУ Ю.Ф. Коростелёв, «не время определяет людей, а люди определяют время». Действительно, важно понимать то, что время не может влиять на моральные ценности, если нет для этого соответствующих условий в самом национальном сознании. Народ, отвергающий всякое духовное постоянство, незыблемость нравственно-правовых принципов, не способен уважать себя, ибо отвержение истины превращает в абсурд саму мысль о том, что в народе есть истина. Отсюда и потрясающее бесчестье, отсутствие всякого уважения к себе и к другим – одним словом, люди превращаются в «этнографический материал».

Итак, прайдовое право для государства и человеческой природы разрушительно, внешне оно обращено к животному поведению и, казалось бы, призвано возродить древние родовые языческие нормы. Однако на практике оно приводит и к биологическому вымиранию этносов. Что же касается языческих норм, то, надо признать, что в древности они были весьма эффективны и содействовали целесообразной организации жизни общности. Конечно, эти правила чётко регламентировали поведение членов рода, семьи; сейчас эти правила могут кому-то показаться даже слишком жёсткими, а порой и дикими. Тем не менее именно на них зиждилась культура, в лоне которой проистекало развитие социального организма. Деконструкция этих древних языческих правил без эффективного, всестороннего и быстрого укоренения новых, христианских или государственно-правовых, неизбежно приводит к духовному регрессу, потрясающему всякое воображение, необузданному проявлению оргиналистического начала. Обратим внимание на крушение языческого мира славян. В тех регионах, где христианство не вжилось в повседневную культуру, а старые языческие правила были лишь частично преданы забвению, там произошёл распад традиционных семейных отношений, норм достойного поведения, определяемого состоянием девства, мужества, самопожертвования.

В современном мире возрождение языческого сознания особенно очевидно. Однако оно по своему существу и в своей единой системе норм немислимо и нереально. Это, прежде всего, связано, с представлениями о личности. Понятие *личности*, ясно сформированное в христианском богословии, чётко поставило перед человеком цель жизни в виде теозиса. Эта цель, равно как и сама религиозная вера, переживается всегда личностно, индивидуально, субъективно. Если в языческом мире цель постулировалась в контексте выживания клана и была всегда общественной, родовой, то с

---

переходом к христианскому мировоззрению цель жизни должна была рассматриваться в свете личных интересов человека, его собственного духовного состояния. Конечно, приоритет идеи личного спасения отнюдь не умаляет её общественного значения, ибо, согласно общехристианской установке, вокруг одного спасённого спасаются тысячи, а разумная жизнь человека должна осмысливаться не только в индивидуальном личностном мировоззрении, но и в соборном сознании общества. Всё же следует признать то, что человечеству идея личности пришлась по душе, да настолько, что превратилась не в путь спасения и развития чувства личной ответственности, а в *прелесть* (в старославянском значении – в *приятный обман*), понимаемую в значении свободы от общественного, в том числе от семейного, долга. В результате в начале XXI века общество всякое, недопустимое с точки зрения человеческой природы поведение, объясняет личным делом: дескать, интимные отношения вне брака – личное дело человека, но в результате этого создание здоровой семьи становится невозможным; курение – тоже личное дело гражданина – вот только всё общество расплачивается значительными расходами на медицинское обслуживание граждан, занимающихся курением (также и их детей), а к тому же ещё массовой интеллектуальной недоразвитостью многих людей (на фоне же технологического роста интеллектуальная деградация нации приобретает особенно болезненную форму). Ныне даже те, кто сквернословит (хотя, где есть мат, там нет человека) подчас утверждают, что вопрос речи является личным делом. Так или иначе, но личное дело отдельно взятого индивида становится настолько универсальным, стандартным и массовым, что в среде нации с развитым понятием «личной жизни» вырождается всякое человеческое начало. В конце 2007 года Патриарх РПЦ Алексей II в одной из своих речей справедливо отметил, что ныне среди людей распространено ошибочное и опасное суждение о том, что в вопросах морали они могут руководствоваться личным мнением. Такой подход к выработке жизненно важных установок ведёт нацию к вырождению и духовному, и физическому. При ориентации каждого человека на собственные интересы в его существовании начинает господствовать принцип удовольствия, всецело подчиняющий его себе, а семья же в данном случае обречена на распад или деградацию. Одновременное акцентирование внимания и воли исключительно на своих интересах высвобождает в человеке животное начало, которое в среде развитого рассудка, естественного человеку по природе, принимает аморальные, извращённые, часто криминальные формы. Причём эти преступные формы человеческого существования логически обосновываются, становятся массовыми и нормативными, они уже не вызывают чувства раскаяния или вины, более того, они рекламируются, наделяются внешне безобидными понятиями, такими как предприимчивость, раскрепощённость, даже самостоятельность. В действительности же, эти формы поведения не являются предприимчивостью или раскрепощённостью, они ведут не к свободе, а к рабству. Однако их массовое распространение

настолько связывает людей, что бесчеловечность одного рассматривается как оправдание и обоснование бесчеловечности другого.

Итак, результатом стирания человеческих качеств является усиление животного начала и резкое развитие прайдового сознания. Лишь животные существуют исключительно внешней жизнью и озабочены собственным выживанием, в то время как человека беспокоит вопрос развития своего общества (своей семьи, своего этноса, народа, нации...). Вырождение же человеческого начала и господство прайдового права влекут озабоченность не общегосударственными проблемами, а сугубо частными вопросами, связанными с личным обогащением, личным удовольствием, ради достижения которых можно будет санкционировать и убийство частного лица, и этнические чистки, допустить и экологическую катастрофу, и вспышки эпидемий. В результате драгоценная идея личности оказывается безжалостно растоптанной теми, кто незаслуженно считает себя «личностями».

## Заключение

Итак, нетрудно заметить, что сущность государства не обладает абсолютной устойчивостью; сущность государства, его содержание и производные от него формы бытия зависят исключительно от духовного облика граждан. Да и само государство есть производная природы человека. Вырождение последней приводит к деградации самого государства, вследствие этого принимающего те нормы поведения, которые можно назвать прайдовыми. Главными чертами людей, живущих по правилам прайдового права, придерживающихся законов последнего, являются узость мировоззрения, локальность интересов, крайний индивидуализм и эгоизм. В условиях господства крайне жестоких нравов, каких-то перевёрнутых с ног на голову представлений, отражающих действительность в сознании человека, основными принципами, на которых зиждется общество, его мировоззрение, – это законы прайдового права. Именно при его главенствующей социальной роли довольно-таки широко распространяется идея личной жизни, а развлекательная культура играет первостепенную роль, что же касается принципа удовольствия, то он является для большинства людей главным, основополагающим. На фоне провозглашения идеи личной жизни сама личность при верховенстве прайдового права полностью разрушается, теряя всякое представление о человеческом достоинстве. В условиях прайдового права процветают субкультуры, язык подчиняется не общепринятым литературным правилам, а неписаным требованиям местного сленга, а также столь распространённого сквернословия, подчас против воли внедрившихся в сознание человека, становящихся навязанным способом для выражения своих мыслей. В этом случае искажается вся природа человека, включая направленность его воли, ориентированной законами прайда на достижение и утверждение аморальных норм. В конечном итоге общество, руководствующееся прайдовым правом, постепенно распадается и погибает. Естественно, ни о какой культуре в условиях прайдового права не может быть и речи. Здесь важно понимать то, что культура образуется и сохраняется не двумя-тремя энтузиастами, а нацией в целом. По существу, прайдовое право оказывается не только античеловеческим, богопротивным явлением, но и бесовским.

Само собой разумеется, когда мы поднимаем вопрос о нормах культуры как о фундаменте для выстраивания позитивного права, мы неизбежно раскрываем тексты, которые в конкретной культуре обладают силой религиозного закона. Представляется, что не может существовать атеистического права, в конце концов, атеизм может не признавать религиозной веры, но не способа регуляции отношений в социуме. Если мы говорим о культуре персов, то уместно обращаться к Авесте; при анализе исламской культуры следует обращаться к текстам Корана и сунн. Если же мы стремимся понять культуры народов России и Европы, необходимо открывать Библию. «Христианская церковь оказалась способной соединить

даже самое противоречивое, вобрать в себя все идеалы, считавшиеся до той поры наиболее высокими, и надёжно хранить их в виде нерушимой традиции»<sup>1</sup> – замечает Карл Ясперс. Действительно, именно живая традиция является основой для эффективного функционирования законодательства, именно традиция утверждает человеческую природу, предохраняет её от деградации, чётко отделяет мир людей от мира животных и позволяет человеку осознать свою духовную сущность. «Традиция делает нас людьми. То, чем человек обладает наследственно, практически нерушимо; традиция же может быть полностью утеряна. Она ... составляет историческую субстанцию человеческого бытия»<sup>2</sup>. В религиозных же доктринах традиция приобретает силу закона, передающегося из поколения в поколение, являющегося гарантом социальной стабильности и основой духовного роста. Вот как раз к законам Библии и следует обращаться при разработке или корректировке норм позитивного права. В последних раскрывается сама человеческая природа, благодаря им мы не просто подсознательно чувствуем, а ясно, объективно понимаем, что для человека свойственно, а что для него противоестественно. Первичные нормы, до воплощения Слова обязательные к выполнению, мы читаем в Торе (Пятикнижии). Напомним, что Тора входит в Библию и почитается не только иудеями, но и христианами. Само слово *тора* традиционно переводится как *закон*, или *божественное наставление*. Такой перевод указывает не только на правовую силу этих предписаний, но и на их божественность; а игнорирование законов Торы обозначает не только как злодеяние против людей, но и как преступный акт против Бога. Законы Торы примечательны тем, что в них выражаются такие принципы человеческого общежития, которые в той или иной форме существуют в любых обществах, включая и языческие. Однако в Торе ясно осмыслены и прописаны не только сами законы, но и мера ответственности за их нарушение. Именно эти законы должны учитываться при разработке законодательства. Разумеется, речь не идёт о том, чтобы ветхозаветные нормы в чистом виде переписывать в Уголовный Кодекс, но тем не менее их необходимо учитывать при осмыслении тяжести преступления, меры ответственности. Некоторые же явления, описанные в Торе, носят явно архаичный характер. Однако, если мы признаём то, что Россия – страна, где большинство населения исповедует христианство (хотя бы формально), то будет уместно обратиться к анализу правовых норм, прописанных в священном тексте Торы и принять во внимание то нужное и ценное, что может стать весьма полезным для нашего жизненного устройства.

Кстати, надо отметить, что вопреки расхожему мнению, будто евреи считают, что нормы морали применимы лишь к евреям и могут игнорироваться в отношении к гоим (к людям, не исповедующим иудаизм), в Торе указывается на то, что к любому человеку, независимо от его

<sup>1</sup> Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 82.

<sup>2</sup> Там же, с. 245.

национальной и религиозной принадлежности, надо относиться справедливо. Об этом пишется так: *«Если найдёшь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося, – приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развяжешь вместе с ним»* (Исход 23 : 4-5). Не менее примечательны следующие слова: *«Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца»* (Левит 24 : 22).

Говоря о смертной казни, допустимой законами иудаизма, следует учесть то, что предполагается достаточно объёмистый список преступлений, за которые виновного казнят. Назовём эти преступления: 1) за богохульство (Левит 24 : 16); 2) за убийство (Исход 21 : 12, 21 : 14, Левит 24 : 17); 3) за опосредованное убийство (Исход 21 : 29); 4) за колдовство (Исход 22 : 18, Левит 20 : 27); 5) за блудодеяние и прелюбодеяние (Левит 20 : 10, 21 : 9, Второзаконие 22 : 14-24); 6) за половые извращения (Исход 22 : 19, Левит 20 : 11-18); 7) за злословие на своих родителей (Исход 21 : 17; Левит 20 : 9); 8) за грубое отношение к родителям (Исход 21 : 15); 9) за похищение и продажу человека (Исход 21 : 16); 10) за приношение жертвы языческим богам (Исход 22 : 20). Многие положения Торы носят предписательный характер, имеющий целью минимизацию возможности совершения преступного деяния или предотвращение складывания таких условий, при которых человек уязвим к греху. Такие предписания мы встречаем, прежде всего, в Левите и Второзаконии.

Однако рождение богочеловека Христа ознаменовало то, что общество уже готово принять более развитое, а значит, более мягкое, гуманное законодательство, духовное по своей природе. С того момента, как человечество получило Новый Завет, законы Торы потеряли абсолютную силу и, хотя они не отменялись Иисусом Христом, но всё же стали не обязательными к применению. Христос так говорит: *«Если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное»*.

Однако трагичность ситуации состоит в том, что крайне сложно, почти невозможно жить по духовным законам Нового Завета, если общество массово игнорирует прописанные нормы Торы. Карл Ясперс ещё в начале XX века писал: *«Тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живёт вплоть до сего дня. В каждом своём порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспаляются идеями той эпохи»*<sup>1</sup>. Однако ныне почти никто не «воспламеняется идеями» прошлого, чаще всего о них и знать не хотят, дабы оргия попрания закона человеческой природы стала максимально свободной, внутренне беспрепятственной, носящей характер внутреннего раскрепощения, беспринципности.

В условиях прайдового права люди, обладающие опытом новозаветной жизни, не могут в полной мере реставрировать правовую культуру Торы, тем более что при таком положении дел будет очень сложно оградить нормы

<sup>1</sup> Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 38.

христианской жизни от иудейской идеологии. Однако обществу невозможно развиваться духовно, если в нём массово не соблюдаются базовые законы естественной жизни людей. В этом случае законы прайда обращаются не просто на своё самоутверждение, но ещё и на прямое, физическое уничтожение всего того, что напоминает о должном облике человека.

В качестве средств для подавления прайдового права выделяются следующие:

1. Развитие в обществе литературного языка. Развитие литературного языка должно осуществляться при строгом контроле государства. Безусловно, значительное место отводится учебно-воспитательной работе (в общеобразовательных школах, а также училищах, техникумах, вузах), немаловажным аспектом которой является умение привить у школьников, студентов понятия о культурных ценностях, в том числе и норм литературного языка. Однако в данном случае речь больше идёт о противостоянии деструктивным процессам в русском языке. Так, в штате каждой школы необходимо иметь хотя бы одного представителя правоохранительных органов, причём его работа должна носить не эпизодический, не индифферентный, а обязательный, оперативный характер, предусматривающий не только контроль, но и строгое пресечение случаев употребления учащимися нецензурной лексики (вплоть до обращения к такой мере наказания, как штрафы).

2. Развитие широты мировоззрения общества, его включение в решение некоторых проблем, носящих не узко национальный, а общечеловеческий, глобальный характер. В данном случае уместно обратиться к СМИ, которым следует больше внимания уделять не жизни частных лиц, представляющих, как правило, шоу-бизнес, а общемировым проблемам.

3. Государственная охрана культурных ценностей. Так, в УК РФ в обязательном порядке необходимо ввести статью, строго карающую за деятельность, направленную против (или в ущерб) культурных ценностей. Это касается и деструктивных проявлений, происходящих в речи наших граждан, причём не без пагубного влияния на их миропонимание со стороны книжной продукции определённого толка. В этом случае следует ввести строгий государственный контроль, который предусматривал бы следующее: если где-либо зафиксирована продажа книг с нецензурной лексикой, то ответственность должны понести как издающие, так и продающие данную продукцию. Более того, если эта лексика предписывается деятелям культуры, то наказание должно быть гораздо строже. Также важно контролировать сферу музыкальной культуры, пресекая исполнение песен пошлого содержания. Разумное наблюдение за происходящим в сфере музыкальной культуры, корректировка или же изъятие неприемлемого для полноценного развития человека – всё это необходимо осуществлять не только на специализированных радио и телевизионных каналах, но и на дискотеках, как общегородских, так и, например, в детских оздоровительных лагерях.

4. Следует обратить внимание на то, что честь человека не менее важна, чем его жизнь. Это также должно быть отражено в УК. Так,



преступления против свободы, нравственной и физической чистоты одного гражданина должны рассматриваться как не менее тяжкие, чем умышленное убийство человека.

5. Чёткая фиксация понятия *социальной ответственности*, которое необходимо зафиксировать не только на уровне нравственного сознания людей, но и на уровне позитивного права. Утверждение социальной ответственности должно проходить на всех уровнях, невзирая на социальный статус граждан. Так, государственный чиновник за общественно опасные уголовные преступления должен нести более серьёзную ответственность, нежели рядовой гражданин, ибо первый нередко служит для народа образцом для подражания, а, главное – он представитель власти, доверие к которой ко многому его обязывает. В то же время и на административном уровне следует уделять больше внимания общественному порядку, например, если последний кем-либо нарушается.

6. При приёме на работу в сферу государственного аппарата или в сферу образования следует быть принципиально внимательным к моральным качествам претендента. Обоснованная отрицательная, в том числе и в моральном плане, характеристика может явиться причиной для отказа в приёме на работу, так же как аморальный поступок должен стать причиной для увольнения с государственной должности или из сферы образования.

Разумеется, здесь указаны лишь некоторые меры, способные в какой-то мере поспособствовать борьбе с прайдовым правом, а, значит, духовному росту общества. Возможно, кто-то заметит, что ряд поднятых вопросов не носит серьёзного, определяющего характера: дескать, например, проблемы культуры речи для страны и нации вовсе не судьбоносны. Однако здесь следует учесть то, что если в обществе не функционируют нормы и правила культуры, нет культурной традиции, то никакое законодательство не будет в силах обеспечить нормальное развитие государства и безопасность граждан.

Подводя итог проведённому исследованию, отметим то, что природу человека надобно осмысливать, прежде всего, в категории духовности и лишь потом в моральных и правовых категориях. Государство призвано содействовать духовному возрастанию людей, однако в обязательном порядке необходимо придерживаться принципа разделения Церкви и государства. Государству же следует формировать своё право на основе общекультурных принципов. Сохранение органичной связи между государством и культурой должно быть обязательным.

### Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. К.: Дух I Літера, 2001. – 460 с.
2. Акимущкин И. Причуды природы. М. «Мысль», 1981. – 247 с.
3. Анджело Скола, Джильфредо Маренго, Хавьер Прадес Лопес. Богословская антропология. М.: Христианская Россия, 2005. – 383 с.
4. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 240 с.
5. Архимандрит Эмилиан. Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2002. – 416.
6. Бараев Т. СПИД и насилие // Эхо планеты, № 38 (285), 1993. С. 20-22.
7. Беличенко А.В. Язык как хозяйство. К «политэкономии» языка: девственные знают больше // Мова і культура. Киев: Видавничий Дім Бураго, 2007. Вип. 9. Т. I. – С. 31-44.
8. Бердяев Н. Самопознание // Русская идея, М.: АСТ, 2002.
9. Бердяев Н. Философия свободы. М.: АСТ, 2002. – С. 736.
10. Великие духовные пастыри России. Под ред. А.Ф. Киселёва. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1999. – 496 с.
11. Вирджиния Морелл. Братья по разуму // National Geographic. № 8, 2008, с. 82-107.
12. Ганчев П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // Вопросы философии. № 8, 2008. – С. 160-166.
13. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре; Рассказы. М.: Современник, 1991.
14. Губарева М. Танго: бесконечная возможность // Вокруг света. 2007, № 7 (2802).
15. Давыдов Ю.Н. Любовь и свобода: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. – 576 с.
16. Дипломатический словарь. Т 1. М.: «Наука», 1985.
17. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 8. – М.: «Правда», 1982. – 461 с.
18. Драчук В. Дорогами тысячелетий. Смоленск: «Русич», 2001. – 256 с.
19. Западная Европа и исламизм: противостояние усиливается // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 2. – С. 94-103.
20. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. – 586 с.
21. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. – М.: Русская книга, 1993. Т. 4. – С. 149-414.
22. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: «Лодья», 2004. – 464 с.
23. Кант И. О сосуществовании злого принципа с добрым, или об изначальном злом в человеческой природе // Кант И. Собр. соч. в 6 томах Т. 4, Ч. 2. – М., 1965. – 5-58 с.
24. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов, М., 1990.

25. Картленд Б. Тайнство любви сквозь призму истории. – М., 2000. – 272 с.
26. Кобликов А.С. Юридическая этика. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 168 с.
27. Кожин В.В. Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 512.
28. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: ЛЕНАНД, 2005. – С. 80.
29. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: АСТ, 1999. – 576 с.
30. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М., 1997.
31. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. – С. 432.
32. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2002. – С. 526.
33. Моммзен Т. История Рима. Санкт-Петербург: СПб, 1994 г., Т. 1. – С. 765.
34. Монкоша-Богдан Я. Языковой патриотизм в период глобализации // Мова і культура. Киев: Видавничий Дім Бураго, 2007. Вип. 9. Т. I. – С. 5-11.
35. Маяк И. Л. Римляне ранней республики. Москва: МГУ, 1993. – С.160.
36. Немировский А. И. Этруски: от мифа к истории. М.: Наука, 1983 г. – С. 261.
37. Никитин И.С. Сочинения. – М.: Издательство художественной литературы, 1955. – 342 с.
38. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. – 509 с.
39. Петров В.С. Тип и формы государства. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. – 120 с.
40. Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства. Л.: «Наука», 1971. – 164 с.
41. Поленина С.В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. Январь 2008. – С. 37-43.
42. Протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон. Созерцание Троицы Святой... Парадигма Любви в русской философии троичности. К.: «Дух І ЛІТЕРА», 2007. – 328 с.
43. Русская философия права: Антология. – СПб: Алетейя, 1999. – 438 с.
44. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни / Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 122-275.
45. Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т., Т. 2. М.: Мысль, 1988. – С. 556-557.
46. Страны мира. Краткий полит.-экономический справочник. М.: Политиздат, 1973. – 462 с.
47. Страны мира. Краткий полит.-экономический справочник. М.: Политиздат, 1989. – 496 с.

48. СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1989. – 712 с.
49. Торубарова Т.В. О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. – СПб.: Наука, 1999. – 261 с.
50. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. – С. 776.
51. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1987.
52. Флоренский П. Христианство и культура. М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2001. – 672.
53. Франк С.Л. С нами Бог. М.: АСТ, 2003. – 750 с.
54. Фюстель де-Куланж Гражданская община древнего мира. Санкт-Петербург, 1906.
55. Шекспир В. Исторические хроники: Пьесы. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 672 с.
56. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск: ООО «Харвест», 2003. – С. 576.
57. Юнг К. Г. Психологические типы. С-П.: Ювента, М.:Пресс-Универс, 1995. – С. 725.
58. Юнг. К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск. Харвест, 2004. – 400 с.
59. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. – 603 с.
60. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1991. – 527 с.
61. El Mundo, 15 abril, 2008.

## Содержание

Введение.....	3
Глава I. Становление государственно-правового мировоззрения в культуре человека и общества.....	5
Право и человек в единстве и противоречии (постановка проблемы).....	5
Цивилизация и право: путь от рода к человеку и от человека – к государству.....	9
Римское государство и право. Его роль в становлении цивилизации.....	16
Открытость рода как одна из основ Римского государства.....	20
Система ценностей в период царей и республики.....	25
Государственный путь к правовому естеству.....	31
Глава II. Дорога к прайду, или в логово зверя.....	48
Межкультурное сознание как основа для развития цивилизации и международного права.....	48
Проблема глобализации, её проявление в локальных культурах.....	58
Честь как категория права и основа его соблюдения.....	71
Возрождение рода: дикий ренессанс.....	90
Заключение.....	101
Список использованной литературы.....	106